
Молитва
о Пушкине
Ирина Бродская

Ирина Бродская

Молитва о Пушкине

Москва 2006

По благословению архиепископа Запорожского и Мелитопольского Василия

+А Василий

Художественное оформление: Турченко Ольга
Владимир Панкратов

Иллюстрации: Тамара Коваленко

Компьютерное макетирование: Юлия Стоянова

Корректура: Марина Васильева

Ирина Бродская
Молитва о Пушкине.
– М: ОБРАЗ, 2006. – 256 с.

Книга Ирины Бродской – просто немного жизни как она есть. Жизни юных душ в тугом жгуте современного мира. Жизни, в которой есть доброта и боль, радость и беда, день, ночь, кухня, улица, асфальт, небо, чашка кофе, песок сквозь пальцы, время, рухнувшее кометой, и время, замершее в сердце… И в этой жизни есть Бог. Как Он есть в действительности – но сколь немногие ясно видят ту подлинную действительность! А Ирина Бродская увидела – и рассказала о том своим читателям.

ISBN 5–87507–272–5

Светлой памяти моей мамы

Биография

Ирина Бродская родилась во Владивостоке в семье морского офицера. Детство ее прошло в Москве и Севастополе. Уже в школьные годы писала пьесы и рассказы. Окончила Московский государственный университет им М. Ломоносова, факультет журналистики. Работала в редакциях газет на Украине. Одновременно занималась научной работой.

Профессиональный интерес или, как она сама говорит, «многолетняя тоска по тому, чего никогда не видела – декабристы». Не те первые революционеры, о которых писали Ленин и всё советское декабристоведение, а совсем другие люди, которые, – слава Богу! – так ничего и не сделали, потому что в каждом из них интеллигент взял верх над революционером.

Первая книга о декабристах вышла в Италии, в 1989 году. А через несколько лет появилась документально-художественная повесть «Поклонник истины святой» о российских аристократах, прошедших через страдания и поверивших в Высший смысл Вселенной и перспективу Вечности и осознавших, что все противоречия духа могут быть преодолены только через живое созерцание Бога.

После окончания аспирантуры Киевского государственного университета и защиты диссертации, став кандидатом исторических наук, преподавала в институте культуры.

С 1993 года И.Бродская живет в Германии. Занимается вопросами философии, религии, искусства. За эти годы публиковалась в Париже, в Москве, на Украине. Читает лекции по истории мировой духовной культуры для российских эмигрантов. Тематика разнообразная – Пушкин и Моцарт, средневековая Германия и почему Ленин не любил Достоевского, истоки религиозной и национальной нетерпимости и мир библейских сюжетов. Открыла школу для детей российских эмигрантов, где преподаёт русский язык и литературу, историю России и русского искусства. Создала молодежный и детский театры.

В основу пьес, режиссуры, детской школы, книг и лекций Ирины Бродской положена одна и та же духовно-нравственная идея: всегда есть свобода духовного выбора, всегда есть повод для сомнений, всегда есть шанс мирного исхода, и каждый из нас, если очень захочет, сможет справиться с бесами в собственных душах.

Из доброго сокровища сердца...

Добро, доброта, добродетель... Трудно найти в современном мире понятия одновременно и столь гонимые, и столь чаемые. Разрыв времен, сердец, сознания...

Древняя правда Добра воспринимается как седая древность. Природное право православия нести правду добра воспринимается как анахронизм. А ведь «Добр**о**толюбие» (основная аскетическая книга православия) в переводе с церковнославянского есть «Любовь к Красоте».

Красота есть «Добр**о**та»... Красота, Любовь, Добро, Надежда, Радость – как жить без этого? И все это христианство в полноте даровало миру, каждому из нас. Христос не грозным властителем, но нищим путником стоит у дверей нашего сердца, стучит, просит отворить и принять... И словно в чудесной сказке нищий странник, переступив порог, обращается в Царя и приносит изобильные дары – дары Любви. Но отворим ли мы дверь?

К великой печали признаем – отгороженность современного человека от Церкви есть не только вина общества. Церковь, в величии своего служения, во многом утеряла ту живую связь с людьми, которая позволяет одинаково прийти в её лоно и простецу, и мудрецу, старцу и юноше. Не будем тут анализировать причины того – они вполне

объективны. Но скажем – иссохшая земля человеческого сердца жаждет *слова*. Однако зачастую – не может приять, ибо слишком окаменела почва, да и слишком тепличны, рафинированны в своем роде, семена – семена проповеди, служения, духа.

И потому каждое слово о Слове, каждое дыхание доброты во Христе, каждый искренний и живой опыт жизни с Богом – для нас необходим и дорог. Великий опыт святых отцов Церкви для своего адекватного восприятия требует немалой подготовки. Потому простой, доступный современному человеку, юноше, девушке рассказ о Добре необходим жизненно – но, к сожалению, таковой – большая редкость. И все же, слово о Добре должно же быть услышано?

– ***«вы сейте...»***

Наше дело сеять. И потому я с великой радостью представляю Вам, читатели, книгу Ирины Бродской «Молитва о Пушкине». Книга обращена к молодёжи – всегда самой сложной для проповеди группе. Молодым не достаточно сказать: «Так положено» – им нужно показать сие – правдой сердца, правдой жизни, а еще – правдой авторского слога, его подлинностью. И это есть в представляемой книге. В ней не стоит искать рекламно виртуозных виражей постмодернизма, или, напротив, воспитательного дидактизма «книги для юношества». Книга Ирины Бродской – просто немного жизни как она есть. Жизни юных душ в тугом жгуте современного мира. Жизни, в которой есть доброта и боль, радость и беда, день, ночь, кухня, ули-

ца, асфальт, небо, чашка кофе, песок сквозь пальцы, время, рухнувшее кометой, и время, замершее в сердце… И в этой жизни есть Бог. Как Он есть в действительности – но сколь немногие ясно видят ту ***подлинную*** действительность! А Ирина Бродская увидела – и рассказала о том своим читателям.

У меня много детей (здесь – не в смысле эвфемизма «духовные чада», я говорю именно о большой семье). Мои дети ходят в школы и в вузы, работают, занимаются бизнесом, любят, женятся, купаются в море, жарят шашлык, читают книги, смотрят кино, и пр., и пр. А еще они молятся, ходят в храм, причащаются – так и тогда, как определяют то ИХ отношения с Богом; взрослые дети не поле для силового отцовского давления. Они молодые, современные, живые – и они с увлечением, по собственному желанию, прочитали книгу Бродской (для написания предисловия пришлось изыскивать под подушками). И книга им понравилась – по-моему, эта рекомендация для юного читателя должна быть убедительней, чем все мои рассуждения.

Это стоит прочитать. И не только юношам и девушкам. Это всем нам важно…

Священник Михаил Шполянский

МАЛЬЧИК И МАМА

В комнате сразу стало темно и неуютно, потому что мама и мальчик поссорились... Мама ушла к себе, а мальчик тоскливо смотрел в окно. Он не понимал, почему его мама совсем – совсем не чувствует ЭТО? Он ей рассказал, как вчера ночью стоял у окна и разговаривал со звездой. На небе она была одна, но очень большая и яркая. Он разговаривал с ней, а она разговаривала с ним. «Фантазёр», – засмеялась мама. «Но это была не звезда!» – сказал мальчик. «А кто же это был?» – спросила мама. «Это был Бог!» – радостно прошептал мальчик. Мама нахмурилась. «Выброси все эти глупости из головы. По ночам надо спать, а не торчать у окна». Мама так и сказала: «торчать у окна». Мальчик заплакал, а мама еще больше рассердилась и вышла из комнаты. Вот тогда-то и стало темно и неуютно. По стенам поползли какие-то странные тени, и абажур, еще совсем недавно такой большой, светлый и теплый, стал похож на старый медный таз, в котором мама варит варенье.

А через несколько дней к ним пришла беда. Мама была у врача, и ей сказали что-то очень плохое. Мама лежала на диване, повернувшись лицом к стене и, наверное, плакала. «Мама, – сказал мальчик, – я тебя вылечу... Я знаю, как это сделать». Не поворачиваясь, мама протянула к нему руку и на

ощупь потрепала его по рыжей чёлке. Поздно вечером, когда мама, пожелав ему спокойной ночи, ушла к себе, мальчик соскользнул с кровати, подошел к окну и отдернул занавеску. Звезда уже ждала его, она была совсем близко, почти рядом. Мальчик долго смотрел на нее, а потом сказал: «Господи! Мама говорит, что Тебя нет. Но я знаю, что Ты есть... Я не умею молиться...Я не знаю, как это делают... Но...я очень прошу тебя, вылечи, пожалуйста, мою маму...».

Скрипнула дверь, мальчик повернулся и увидел маму. Она смотрела на него, широко раскрыв глаза, потом быстро подошла к нему и, схватив за ворот ночной пижамы, потащила в кровать: «Немедленно спать! И если я еще раз увижу тебя за этим занятием, ты...ты...пожалеешь!» Мама задернула занавеску и, не сказав больше ни слова, вышла из комнаты. Съежившись под одеялом, уткнувшись носом в подушку, мальчик думал о том, что завтра он обязательно уговорит маму разрешить ему разговаривать с Богом. Мама просто не знает, что есть Бог. Он тоже не знал, но недавно ему об этом сказала старая учительница. И он не придал этому никакого значения. Да и представить Бога не мог, не дедушка же это с длинной бородой, сидящий на небе. Это было бы так смешно!

Но однажды мальчик допоздна засиделся у своего друга и когда вышел на улицу, было уже темно. Даже прохожие попадались редко... Мальчик побежал. Под ногами скрипел снег, но луна была удивительно яркой... И звезд было много, как никог-

да. Звезды, на которые он раньше не обращал внимания, блестели как-то очень загадочно. Он даже остановился, чтобы на них посмотреть. Небо тоже показалось ему необычным... Оно было словно живое, оно дышало и... знало о том, что мальчик торопится домой и ему немножко страшно. «Если небо... вот такое, то не надо ничего бояться»,– подумал мальчик. А еще он подумал о том, что, может быть, это и есть...Бог? Значит Бог – это что-то очень доброе, светлое и это «что-то» не просто знает о том, что ты есть, но и оберегает тебя! Мальчик даже радостно засмеялся собственным мыслям и, не отрывая глаз от неба, помчался домой все рассказать маме.

Мама ждала его на улице, конечно же, она волновалась, и ему здорово досталось в этот вечер. И все же перед сном он рассказал ей о своем открытии. Но мама отнеслась к этому как-то очень равнодушно, вздохнула и сказала обычное свое слово: «Фантазёр». Мама его не поняла... И тогда это стало его тайной – от всех, даже пока от мамы. Эта тайна была очень радостной, это было его великое открытие! Есть Бог! Он живой, добрый и заботливый, а поэтому ничего плохого в жизни не случится! И вот теперь мама заболела. Ее болезнь, которая очень плохая, и Бог, который добр, вместе существовать не могут! Но Бог сильнее болезни, а значит, его мама не умрет, – так думал мальчик.

В один из дней мама сказала, что ей придется лечь в больницу на операцию, а к ним приедет бабушка. Ночью, когда мама уже спала, он опять стоял

у окна. Ночь была темной, небо мрачным, без единой звездочки. «Это ничего... Он меня все равно слышит», – подумал мальчик и заговорил скороговоркой: «Господи, Господи, вот я стою перед Тобой и не знаю, что сказать...Я знаю, что я Тебя очень люблю, и мне ничего не надо, спаси только мою маму... Ведь она не умрет, правда? Ведь Ты же не хочешь, чтоб она умерла!»

Мальчик не заметил, что стал говорить громко, в полный голос. Он только вздрогнул, когда понял, что мама здесь. Она была в длинной ночной рубашке, спутанные волосы почти закрывали ее лицо. Мама показалась ему чужой и некрасивой. А через мгновенье она уже трясла его за плечи и кричала : «Опомнись! Ты сошел с ума! Мне мало одного горя, так еще надо тащить к врачу тебя!». «Мамочка, мамочка, успокойся! Миленькая! Я не болен! Я просто молюсь! Как ты не понимаешь? Он есть! Он меня слышит!»

Мама никогда раньше не била мальчика, но сейчас она принялась колотить его своими маленькими ручками по согнутой спине, а потом поволокла в угол. «Ты будешь стоять здесь до утра! Ты наказан! И запомни! Нет никакого Бога ! Нет! И быть не может! И если еще раз я увижу...»

«Я больше не буду! – плакал мальчик, – только успокойся! Пожалуйста, прости меня, тебе нельзя нервничать!» Мама опустилась на его кровать, она тяжело дышала, мальчик стоял в углу и перепугано смотрел на нее. Затем мама встала. «Отправляйся спать, – сказала она, – и помни о своем обещании.

Если ты хочешь, чтобы я была здорова, ты больше не будешь это делать. Никогда».

Назавтра день был солнечным, морозным и веселым. Всем было хорошо в этот день, а мальчик чувствовал себя одиноким. Он не знал ни одного человека на свете, которому можно было бы рассказать о том, как он ждет ночи, чтобы попросить Бога спасти маму. И сделать это так, чтобы мама ничего не слышала. Вечером мама разговаривала с ним мало, а он наоборот хотел казаться веселым. Спать легли рано. «Спокойной ночи, мама», – сказал мальчик. Мама притянула его к себе, строго посмотрела в глаза и сказала: «Ты мне обещал». Мальчик пошел в свою в комнату, дал себе слово не спать всю ночь и … очень быстро уснул.

Он проснулся неожиданно среди ночи, словно кто-то разбудил его, тихонько встал и подошел к окну. Сердце его отчаянно колотилось. Ночь вновь была яркой. И помимо его звезды было еще много других звезд. Ему захотелось открыть окно. Но на зиму мама заклеивала окна. Тогда, поднявшись на цыпочки, он открыл форточку. Пахнуло ночной, морозной свежестью. И на звезды теперь можно было смотреть не через стекло, они сверкали прямо перед ним, и от каждой отходили крохотные серебряные лучики… И мальчик опустился на колени… «Господи, сделай так, чтобы мама ничего не слышала… Пожалуйста, пусть она спит…А я всю ночь буду с тобой разговаривать, только бы она не проснулась…».

В комнате стало прохладно, мальчик закутался

в одеяло и, снова опустившись на колени, продолжал шептать свои молитвы. «Мне так хорошо с Тобой, Господи...Мне тепло и радостно... Может быть, и Тебе хорошо со мной? ...Я буду стараться быть хорошим, добрым, всех любить, никого никогда не обижать, не драться... Меня так учит мама...Господи, сделай так, чтобы она поверила, что Ты есть... А самое главное, вылечи ее... Ей будут делать операцию...Пожалуйста, помоги врачам сделать все хорошо...»

Мальчик молился долго и не знал, что почти все это время мама была здесь и слушала его. И только когда он вдруг расплакался, представив, что мама все-таки умрет, и вновь стал горячо умолять Бога оставить ее живой, то почувствовал, что мама рядом....Он поднял лицо и закричал отчаянно и безудержно, но... мама вдруг опустилась рядом с ним на колени, обняла его и тоже горько разрыдалась. «Мамочка, миленькая моя, не плачь... Пожалуйста, не плачь!» – растерянно успокаивал он её. А мама неожиданно протянула руки к небу и прошептала: «Если Ты действительно есть и открылся моему ребенку, то услышь его! И ... помоги поверить мне...».

Обнявшись, они долго сидели на полу, и мальчик горячо шептал маме на ухо. «Мамочка, Он все слышит! Честное слово! Я не знаю, как тебе это объяснить, но я это чувствую!» Мама молчала, она только гладила его по голове и продолжала тихонько плакать...

Мальчик и не заметил, как на небе одна за другой гасли звезды, как в комнате становилось свет-

лее, и где-то далеко, за домами и лесом, появились тонкие розовые полосы, они разрастались вширь и окрашивали в яркий оранжевый цвет еще недавно такое темно-синее небо … «Мы с тобой первый раз вместе встречаем рассвет», – сказала мама. Мальчик молчал. «И ты… веришь в чудеса? Ты думаешь, что может… произойти чудо?» – шепотом спросила мама, но мальчик не отвечал, потому что он спал… Мама не смогла отнести его на кровать, она уложила его поудобнее на пол, накрыла одеялом и сама легла рядом. Она не спала, она ждала, когда он проснется, чтобы спросить его о чем-то очень важном для себя…

Так прошла эта ночь, которую они запомнили навсегда, – мальчик и мама. С тех пор мама верила в то, что чудо может произойти, если ребёнок будет молить об этом Бога. И сама научилась благодарить Того, Кто подарил ей и жизнь, и небо, и сына…

ДОЗЫ СОЛНЦА

Они называли себя мушкетерами. «То же еще мушкетеры!» – смеялись в классе. Мишка носил очки и прихрамывал, Санька был маленький и тощий, и только Марата, толстого и неповоротливого, можно было еще кое-как назвать Портосом. Во втором классе Мишка рассказал историю о трех мушкетерах, вот тогда они и решили жить под девизом: «Один за всех и все за одного». Так и жили.

Их дома были на одной улице, и после уроков они подолгу пропадали в каждом из трех подъездов. Конечно же, ходили друг к другу в гости, потому что в каждом доме было то, чего не было в другом. У Саньки была собака непонятной породы, да еще и со странным именем – Тюлька. Больше всего в жизни Тюлька любила телевизор, особенно программу «В мире животных» и боевики. А Санькин папа умел показывать фокусы, хотя в цирке уже давно не работал. Жили они втроем, не считая Тюльки, – папа, Санька и бабушка. А мама умерла...

У Мишки дома всегда вкусно пахло лейкехом – бисквитным пирогом с орехами, и было много толстых старинных книг, которые перелистывать – уже удовольствие. А у Марата был компьютер...

Собирались по воскресеньям, потому что в другие дни не получалось: то уроки, то шахматы, то

R.

спорт.... В пятницу Марат с родителями шел в мечеть на пятничную молитву. В субботу не мог Мишка. Он даже из дому в этот день не выходил, потому что в субботу – шаббат. А в шаббат ничего делать нельзя, нужно только отдыхать. Бог, сотворив мир за шесть дней и увидев, что этот мир хорош, в седьмой день, то есть в субботу, отдыхал.

В воскресенье Санькин папа уходил к друзьям, бабушка шла в церковь, иногда брала с собой Саньку, в основном, по большим праздникам – на Пасху, на Рождество, Троицу.

О том, кто куда ходит и кому молится, они никогда не говорили. И не потому что эта тема была запретной или неинтересной, просто не говорили, вот и все. Но однажды произошло событие, которое все изменило. ...Как-то на уроке им рассказали о древнерусской живописи, как в старину рисовали иконы, потом всем классом пошли в музей, эту самую живопись посмотреть. Когда шли назад, решили зайти в церковь, где было много старинных икон. Мишка в церковь не пошел, остался дожидаться на улице.

На вопрос Саньки: «Почему?» ответил: «Я не могу... Я еврей». «Ну и что, что ты еврей?» – удивился Санька. «Понимаешь... Христиане язычники... Они рисуют Бога, а этого делать нельзя...» «Да? Ну... ты же не молиться идешь... В музее ты же иконы смотрел...» «Не положено... Как ты не понимаешь, христиане и евреи... они...» «Что они? Враги, что ли?» «Нет... разве мы с тобой враги, но...»

Мишка так толком ничего и не объяснил, а Сань-

ка ничего и не понял. Вечером за чаем Санька рассказал обо всем папе и бабушке.

– Я всегда знала, что этим кончится, – сказала бабушка, – нечего ему с иноверцами дружить!

– Не смейте этого говорить! – папа так ударил по столу, что чашки жалобно взвизгнули.

– Кто такие иноверцы? – спросил Санька.

– Не знаешь? Ты ведь уже взрослый и должен видеть, в каком ужасном мире мы живем! Кто бандиты – террористы? Мусульмане! Кто взрывает дома и самолеты? Мусульмане! Кто убивает людей? Снова мусульмане! Они хотят весь мир сделать мусульманским!

– Папа, это правда? – ошарашено спросил Санька. Папа встал и, не сказав ни слова, вышел из комнаты.

– А евреи? – бабушка перешла на шепот, – знаешь ли ты, что более заклятых врагов у христиан нет? И ты думаешь, твой Мишка этого не знает? И я тебе скажу почему: это они убили Бога, нашего Бога, они его распяли, нашего Господа!

– Когда это было... И... при чем тут Мишка?

– А при том, что кровь Иисуса Христа и на тех, кто приговорил его к смерти, и на их детях. Они все виноваты!

Санька потерянно молчал.

– Ты должен понимать, – продолжала бабушка, – что истинных друзей можно найти только среди православных, а Мишка и Марат никогда не будут тебе ни настоящими друзьями, ни единомышленниками...Ты заглядывал каждому из них в душу?

– Заглядывал, – растерянно прошептал Санька.

– Ничего ты не знаешь, что в их душах, и что им говорят их родители, и чему они их учат…

– Бабушка! Мне…нужно идти! Срочно! Я должен все узнать немедленно!

Санька выскочил из-за стола и помчался к двери.

– Куда на ночь глядя? Да еще и раздетый!

Мишкин дом был от него первым. Дверь открыла Мишкина мама.

– Что случилось? Почему так поздно?

– Мне надо срочно поговорить с Мишей.

– Проходи.

– Нет, нет… пусть он спустится на минутку.

Мишка вышел быстро, на ходу надевая очки. Был он без шапки, но в варежках.

– Пойдем к Марату, надо поговорить…

Подъезд в доме Марата был самый теплый.

– Можешь толком сказать, что случилось? – спросил Марат.

– Мне надо разобраться… Ты в свою мечеть ходишь?

– Ну, хожу…

– И что? О чем вы там молитесь?

– Как о чем? Мы молимся всемогущему Аллаху, чтобы он помог…

– Взрывать дома и убивать людей?

– Ты…что, сдурел? Ты…чего говоришь?

– Знаешь ли ты, что все мусульмане убийцы?

– Ты…ты… дурак! Я… тебя ненавижу!

Марат рванулся к Саньке и с одного удара уложил его на пол.

– Что вы делаете? – завизжал Мишка, он бросился на Марата, но, споткнувшись о Саньку, свалился на него сверху, больно ударив в лицо локтем.

– Пошел вон… еврей! – заорал Санька.

Мишка отлетел к батарее и осел на пол.

– Ты… что сказал? Что ты… сказал? Я… еврей. Ну и что? Ты раньше этого не знал?– шептал он.

Все трое тяжело дышали, Мишка шарил по полу в поисках очков. Раздавленные, они поблескивали у ног Марата. И тут вдруг Санька расплакался, он плакал зло и надрывно, а Марат и Мишка молчали. Потом Санька сказал: «Пошли отсюда». Они вышли из подъезда. Во дворе было темно, и Мишка, беспомощно растопырив руки, пытался ногой нащупать ступеньку. Марат и Санька одновременно подхватили его под руки.

Уселись на скамейку. Долго молчали. Холодный ноябрьский ветер пронизывал насквозь. Санька пытался унять дрожь.

– Возьми, – сказал Марат, протягивая ему шарф, – у меня теплая куртка.

И опять они долго сидели молча, потом Санька сказал:

– Моя бабушка говорит, что Бог – это любовь. Почему же тогда разные верующие так друг друга ненавидят?

– Потому что у каждого свой Бог, – ответил Марат.

– Но зачем тогда их так много, если нужен один и… настоящий…

– У нас, у евреев, один Бог… Бог Авраама, Исаака и Якова, – сказал Мишка.

– А о Христе ты что-нибудь знаешь?

– Не знаю… Но я знаю, что христиане всегда убивали евреев.

– Потому что они убили Христа?

– Я не знаю…Я ничего про это не знаю… Я только слышал, что его убили римляне, да и потом он сам был евреем…

– А твой бог – Аллах? Это правда, что он учит убивать всех неверных?

– Нет! Всемогущий Аллах повелевает помогать несчастным и бедным… А еще он говорит, что каждый человек – это его наследник на земле. И знаете, что я думаю… те мусульмане, которые террористы, они не настоящие мусульмане.

– Значит те христиане, которые убивали евреев, они не настоящие христиане…

– А еврейский Бог? Он какой?

– Он Царь Вселенной. Он помогает, исцеляет больных. Ему надо молиться, чтоб он дал сердцу ум, а мысли сделал чистыми, чтобы язык каждого человека уберегал от зла…

И опять они долго молчали.

– Холодно… и поздно уже, – сказал Марат, – домой надо.

– Возьми свой шарф…

– Не стоит… Я дома, а тебе еще идти…

Мишку Санька провел до квартиры.

– У тебя есть еще очки?

– Есть, но они с трещиной...Ничего, мама закажет другие...

... А через несколько дней Саньке приснился сон. Он стоял посередине белого города, кругом были белые дома и белые улицы. Навстречу ему шел человек в длинной белой одежде. Он был похож то ли на священника, то ли на волшебника. Волосы у него были черно-седые, глаза темные, а лицо красивое и улыбчивое... И Санька спросил его: «Виноват ли Мишка в том, что евреи убили Христа?»

«Нет, он не виноват...Христа присудили к смерти люди, которые не были согласны с его учением... В те трагические часы одни кричали «Распни его!», а другие плакали... И первые, и вторые были евреями. Ученики Христа, апостолы, которые разнесли его учение по всему миру, тоже были евреями».

«Почему разные религии друг на друга злятся?»

«Зло приносят не религии, не вера, а люди. Человек, который делает зло, может быть и иудеем, и христианином, и мусульманином».

«Бабушка говорит, что вера православная самая правильная, а все остальные будут в аду скрежетать зубами».

«Не следует никому думать, что только его вера знает истинную дорогу к Богу. Каждый ищет свою дорогу, и найти её совсем не просто... Любя свое, нельзя быть жестоким по отношению к другому. Чем больше мы будем искать тех, кого не любим, тем дальше будем уходить от Бога».

«Все бандиты тоже говорят: «Аллах, Аллах...»

«Да, но произнося это имя и совершая зло, они предают Аллаха... «Аллах» – это очень древнее слово. Этим словом на Востоке называют Единого, Живого Бога, которому поклоняются не только мусульмане, но христиане и иудеи... В Коране, Священной книге мусульман, можно увидеть имена и Авраама, и Моисея, и Иисуса Христа... А в православном молитвеннике ты найдешь молитвы и псалмы, которые есть и в молитвеннике иудейском. Одними и теми же словами обращаются к Всевышнему самые разные люди.

Беда в том, что все они почти ничего не знают друг о друге, о чужих религиях – что написано в Священных книгах Коране и Торе, чему учил Иисус Христос... Бог один для всех, и все люди – Его дети».

«Тогда зачем так много этих самых религий!? Надо их все соединить, чтобы они не дрались между собой!»

«Не надо.... У каждой религии есть свое неповторимое. Но самое главное: в христианстве есть Христос! А что касается внешнего... Православные храмы не похожи на католические, ни по своей архитектуре, ни по тому, как они выглядят внутри... Православные любят иконы, католики предпочитают скульптуру. А протестантские церкви очень скромные. В синагогах и мечетях вообще нет никаких картин и скульптур.

Это как в живописи: старые мастера писали свои картины совсем не так, как пишут современные художники. Но и те и другие хороши. У каж-

дого своя манера, свой почерк. А если все эти стили смешать, что получится? Так и религии. Каждый идет своим путем, чтобы познать Бога. И все на этом пути спотыкаются, падают, потом идут дальше... И всем светит солнце, каждому оно отдает свое тепло, кому-то посылает больше тепла, кому-то меньше. Но все получают свою дозу солнца...

И пусть будет у каждого свое, и пусть будет одно общее – любовь к Богу и любовь к людям – своим и чужим...»

...Санька проснулся неожиданно. Было раннее воскресное утро. Но он вскочил и стал одеваться. Бабушка уже была на кухне.

– Куда ни свет ни заря?

– Я мигом...Мне надо, а то я все забуду...

Ближе был дом Мишкин... А потом они вдвоем побегут к Марату...

Димка и Моцарт

Димке приснился Моцарт, да, да, тот самый Моцарт, австрийский композитор, который жил в 18 веке. Моцарту было лет семь, года на три меньше, чем Димке. Они шли втроем, взявшись за руки: Вольфганг Моцарт, Мария-Антуанетта и Димка... Всем троим было весело. Димка знал, что Вольфганг влюблен в Марию-Антуанетту. «Зачем она ему? – думал Димка, – ей же отрубят голову, когда она станет королевой Франции!» Димка уже об этом знал, а Моцарт еще нет...Они шли по огромному ромашковому полю, посередине поля вдруг появилось пианино, такое же, как у Димки дома. И, конечно же, Моцарт побежал к нему, открыл крышку и заиграл... Димка сразу узнал «Турецкий марш»... Мария-Антуанетта стояла рядом и восхищенно смотрела на Моцарта. Она была очень красива в эти минуты... «Тебе все равно отрубят голову»,– неожиданно зло подумал Димка и ... проснулся.

Приснятся же такие глупости... И тут он понял: это была совсем не Мария-Антуанетта, а та незнакомая девочка, которая пела на школьном концерте...Тогда Димке показалось, что она со сцены на него смотрела... Потом они встретились в коридоре, и Димка подумал: «А если упасть перед ней, как будто бы я случайно подвернул ногу? Бросится ли она ко мне, чтобы помочь подняться?» Так когда-то

R.

сделал маленький Моцарт: он грохнулся специально на паркете перед Марией-Антуанеттой, и она кинулась его поднимать, а он осыпал ее поцелуями и заявил, что непременно на ней женится. Но Димка не стал падать, а девочка, похожая на Марию-Антуанетту, прошла мимо, даже не взглянув на него… Ну и ладно, не так уж она красива, и пение её не идет ни в какое сравнение с Моцартом… Потому что Моцарт – это… Что «это» Димка никогда толком объяснить не мог ни себе, ни другим.

Однажды на вопрос: «Кто твой лучший друг?» он ответил: «Моцарт». «Он из твоего класса?» «Да нет же… Моцарт, который писал музыку, он жил в Зальцбурге, в австрийском городе». О Моцарте ему много рассказывала мама, она была пианисткой и преподавала в музыкальной школе. Часто вечерами, когда папы нет дома, они с мамой устраивают моцартовские посиделки. Мама зажигает свечи и садится за пианино, а Димка забирается с ногами на диван, и их маленькая гостиная наполняется музыкой, и тогда, как говорит мама, можно жить дальше.

Действительно, в такие вечера Димке совершенно не нужны ни телевизор, ни компьютер. Зачем? Если есть такая музыка и есть тот, кто ее написал… И ему представляется, что Моцарт – его ровесник, и они дружат… Ну и что, что он жил давно, а Димка живет сейчас, и их разделяет время, которому больше 200 лет? Это ровным счетом ничего не значит, потому что Димка Моцарта чувствует, словно тот рядом. Иногда ему кажется, что Вольфганг, который был небольшого роста и по-

стоянно болел, нуждается в его защите, и Димка всегда готов за него постоять, а то ему вдруг становится его жалко, и тогда он сам себе не может объяснить, почему надо Моцарта жалеть?

Их дружбе мешает только одно: Димка о Моцарте знает все, или почти все, а Моцарт о Димке ничего. А может быть... Моцарт слышит там, на небесах, Димкину музыку? От этой мысли у Димки голова идет кругом...

Моцарт писал не просто музыку, он писал Божественную музыку, потому что очень любил Бога. И Бог ему помогал. Однажды, когда Моцарту было восемь лет, архиепископ Зальцбурга запер его в своем дворце и приказал написать музыку к оратории «Долг первой заповеди»; он не верил, что этот мальчик сам сочиняет такую музыку. Тогда Моцарт прочитал первую заповедь, а она о том, что более всего на свете следует любить Бога: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем... и всею душою твоею, и всем разумением твоим...» Вольфганг все повторял и повторял эти слова, они были понятны ему, и он был согласен с ними. И написал чудесную музыку...

Димка тоже композитор, но ни один человек, кроме мамы, его сочинений не слышал, потому что он пишет музыку к молитвам. А такую музыку не всякий поймет и тем более одобрит. И прежде всего ее не одобрял Димкин папа. И поэтому Димка завидовал Моцарту. У Моцарта был такой папа, которого у Димки не было...

Когда Моцарту было 4 года, он сидел за сто-

лом, макал перо в чернила, ставил кляксы на бумагу и поверх этих клякс что-то писал. На вопрос папы: «Что ты делаешь?» он ответил: «Я пишу концерт для клавира». Когда его папа посмотрел на эти каракули, он заплакал и вознес благодарственную молитву Богу. Когда Димка первый раз попытался написать музыку на молитву Ангелу-хранителю и проиграл её папе, то папа рассмеялся, а потом сказал: «Не занимайся чепухой, иди – как лучше учи математику»...

Конечно, папа не повезет Димку показывать Европе, как Леопольд Моцарт возил своего сына Вольфганга, и вся Европа им восхищалась...Димка вообще с папой никуда не ездит, потому что папа... странный, постоянно занят на работе, домой приходит поздно, и Димка даже не знает, о чем с ним говорить. Моцарт однажды сказал: «После Бога следует мой папа»... А Димка видит, как часто мама и папа ссорятся, и глаза у мамы заплаканы...

Димкиной музыки далеко до моцартовской. Но то Моцарт, а это он, Димка, который пишет свою музыку. Он уже написал кантату «Богородица Дева, радуйся». Получилась очень радостная кантата. А как же иначе? К Деве Марии приходит весть от Бога: она станет Матерью Спасителя. Так как же ей не радоваться?

А еще он написал ораторию на молитву Оптинских старцев. Эта молитва, напечатанная на машинке, висит на стене в столовой. Мама её очень любит. Димка слышит, как она часто по утрам ти-

хонько говорит: «Господи, дай мне силы перенести утомление наступающего дня». Мама учила его читать эту молитву по дороге в школу. Димка так и делал. Если ее произносить не просто так, а чувствовать и обращаться всем сердцем к Небу, то день пройдет очень хорошо. Потому что эта молитва о том, чтобы стараться весь день никого не огорчать, не обижать, а также знать: что бы ни произошло с тобой сегодня, – это все не зря, и если будут неприятности, надо встретить их мужественно и достойно.

Особенно Димке нравились последние слова: «Господи, научи меня молиться, верить, надеяться, любить и прощать». По дороге в школу он их всегда напевал, и если мелодия ему нравилась, он прибегал в класс и быстро её записывал. Так и родилась его Оптинская оратория. Конечно, никакой хор ее не исполнял, хора не было, а были два певца – Димка и мама.

А недавно мама рассказала об одном московском митрополите. Его звали Филарет, и жил он в 19 веке. Был он не только священнослужителем, но и профессором философии, историком. Он перевел на русский язык Священное писание, преподавал греческий и древнегреческий языки, риторику – это умение хорошо и красиво говорить, написал много книг.

В России тогда было крепостное право. Крестьян можно было продавать, дарить, обменивать на собак и лошадей. Многие люди считали, что давно пора крепостное право отменить. И импе-

ратор Александр II решил это сделать. Написали Манифест – торжественное обращение правительство к народу, о том, что теперь крестьяне свободны. Но прежде чем объявить его России, по приказу императора, дали его прочесть митрополиту Филарету. Митрополит был очень честным, открытым и проницательным человеком и внес в Манифест важные изменения. Он хотел, чтобы в Манифесте не было ни слова неправды, чтобы народу обещали то, что обязательно будет.

Ведь как бывает, напишет правительство какой-нибудь важный документ и внушает надежду, что все исполнится, а на самом деле ничего этого и нет. Вот против такого и выступил митрополит Филарет. Манифест, который он поправил, объявили народу 19 февраля 1861 года. С тех пор крестьяне стали свободными.

Димка представлял себе митрополита Филарета сильным, мужественным человеком, который говорил яркие проповеди, всегда знал, что он хочет и как надо правильно поступать. Но вот мама дала ему почитать одну молитву. Эта была ежедневная молитва митрополита Филарета, которую он написал сам. И Димке показалось, что эта молитва совсем не похожа на того, кто ее написал. «Господи, я не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты один знаешь, что мне нужно. Ты любишь меня больше, чем я умею любить Тебя. Дай мне то, чего я сам просить не умею... Стою перед Тобой, и сердце мое Тебе открыто...Ты знаешь нужды, которых я не знаю... Благоговею и безмолвствую перед Тво-

ей святою волей...Научи меня молиться. Сам во мне молись!»

Почему этот человек не знал, что просить у Бога? Он, Димка, например, знает... Может, потому, что митрополит был монахом и у него не было семьи и детей? Нет... Он, наверное, просто считал, что человек все равно не знает, что ему надо на самом деле, а Бог знает. Человеку кажется, что это хорошо для него, но Бог знает, что это – плохо, и не дает ему этого...

Но главное в этой молитве даже не слова, главное – молчание..., потому что этот человек молчит перед Богом, стоит перед ним и молчит... И ничего не смеет просить. И есть у него только одно желание – исполнять Его волю... «Эта молитва не для всех сразу, а для каждого в отдельности, – думал Димка, – в ней присутствуют только двое – человек и Бог...» Конечно же, эта молитва просилась быть переложенной на музыку.

И Димка принялся за работу. По вечерам, быстро сделав уроки, он усаживался за пианино. Мама сидела напротив и готовилась к очередному занятию. Изредка Димка косился в ее сторону: как, мол? Но мама не поднимала головы. И тогда Димка, сжав зубы, перечеркивал все, что писал в нотной тетради и начинал заново.

Музыка не получалась. Она была то чересчур тревожной, то излишне грустной, то звучала, как скорбное жалобное пение. Тогда мама сказала: «Надо эту молитву понять...Человек, который так молится, – радуется, когда думает о Боге. Он ждет

от Бога не каких-то благодеяний, а ждет Его самого... Человек любит своего Создателя и доверяет Ему. Эта молитва – радостная и доверительная беседа с Богом...»

... В этот вечер Димка испытывал какое-то особое вдохновение, музыка переполняла его; то ли потому, что день прошел хорошо, то ли весна радовала. Только ему казалось, что сегодня он напишет то, что хочет. Время бежало, как никогда, быстро. Настенные часы пробили девять. «Нужно отдыхать, хватит», – сказала мама. Димка понимал, почему она так говорит. Дело не только в том, что ему уже пора спать, – вот-вот должен прийти папа, и она не хочет, чтобы он застал Димку за этим занятием. «Еще немножко... У меня уже получается!»

Он должен был сегодня это сделать – передать то, что чувствует в эти минуты : светлую надежду, искреннюю веру и большое доверие к Тому, Кто создал небо, землю, маму, музыку... И Димка заиграл...Он играл удивленно и радостно, ему казалось, что музыка рождается вне его, словно не он, не его руки быстро и трепетно перебирают клавиши...Мама улыбалась. «Дальше, импровизируй дальше, – говорила она, – не останавливайся...»

Мама первая услышала, как стукнула дверь в прихожей, и быстро вышла из комнаты. Димка продолжал играть и не слышал, что мама и папа ссорились. Когда папа зашел в гостиную, Димка все еще сидел за инструментом. Не говоря ни слова, папа спокойно поднял разбросанные по всему полу нотные листки и ... разорвал их. Ни Димка, ни мама

не успели ему помешать. «И так будет всегда, – сказал папа, – если ты в десять вечера, вместо того, чтобы лежать в постели, будешь сочинять свою музыку. Тем более что это – не музыка...» Димка встал и, не говоря ни слова, ушел к себе. А мама еще долго сидела в гостиной.

На следующий день, папа, вернувшись с работы, зашел в Димкину комнату. Димка спал. На столе горела настольная лампа и лежал его дневник, открытый на последней странице. И папа прочел: «Как-то Моцарт сказал, что после Бога следует папа. А у меня? Иногда мне кажется, что у меня есть только Бог, мама и Моцарт, а папы нет».

Была глубокая ночь, но Димкин папа еще долго сидел за его столом и смотрел на портрет Моцарта, а Моцарт смотрел куда-то в сторону... Димка, конечно, ничего не знал. Но только с того вечера в их доме что-то стало меняться. И это «что-то» постепенно приносило покой и радостное удивление...

Сокровища небесные и земные

Рождественская служба подошла к концу. Но свечи все еще жарко горели, церковь была переполнена, все поздравляли друг друга с праздником и не спешили расходиться. Мила вертела головой, разыскивая бабушку. Бабушка всегда стояла на одном и том же месте, с правой стороны, у иконы святой Варвары Великомученицы. В этот момент кто-то тронул её за плечо и протянул свечку: «Передай дальше, к подсвечнику». Мила передала свечу и услышала чей-то шепот: «Зачем свечку берешь левой рукой? Нельзя! Только правой!» «Почему?» – тихонько спросила Мила. «Потому что левая рука не должна знать, что делает правая». Мила удивленно посмотрела на свои руки и ничего не сказала, потому что ничего не поняла. «Спрошу дома у бабушки», – подумала она.

После службы они поехали в гости к бабушкиной приятельнице, Елизавете Павловне. Елизавета Павловна была высокая, полная и важная, с прической, похожей на египетскую пирамиду, только покрытую снегом. Её внук Женька учился с Милой в одной школе, во втором классе, а Мила училась в четвертом.

Рождество отмечали вчетвером; родителей Женьки не было. В гостиной стояла нарядная елка, и от нее во все углы тянулись разноцветные элект-

КОЛЯ

рические гирлянды. Праздничный стол был накрыт в столовой: рождественский пирог, бутерброды с красной икрой, салаты с крабами и прочие вкусные вещи, от которых у Милы приятно закружилась голова. После обеда бабушка и Елизавета Павловна говорили на темы, мало интересные, и когда Миле стало совсем скучно, она, дождавшись паузы, спросила: «А почему левая рука не должна знать, что делает правая?» Бабушка и Елизавета Павловна удивленно на неё посмотрели. «Ну, мне так в церкви одна тетя сказала, когда я свечку левой рукой передала...» «Невежество какое», – заметила Елизавета Павловна. «Почему невежество? – возразила бабушка. – Когда ты творишь жертву правой рукой, левая об этом знать не должна! Так в Писании сказано!» «Ну, нельзя же понимать все так буквально! Это самое настоящее невежество!»

Бабушка и Елизавета Павловна заспорили, и Мила окончательно запуталась. Какая жертва? Какие руки? Елизавета Павловна посмотрела на Милу и сказала: «Я тебе попытаюсь объяснить... Всегда есть люди, которые нуждаются в помощи. И каждый из нас должен помогать таким людям, делать им добро. Но ... рассказывать об этом повсюду не обязательно... А многие любят себя похвалить перед другими: «Вот видите, какой я! Вот я тому помог, вот этому...» Получается, что ты добро делаешь только для того, чтобы все знали, какой ты хороший! А его надо делать как бы мимоходом, не задумываясь, не хваля себя за это, не хвастаясь перед другими... Пусть твое доброе дело будет как бы в тайне, это будет твоя хоро-

шая добрая тайна, о которой знают Бог и ты. Вот поэтому Иисус Христос и говорит: делай так добро, чтобы левая рука не знала, что делает правая... Вот, например, ты помогаешь бедным...»

«Бедным?.. Как мы можем помогать бедным, если мы сами полунищие!» – вдруг раздраженно сказала бабушка. Наступила неловкая пауза... Мила растерянно посмотрела на бабушку. «Ну, зачем она так... Ничего мы не нищие...»

«Впрочем, лучше быть бедным, чем богатым... Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное...», – поджала губы бабушка. «Да, но... богатые тоже могут попасть в рай», – сказала Елизавета Павловна, взглянув на Женьку, который сидел на диване и смотрел на всех широко раскрытыми глазами. «Богатым нелегко туда попасть, но это возможно, если они будут помогать бедным, – продолжала Елизавета Павловна, – а если вокруг будут одни бедные, кто же им станет помогать?»

«И все равно, – сказала бабушка, – надо собирать богатство на небе, а не на земле». И опять все помолчали.

«Может, еще пирога?» – спросила Елизавета Павловна. Попили чай с яблочным пирогом, потом все перешли в кухню, и Елизавета Павловна завела разговор о бразильском сериале, который они всегда обсуждали по телефону с бабушкой. Женька ушел к себе, он был явно чем-то озадачен и даже не позвал Милу поиграть в компьютерные игры. А Мила украдкой смотрела по сторонам.

Конечно, у них такого нет; и такой красивой кухонной мебели, и машины, которая сама посуду моет, и всяких электрических печек... Ну и что? У них тоже очень уютно в кухне, и бабушка зря говорит, что они полунищие...

Домой Мила и бабушка возвращались к вечеру. Было холодно, шел снег, в окнах виднелись новогодние елки, горели цветные огоньки. Дома пахло жареной картошкой, мама возилась на кухне, а папа прибивал вешалку в коридоре. «Не следовало бы сегодня этого делать. Праздник все-таки...», – сказала бабушка и пошла к себе.

После ужина Мила зашла к ней. Ей хотелось все-таки узнать, что же это означает: легче верблюду пролезть через ушко иголки, чем богатому попасть в рай. Конечно, никакой верблюд в такое ушко не пролезет, а значит, все богатые люди попадут в ...ад?!

– Бабушка, получается, что лучше быть бедным, чем богатым?

– Конечно! Ты посмотри на них! Посмотри, как они живут! Машины, дачи, богатые дома, они могут ездить за границу... А где богатство, там много дурного, скверного... Ни стыда, ни совести у таких людей...У бедных людей совсем другая жизнь, более спокойная, более чистая, они не гоняются за деньгами, им ничего не надо, им и так хорошо...

– А разве ты не хотела бы, чтоб у нас была машина, которая сама посуду моет, или чтобы мама с папой поехали куда-нибудь отдыхать... Когда мама еще маленькая была, то мечтала в Париж поехать...

Елизавета Павловна была в Париже... И маме хочется, но мама и папа поехать, конечно, не могут...

– Глупости все это! Можно и без Парижа жизнь прожить! И быть при этом счастливым человеком, а главное честным!

– Но ведь есть хорошие богатые люди!

– Очень редко...Богатство делает людей жадными, ненасытными...Им все хочется, хочется... Конечно, посудомоечная машина это хорошо... А вообще, нам надо с тобой поменьше в богатых домах бывать, тогда ты не будешь мне такие вопросы задавать... И не завидуй ты им... Ну, да ладно... Иди спать, и я тоже лягу.

Ночью Мила долго не могла уснуть. Она со страхом думала о том, что ей хотелось бы быть ...богатой, чтоб у нее, как и у других, был свой велосипед, чтобы мама и папа не ссорились из-за денег. И потом, разве все бедные люди хорошие, а богатые плохие? А дядя Андрей, который живет напротив? Он постоянно просит денег взаймы. Он всегда пьяный, всегда ругается плохими словами, и сама бабушка говорит, лучше, чтоб он в тюрьме сидел... Когда Мила наконец-то уснула, ей приснился Женька. Он был в футболке и шортах. «Ты куда в таком виде? Холодно ведь!» «Я в Париж!» – сказал Женька...

... А Женьке в эту ночь тоже не спалось. Ему было, о чем подумать. Вчера, когда Мила с бабушкой Варей ушли, он засыпал вопросами Елизавету Павловну.

– Бабушка, а мы богатые?

– По сравнению с другими – да. У нас все есть...

– А что значит собирать сокровища на земле?

– Понимаешь... есть люди, для которых самое главное это быть богатыми, иметь много денег. В Евангелии рассказывается об одном богаче, который собирал, собирал себе богатство, радовался ему, загадывал, что он будет с ним делать, и вдруг этот богач внезапно умирает. И никакого богатства ему уже не надо...

– А если я собираю деньги на плеер, это не страшно?

– Нет, не страшно...

– А на небе как сокровища собирают?

– А на небе... Это когда человек ведет себя по-божески, то есть, живет по тем законам, которые дал людям Бог.., когда у него чистое сердце, когда он делает людям добро, сам ни с кем не ссорится, всех любит...всех прощает, зло от него как бы отскакивает, а добро прилипает... Вот это и есть небесные сокровища...

– Получается, я на небе никаких сокровищ не собираю... Мама говорит, что я очень редко хороший и часто отвратительный...

Елизавета Павловна улыбнулась, притянула Женьку к себе и сказала:

– Конечно, бывает у тебя всякое... Но все люди грешные, главное, знать, что ты делаешь плохо, и стараться больше так не делать...Но мне кажется, что такие мальчики, как ты, угодны Богу.

– А... богатый мальчик может быть угоден Богу?

– Бог любит всех детей – и богатых, и бедных...

– А папа? Ведь он собирает сокровища на земле... Это страшно для папы?

– Твой папа очень хороший человек...Он много работает... Да, он зарабатывает много денег, но они его не делают плохим... Наоборот, он помогает людям...

– Бабушка, значит, папа и...немножко я собираем себе сокровища и на небе, и на земле? А это не страшно, что и там, и там?

– Это не страшно... Главное, надо стараться быть добрым и помогать всем, кто в твоей помощи нуждается.

– А если человек бедный, как же он может помогать?

– Во-первых, помогать людям можно не только деньгами... Можно человека утешить, посочувствовать ему, помочь делом, советом, добрым словом. А если он нуждается в деньгах... Ведь есть бедные люди, которые могут даже свое последнее отдать... В Библии говорится: «Если ты богат – твори много, то есть, не жалей давать побольше, а если беден – не бойся творить милостыню понемногу».

«Получается, я живу не так... Никаких добрых дел не делаю, – думал Женька. – Ну, дал списать Кольке домашнее задание... Подарил старый самокат соседскому Ваське...» Женька наморщил нос, пытаясь вспомнить еще хоть что-то, но добрых дел больше не находилось. Надо было что-то придумать, придумать такое, которое бы изменило его жизнь в лучшую сторону. Да, он знает, что есть бедные. Он их видел. Однажды на рынке к маме подошла бабушка и попросила, чтобы мама

купила ей немножко сметаны. «Вот так,– сказала бабушка, – и показала пальцем – сколько налить в банку, – чуть-чуть... У меня нет денег заплатить». Тогда мама сказала продавщице: «Налейте полную банку». А потом еще дала бабушке денег. Та расплакалась и долго благодарила маму...

Весь день Женька был рассеян, отвечал всем невпопад и даже не пошел на улицу. К вечеру у него созрел план. План помогать бедным. Прежде надо помочь Миле. Бабушка Варя сказала, что они полунищие. Половину денег, которые собраны на плеер, он отдаст ей. Пусть купит себе... что-нибудь. А где взять остальных бедных? Где взять... где взять... Да их сколько угодно... в этих подземных переходах. Конца каникул он ждать не стал и на следующий же день позвонил Миле. «Надо встретиться... Есть дело. Я тебя буду ждать в скверике, напротив вашего дома».

– Что случилось? – спросила Мила, увидев запыхавшегося Женьку.

– Ничего не случилось... Только вот что... Возьми... Это деньги... А вы бедные... Купи себе что-нибудь... Что хочешь... Я не знаю, что девчонкам надо...

– Ты что, с ума сошел! – замахала руками Мила, – мы совсем не бедные! Ну, не очень богатые... Но деньги мне твои не нужны! Есть по-настоящему бедные люди!

– Я знаю, – сказал Женька и посвятил Милу в свой план.

– А может быть, надо спросить у твоей бабушки? Она, наверное, лучше знает, кому помогать?

– Я сам все знаю, – ответил Женька.

Вечером он взял из кошелька ровно половину денег, собранных на плеер, и переложил в портфель. Через два дня рождественские каникулы закончились, и в первый же день занятий после уроков он помчался к подземному переходу, что был недалеко от городского рынка.

Кого здесь только не было! Молодые, здоровые красноглазые дяди, какие-то странные женщины с синими, припухшими лицами, они держали на руках детей и сидели прямо на холодном полу, старенькие бабушки, замотанные в платки с кружками в руках... Первые десять рублей Женька дал пожилому дяденьке, который играл на баяне и пел грустную песню про широкое море, потом стал раздавать остальным... Толпа зашевелилась, загудела, заметив маленького мальчика, который вытягивал деньги из кармана куртки и беспомощно озирался по сторонам. Поднялся страшный гвалт. Мужчины и женщины повскакивали со своих мест и окружили Женьку плотным кольцом. А он, окончательно растерявшись, совал бумажки всем, кто протягивал к нему руки.

Но все закончилось очень быстро. Карман опустел, и денег на всех не хватило. Тут кто-то схватил его за руку. Перед ним стояла пожилая женщина в высокой шапке из рыжей лисы. «Что ты делаешь?» – громко закричала она. «Бедным помогаю», – ответил Женька. «Это же не те бедные!» «А какие бедные те?» – растерянно спросил Жень-

ка. «Иди домой! Немедленно! Мать тебе задаст дома!» – возмущалась женщина.

Женька не стал спорить, тем более что денег больше не было, и толпа потеряла к нему всякий интерес. Лишь только одна странная тётка, укутанная в длинное одеяло, спросила почему-то мужским голосом: «А может еще чего из дому принесешь?» Но женщина с лисой на голове так заорала, что Женька помчался вверх по лестнице.

Дома его встретили встревоженные папа и бабушка. Папа, пообедав и не дождавшись Женьки после школы, в свой офис больше не поехал. Взяв сына за руку, он повел его в свой кабинет. На вопрос «где ты был?» Женька все честно рассказал.

– Понимаешь, папа, мы богатые... А это ...не грешно?

Папа долго молча смотрел на Женьку, потом пересел к нему на диван и сказал:

– Ничего плохого в богатстве нет... И насколько я знаю, ни в одной Священной книге не говорится о том, что быть богатым – это грех. Грех – это когда деньги занимают очень большое место в твоем сердце, когда ты их очень любишь, только о них и думаешь и ради них даже согласен идти на все плохое...

– Но богатые люди – ведь всегда счастливые?

– Само по себе богатство счастья не приносит. Если бы ты спросил самого– самого богатого человека, счастлив ли он только потому, что у него много денег, он бы тебе скорее всего сказал: нет... И среди богатых очень много несчастливых людей.

– А бедность... это всегда плохо или не всегда?

– Не надо путать бедность и бедных людей. Бедность – это плохо. А среди бедных людей есть и очень хорошие люди, и не очень хорошие... Есть бедные, которые просто хвастаются своей бедностью. «Вот какие мы несчастные! Помогите нам!» А это уже само по себе плохо. Человек должен трудиться... «Кто не работает, тот не ест...», – так сказал апостол Павел.

– А старенькие и больные, которые работать не могут, им же надо помогать?

– Надо, обязательно надо... Знаешь, сколько в русской истории было богатых людей, включая членов царской семьи, которые всегда помогали бедным, нуждающимся. Они посещали больных, а во время войны сидели у постелей раненых, делали им перевязки... Они создавали приюты для детей сирот, помогали бедным и талантливым художникам, артистам, они строили на свои деньги больницы, музеи, школы...

– А сейчас есть такие люди? – спросил Женька.

– Есть... Есть люди очень порядочные, которые на свои деньги создают фонды, то есть, собирают средства либо для больных детей, либо помогают получить образование молодым талантливым музыкантам...Я недавно встречался с одним очень интересным человеком. Это старый пастор, немецкий священник, живет он в Германии. И у него есть маленький автобус. Раз в год он собирает пожертвования среди немцев: деньги, одежду, лекарства, загружает ими свой автобус и едет сюда, в Россию... И все эти вещи этот старенький человек

развозит по больницам, по тюрьмам, по бедным семьям...Он видит в этом свое служение людям... Вот такой дедушка...

– Папа, я тоже так хочу... Я хочу помогать бедным. Но как это делать, я не знаю. Может быть... Вот ты и мама даете мне карманные деньги, а может быть, я буду часть этих денег отдавать? Но как? И кому?

– Давай мы сделаем вот что, – сказал папа, – ты будешь часть этих денег откладывать... И когда соберешь какую-нибудь сумму, мы вдвоем пойдем купим что-нибудь – или игрушки для детского дома, или лекарства для детской больницы и отнесем туда...

– Здорово! А это не страшно, что это не мои деньги, а ваши?

– Это не страшно... Это хорошо, что ты, вместо того, чтобы истратить их на себя, станешь отдавать их тем, кому это нужнее...

Папина идея Женьке очень понравилась. Вечером он позвонил Миле.

– Тебе дают родители какие-нибудь карманные деньги? – спросил он.

– Немного дают...

– Так вот, с завтрашнего дня мы с тобой создаем фонд.

– Какой еще фонд? – не поняла Мила.

– Фонд помощи детям...больным и несчастным. Ты будешь в этот фонд вносить немножечко денег, а я много... Потом на эти деньги мы будем что-нибудь покупать для детских домов и

относить им… С нами будет мой папа ходить. Ты согласна?

– Согласна…, – немного подумав, ответила Мила.

– Согласна или нет? Или тебе жалко?

– Ничего мне не жалко… Я согласна, – уже тверже сказала Мила.

– Вот с завтрашнего дня и начинай откладывать… ну, хоть по 10 копеек… или по рублю, или по два рубля, или… в общем, сколько хочешь… Договорились?

– Договорились… только… много я не могу.

– Не надо много! Хоть капельку!

«Все хорошо, – думал Женька, – пусть даже одну копеечку откладывает… Как там написано? «Если ты богатый, помогай много, а если ты бедный, хоть немножечко, но тоже помогай…»

Женька заглянул в свой кошелек. Половина денег, собранных на плеер, лежала нетронутой. «Начало у фонда есть», – радостно подумал он.

МОЛИТВА О ПУШКИНЕ

Они жили все вместе в большой квартире, в очень старом профессорском доме: прадедушка, дедушка, бабушка, мама, папа, Лена и Ника. «Так жить нельзя, – говорили они, – никто уже так не живет!», «Семь человек в одной квартире! Мы должны разъехаться! Это просто смешно!» Говорили часто, подолгу и продолжали жить вместе. Четыре поколения в пяти комнатах. Гостиная, где собиралась вся семья, была огромная и по форме напоминала приплюснутую грушу. Из гостиной вели четыре двери в маленькие комнаты, прадедушка называл их дырками. Он так и говорил: «Я пошел в свою дырку». Во второй дырке жили дедушка и бабушка, в третьей – мама и папа, а в четвертой – Лена и Ника.

В гостиной посередине стоял дубовый овальный стол на толстых ножках, это были даже не ножки, а львиные лапы. Стол был самой старой вещью в доме. Прадедушка говорил: «После стола иду я». Сколько скатертей перевидал этот стол за свою долгую жизнь! От тяжелой бархатной, с кистями до вязаной кружевной, от простенькой, заштопанной, из светло-зеленого льна, всеми особенно любимой, до белополотняных, вышитых по краям. А вот настольная лампа всегда была одна и та же, и все удивлялись, как ее до сих пор не разбили. Из темно-зеленого стекла, пузатая, укра-

шенная медными листиками, она десятилетиями стояла посередине стола и не думала ни ломаться, ни покидать места своего жительства. Стол все преданно любили, и бабушка говорила: «Мы и не разъезжаемся только потому, что стол поделить не сможем».

Во времена прадедушкиной молодости в квартире было много интересных вещей, но потом они стали не модными и куда-то все подевались. А когда мода вернулась, все заохали: «Ой, какая жалость… Зачем мы все выбросили?» «Все, да не все», – говорила бабушка и вытаскивала неизвестно откуда то старый серебряный подсвечник, то самовар девятнадцатого века, то картины, вышитые крестиком нитками «Мулине». Ах, что за чудо были эти вышивки! Синие дворцы, девочка с кошечкой, мальчик – принц, играющий на свирели…

И все же центром дома был стол. И вот почему. За столом устраивались «Овальные вечера». Перед такими вечерами стол тщательно протирали, особенно львиные лапы, куда забивалась пыль, покрывали свежей скатертью, зажигали лампу… Эта была традиция еще со времен прабабушки Лизы. Раз в месяц за столом собирались всей семьей. Прадедушка Лёня и прабабушка Лиза о комнибудь рассказывали. Они знали многих интересных и знаменитых людей – писателей, артистов, музыкантов. А еще они читали стихи, басни, разыгрывали по ролям рассказы Чехова, Салтыкова-Щедрина, Бунина…

Когда прабабушка Лиза умерла, «Овальные ве-

чера» проводить перестали. И теперь все собирались в гостиной только для того, чтобы смотреть телевизор. Но вот однажды бабушка сказала: «Все. Хватит. Два раза в месяц телевизор не включаем. Начинаем проводить домашние вечера. И каждый будет к ним готовиться, даже Ника». «А что я буду делать?» – испугалась она. «Будешь читать стихи и рассказывать сказки».

Сначала ничего не получалось. Никто ничего не хотел делать, всем было некогда, да и какие вечера, если есть телевизор. И все-таки бабушка постепенно своего добилась. Первый свой вечер она посвятила интеллигентным качествам человека. Просто рассказывала, кто такие истинные интеллигенты. Оказалось, быть интеллигентным – это не только много читать, уметь вести себя в обществе и знать, какими ножами надо пользоваться, когда ешь рыбу. Интеллигентность – это состояние души!

Следующий вечер провела мама, она читала стихи своего любимого поэта Бориса Пастернака. Потом была тема «Ганс Христиан Андерсен и его сказки». Лена рассказала потешные истории из жизни писателя, о том, как он в детстве любил шить платья и костюмы своим куклам. А после взрослые разыгрывали сказки Андерсена, даже папа, который обычно от всего отлынивал...

Постепенно вечера становились все более интересными. Они были и грустными, и веселыми, и спорными, и очень милыми, после которых хотелось всех любить и ни с кем никогда не ссориться.

Шла зима, и было решено устроить вечер в па-

мять о Пушкине. Пушкин в доме был своим, его любили, читали, разыгрывали по ролям сказки. Прадедушка Лёня посвятил Пушкину всю свою жизнь. Именно Пушкин познакомил его с прабабушкой Лизой. Когда-то совсем молоденький прадедушка Лёня, студент Литературного института, поломал ногу и попал в больницу. А там проходила практику совсем молоденькая прабабушка Лиза, она готовилась стать врачом. Как-то ночью она дежурила и читала свой любимый роман «Евгений Онегин», а потом пошла по палатам, посмотреть на больных. Прадедушка Лёня лежал в кровати с подвешенной ногой, а в руках у него была книжка.

«Евгений Онегин!» – прочла вслух прабабушка Лиза и засмеялась. «И что тут смешного?» – сердито спросил прадедушка Лёня. «Ничего... Просто пять минут назад я тоже «Онегина» читала». Так они и познакомились. Потом поженились. Прадедушка писал книги про Пушкина и все продолжал его читать...

Когда началась война, прабабушку Лизу послали на фронт военным хирургом. А прадедушка Лёня писал ей в письмах: «Перечитываешь ли ты Пушкина?» И прабабушка перечитывала, несмотря на войну. Позже, когда у них были дети и прадедушка ездил по научным командировкам, он тоже писал прабабушке: «Читай детям Пушкина, пусть они учат его наизусть!»

Через несколько лет прабабушка Лиза умерла, а прадедушка Лёня стал болеть, подолгу лежал в больницах. И в больницах он читал только две

книжки: «Евгения Онегина» и «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма.

Вот почему этот вечер памяти должны были провести прадедушка Лёня и бабушка, прадедушкина дочка. Наверное, вечер прошел бы совсем не так, если бы неожиданно не заявился дядя Сережа, друг папы. Обычно в такие вечера собирались только свои, но коль пришел гость, его пригласили к столу. И вот он-то и все испортил. А может и совсем наоборот...

Вечер устроили 29 января, именно в этот день Пушкин умер. За окнами крупными хлопьями падал снег. В гостиной было тепло и уютно. Зажгли зеленую лампу. Все уселись за стол в ожидании, что вот сейчас прадедушка начнет читать стихи или что-нибудь из прозы. Но было все не так. Бабушка неожиданно сказала: «Я вам прочту про смерть Пушкина, потому что это очень важно, как человек уходит из жизни. Друзья Пушкина, которые были в эти часы у его постели и видели, как он умирал, скажут, что теперь им самим умирать не страшно...

Вы помните, что Пушкин был тяжело ранен на дуэли, очень страдал, но не позволял себе ни плакать, ни стонать от боли... И вообще он был какой-то другой. Еще недавно в его душе кипели страсти, он был горд, ему хотелось драться, мстить, защищать своё достоинство и ради этого умереть. Но в предсмертные часы все это словно исчезло. Покой, тишина, мир поселились в его душе и больше её уже не оставляли... Когда один из его друзей спро-

сил: может быть, у него будут какие-либо желания относительно Жоржа Дантеса, того человека, с которым он дрался на дуэли, который принес ему много зла, Пушкин сказал: «Я требую, чтобы не мстили за мою смерть, я ему прощаю, я хочу умереть христианином».

Вот так он и умирал, все прощая этому жестокому миру, в котором жил, в котором он был очень одинок, несмотря на великую свою славу... Он прощал людям, среди которых было не так уж мало тех, кто приносил ему страдания и боль...

Вот, как пишет о смерти Пушкина его друг поэт Жуковский, который не отходил от его постели в эти последние минуты: «... Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не приметил. Тишина, его объявшая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: что он? Кончилось,– отвечал мне Даль... Так тихо, так таинственно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить великого таинства смерти...

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также выражение поэтическое! Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное,

глубокое... знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: что видишь, друг? И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. ...Никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной и торжественной мысли...»

Бабушка закончила читать, и все молчали. Потом она сказала: «Мне кажется, что Пушкину открылась какая-то Божественная тайна...Новое знание, которое открывается светлым людям, пророкам...» И тут дядя Сережа засмеялся... Засмеялся так, что все вздрогнули: «Ах, какой пророк... какая тайна...Общеизвестно, что он был бабником, картежником и дуэлянтом, великим скандалистом и вообше дрянь человек! – так говорили о нем его же современники!» Минуту стояла тишина, а потом прадедушка Лёня закричал тоненьким голосом: «Перестаньте! Немедленно перестаньте! Вы...вы...». «Извините, – сказал дядя Сережа, – я не хотел обидеть ваши чувства... Но ведь это же правда! Пушкин всю жизнь рвался к земным наслаждениям. И это общеизвестные факты. Зачем же делать из него святого?»

В гостиной поднялся невероятный шум. Все говорили, перебивая друг друга, и только Лена и Ника сидели тихо, боясь пошевелиться. Спор продолжался долго, и чем больше взрослые говорили о Пушкине, тем все меньше Лена и Ника понимали, о чем они говорят... Дедушка пытался всех утихомирить, бабушка побежала за каплями для прадедушки, мама так кричала на дядю Сережу, что Ника заткнула уши.

А прадедушка Лёня молчал... Он сразу постарел еще больше, его худенькое тельце согнулась над столом. А тонкие морщинистые пальцы мелко-мелко дрожали... Затем папа сказал: «Хватит на сегодня... Всем успокоиться. Вечер переносим на завтра. Сережа, пойдем я тебя провожу...» Все медленно разошлись по своим комнатам.

Поздно вечером Ника, ворочаясь с боку на бок, никак не могла уснуть. «Лена, ты не спишь?» – тихонько прошептала она. «Не сплю». «Знаешь, – сказала Ника, – когда бабушка читала, как Пушкин умирал, мне не было особенно грустно, мне было даже... светло, если он увидел что-то там хорошее, значит все у него хорошо. А когда дядя Сережа стал говорить, у меня стало все черное... А дядя Сережа правду говорил»? «Я не знаю, – сказала Лена, – я никогда об этом не слышала... Надо спросить бабушку».

На следующий день никакого продолжения «Овального вечера» не было. Вечером в гостиной сидели только мама и папа и смотрели телевизор. Ника подошла к маме:

«Мама, я хочу с тобой поговорить».

«Давай поговорим..., пойдем в детскую».

«Это правда, что Пушкин не написал ни одного стихотворения своей маме?»

«Правда... Во всяком случае, таких стихов не нашли... Понимаешь, это не говорит о том, что он был плохим сыном и не любил её... Он горевал, когда она умерла. Но... мама Пушкина не относилась так нежно к своим детям, как обычно относятся мамы. Она была очень капризная, вспыльчи-

вая, могла обидеться на кого-нибудь и ходить надутая несколько дней и ни с кем не разговаривать... Но ты же знаешь, кого он любил более всего, к кому был нежно привязан...»

Ника знала, о ком говорит мама. Однажды она нарисовала картину. Комната, в углу сидит кучерявый Пушкин, в другом углу – стол, на нем две кружки, а рядом стоит няня Арина Родионовна, толстая и маленькая, в длинном широком платье. В руках у нее большое блюдо, на нем лежат не то фрукты, не то овощи. За окном стоят поломанные деревья, это они такие после бури... Папа посмотрел и сказал: «А чего же на тарелке груши и яблоки? Ведь зима же на дворе!»

«Это не груши и не яблоки! – закричала обиженно Ника, – это яички вкрутую и картошка печеная! Он это любил, и няня ему это готовила!»

Вечером бабушка позвала Лену и Нику в свою комнату. «Посидите у меня, я хочу вам кое-что объяснить». Девочки охотно согласились; они любили её комнату, не похожую на все остальные. Здесь был свой, особый уют. Везде кружевные салфетки, вышивки по стенам, иконы в углу, а на столике перед ними лампадка, которую бабушка зажигала по воскресеньям и по праздникам.

«Вот то, о чем вчера говорил дядя Сережа...»

«Я знаю, он говорил неправду», – быстро сказала Ника.

«Подожди... Я хочу, чтобы вы поняли... Пушкин действительно был грешным человеком, ... как и все люди. Он мог быть и злым, и вспыльчивым,

мог обидеть. Порой был страшно легкомысленным и безалаберным... Он дрался на дуэлях, но никого не убил. ... Он любил красивых женщин. Любил играть в карты и пить вино. И в то же время это был добрейший человек. Смешливый и озорной, как ребенок... Любил праздники, народные гулянья, любил ездить к цыганам, слушать, как они поют... Он был со всеми прост и одинаков, и когда говорил с царями, и с простыми людьми... Он шалил и безобразничал...»

«У него и стихи прекрасные получались потому, что он хулиганил», – вдруг сказал дедушка. Он сидел в кресле, читал газету и все слушал. Бабушка засмеялась: «А что? Поэту тоже нужно хулиганить! Один ученый писал, что творчество – это всегда преображение, всегда рождение из сора, и на чистом мраморе цветы не растут».

«Значит, все-таки он был большим грешником...», – сказала Лена. «Да... Как все. Но он каялся в своих грехах...»

«Разве он верил в Бога? Дядя Сережа сказал, что он порочил имя Бога, писал против него стихи!»

«Это не совсем так, – горячо возразила бабушка, – да, сначала, когда он был молодой, то действительно не верил в Бога... И сочинял всякие глупости. Будучи юнцом, написал очень оскорбительно о... Богородице. И впоследствии это мучило его, он не хотел, чтобы ему об этом напоминали. В его библиотеке была книга одного белорусского архиепископа Георгия Кониского, который жил в 18 веке. Пушкин часто перечитывал сочинения это-

го священника, делал выписки из его проповедей. И вот он выписал такие слова: когда грешник, который не хочет каяться в своих беззакониях и при этом молится Богородице, говорит ей: «Радуйся!»,то это приветствие оскорбляет её.

Если он переписал эти слова, значит, его глубоко мучила совесть за свои юношеские стихи. Пушкин искренне искал Бога, его душа стремился к нему, и Бог шел к Пушкину, Он поворачивал его к себе...

... Когда я была маленькая, моя бабушка рассказывала мне одну странную историю. Она её прочитала в журнале «Воскресное чтение». Однажды совсем молодой Пушкин сидел со своим знакомым графом Ланским в комнате. Оба насмехались над религией, над религиозными людьми... И вдруг в комнату вошел молодой человек, поздоровался и сел с ними. Пушкин его не знал и решил, что это знакомый графа. Но граф Ланской тоже его не знал и подумал, что это знакомый Пушкина. Молодой человек включился в разговор и стал говорить о вере, о Боге, о религии. И говорил он так умно и убедительно, так тепло и искренне, что Пушкин и Ланской замолчали и сидели, как пристыженные дети, не находя слов для возражения. Вскоре гость встал, попрощался и ушел. Оба долго молчали, а потом Пушкин спросил: «Это твой знакомый?» Ланской удивленно на него посмотрел: «Нет... Я думал, это твой знакомый!» Стали спрашивать слуг, и те сказали, что они никого не видели, никто, вроде, в дом не входил... Кто это был – так и осталось

неясным, но загадочный визит незнакомца они долго не могли забыть...

Постепенно Пушкин открывал для себя Бога... У него был хороший знакомый, очень умный человек, философ, глубоко верующий. Его звали Петр Чаадаев. Так вот Чаадаев считал, что в душе Пушкина особый свет. Его надо только извлечь наружу...Он был уверен, что Пушкин может и должен нести людям Божественную истину. Чаадаев писал Пушкину: «Я убежден, что вы можете принести большое благо этой бедной России, заблудившейся на земле... Не обманите вашей судьбы, мой друг... Обратитесь с воплем к Небу, – Оно ответит вам».

Пройдет время, и Пушкин будет постоянно читать Евангелие, будет писать о Христе и изучать древнееврейский язык, чтобы прочесть в оригинале библейскую Книгу Иова, книгу о человеке, который перенес много страданий и не отступил от Бога.

В 27 лет он напишет странное стихотворение. Ученые считают, что в этом стихотворении все просто и понятно... А мне кажется, что они ничего в нем так и не поняли...Потому что только сам автор мог бы ответить – почему он т а к написал? Это стихотворение называется...»

«Пророк», – сказал мамин голос. Все оглянулись. Мама и папа тихонько зашли в комнату, и их никто не заметил. «Я его вам сама прочитаю, – сказала мама, – но сначала надо объяснить: кто такие пророки.

Пророк – это не только тот человек, который

предвидит, что будет в будущем. Пророк – это вестник, он доносит до людей волю Бога. Древнееврейские пророки, например, говорили с людьми от лица Бога. Они обличали грехи людей, они не боялись говорить правду вельможам, царям о том, что те живут не по Божеским законам. Они были люди самых разных занятий. Среди них встречались и поэты, и пастухи, и царские советники...

Был такой еврейский пророк Исайя. Он жил в 8 веке еще до Рождества Христова. Как-то он стоял в храме и молился. Вдруг перед ним все исчезло... И он очутился в открытом космосе... Он увидел Престол, на котором восседал сам Господь. Возле него стояли серафимы, огненные шестикрылые ангелы...Исайя очень испугался; он понял, что теперь должен умереть, коль увидел самого Бога! И в этот момент от Престола к нему полетел серафим, в руках у него был горящий кусок угля. Он коснулся этим углем губ Исайи и сказал: «Теперь ты очищен от грехов». И Исайя услышал голос самого Бога, спросившего его: «Кого мне послать говорить людям правду?» И пророк ответил: «Пошли меня...» И он был послан Богом открывать людям глаза на истину.

Пушкинский пророк – это поэт, это...он сам, сам Пушкин... Я вам прочту этот стих, а вы попытайтесь его понять...»

И мама начала читать. Стихотворение оказалось странным и не очень понятным...

Поэт бродит по пустыне в поисках чего-то очень важного для себя, он жаждет открыть истину, по-

знать – что же в жизни главное ... И вот перед ним появляется серафим, огненный ангел с шестью крыльями....Серафим сначала касается его глаз, потом дотрагивается до ушей. И делает он это для того, чтобы поэт увидел и услышал нечто великое и таинственное, то, что люди ни видеть, ни слышать не могут... И поэт увидел... Он увидел летающих ангелов и ползающих земноводных животных, услышал какие-то неземные звуки и голоса, и как содрогается небо...

И вдруг серафим вырывает язык поэта, грешный, лукавый язык, который произносит только пустые, ничего не значащие слова, и кровавой рукой кладет в рот жало мудрой змеи... Потом он рассекает мечом грудь, вынимает сердце поэта и вкладывает вместо него кусок угля, пылающего огнем. Поэт лежит словно мертвый, не может пошевелиться и тут он слышит голос Бога:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею Моей,

И обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей».

Бог перевоплощает поэта в пророка и дает ему наставление: своим словом, или глаголом, открывать людям правду, и делать это так, чтобы это слово обжигало сердца людей...

«Мне, порой, кажется, – говорит бабушка, – что Пушкин все это не придумал, что это не было его фантазией... То ли ему это все привиделось, то ли приснилось. Такое бывало у великих людей, у гениев, у пророков...Может быть, ему открылось то,

что нам даже трудно представить… Ведь он, после того, что увидел, чуть не умер… «Как труп в пустыне я лежал»…

Да, это были действительно странные и таинственные стихи … «Вот почему Пушкин – это пророк, который своими стихами очищает совесть людей», – говорит бабушка.

«Но он очищает совесть других людей, а сам грешит постоянно… Разве это нормально?» – спрашивает Лена. Все помолчали, и потом бабушка сказала: «Мне кажется, что самые лучшие его стихи те, где он горюет о своих грехах и пытается от них избавиться…»

«Почитайте их, потому что… потому что мне страшно», – тихонько говорит Ника. «Почему тебе страшно?» – спрашивает мама.

«Я знаю почему, – говорит Лена, – ей кажется, что Пушкин был великим грешником и за свои грехи попадет в ад!»

«Но тебе же бабушка читала, как он умирал… С ним все хорошо!» – сказал папа.

Все опять помолчали. И тут дедушка предложил: «Может, мы свет зажжем? Чего сидеть-то в темноте, и будем дальше разговаривать…» Никто и не заметил, что уже наступил вечер, и в маленькой теплой комнате бабушки и дедушки собралась вся семья, кроме прадедушки Лёни. Все устроились кто где – кто на диване, кто в креслах, девочки примостились на полу. «Может, все-таки поужинаем, а потом продолжим?» – предложил папа.

«Нет! – сказали одновременно Лена и Ника, – читаем дальше...»

Бабушка полистала томик стихов и нашла то, что искала. «Вот... «Напрасно я бегу к сионским высотам, грех алчный гонится за мною по пятам...» Сионские высоты... Сион – это холм в Иерусалиме, там был дворец царя Давида, там же был построен знаменитый иерусалимский Храм...Мне порой кажется, что стихи Пушкина, где он кается во всем плохом, напоминают псалмы царя Давида, в которых Давид плачет о своих грехах».

Бабушка берет с полки Псалтырь, листает его. «Вот сравните... У Пушкина: «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю». А вот псалмы Давида... «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай; по милости твоей вспомни меня Ты»; «...буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною»; «Беззаконие мое я сознаю, сокрушаюсь о грехе моем».

Однажды в день своего рождения 26 мая он задумался: а зачем я вообще родился? Что такое жизнь? Случайный и напрасный дар? И зачем она вообще дана человеку? В ней столько однообразия, тоски и зла... И потом жизнь все равно осуждена на смерть.

«Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум».

Эти стихи, полные разочарований и сомнений, прочитал московский митрополит Филарет, известный философ и историк. И написал ответ Пушкину. Написал о том, что в своих бедах, в своей тоске человек прежде всего должен винить себя.

«Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал» ...

И Пушкин в свою очередь ответил митрополиту Филарету: он был знаком с его страстными и яркими проповедями, они не оставляли его равнодушным. Поэт пишет, что когда он слушал его речи о Боге и великом назначении человека, то его начинала мучить совесть за собственные стихи, где воспевались и лень, и скука, и пустые забавы:

«И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт».

Пушкин опять вспоминает и огненного ангела, вырвавшего у него грешный язык, и свой священный ужас перед ним, и свое истинное назначение...

... Пушкин родился гением; так захотел Бог. А еще он был пророком. Да, да, этот беспечный и веселый человек пришел на землю выполнить великую миссию. Он должен был сказать людям, что такое настоящая свобода... Он был сам свободен. Свободен, как никто из его современников».

«А что такое настоящая свобода?» – спрашивает Лена.

«Я попытаюсь вам объяснить... Пушкин был свободен от того, чтобы думать, как все, чтобы преклоняться перед царями, свободен от мысли, что бедных людей можно сделать счастливыми, если этих царей начать убивать, даже если они очень и очень плохие...»

«Но он же ненавидел тиранов!» – говорит папа.

«Да... Ненавидел. «Владыки! Стоите выше вы народа! Но вечный выше вас закон!» – писал он. Что это за вечный закон? Божеский закон, закон правды и справедливости. Гневно обращался он к жестоким правителям: «Ты ужас мира, стыд природы, упрек ты Богу на земле». Но он никогда не призывал к убийству. Наоборот, он осудил тех, кто убил русского императора Павла I, кто казнил французского короля Людовика XVI, которой, кстати, совсем и не был тираном...

Но Пушкина не понимали. И каждый его читал так, как хотел. И видел у него то, что хотел видеть... И говорили, и писали о нем самое разное. Одни считали, что он прославляет царей, а другие, что он их ненавидит и призывает их свергнуть, и сам вот-вот готов стать революционером. А он был выше всего

этого... Он служил Небу, исполнял Божественную волю. «Веленью Божью, о муза, будь послушна».

Он старался пробуждать своей лирой добрые чувства. И считал, что существует Божественная истина, а она сильнее и всех царей, и всех революционеров. Вот почему он написал эти чудные строки:

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены
Для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв...»

«Он... молился?» – спрашивает Ника.

«Конечно. У него даже была любимая молитва. Её написал еще в 4 веке один сирийский монах Ефрем Сирин. Эту молитву читают в Великий пост. Человек просит у Бога помочь ему в эти грустные дни не унывать, не вести пустые разговоры, никого не осуждать, быть терпеливым, скромным, любящим своих ближних. Пушкин знал разные молитвы, но, как он сам пишет, «ни одна из них меня не умиляет, как та, которую священник повторяет во дни печальные Великого поста; всех чаще мне она приходит на уста...

Дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья.
Да брат мой от меня не примет осужденья.
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».

Так хотелось ему стать лучше, избавиться от своих грехов, что больше всех любил он именно эту молитву... Я думаю, что для него молитва, обра-

щение к Богу много значили. Вот какие слова о молитве из проповеди Георгия Кониского, о котором я вам уже рассказывала, он выписывает: «Мы молимся и в это же самое время обманываем, ищем врагов, вооружаемся против них, занимаемся взяточничеством, трепещем о своем богатстве… Подлинная ли такая молитва? А еще говорят, почему молитвы наши чудес не творят».

«Значит, Пушкин не был уж очень, очень грешным?» – спрашивает Ника.

«Да конечно же нет…Он был светлый человек… Он был верным другом… Вы же знаете, как он умел дружить! Он был нежным мужем, очень любил своих детей. Он был очень смелым человеком. И очень любил жизнь…»

«Кхх, кхх», – послышалось в комнате. Все оглянулись. На пороге стоял прадедушка Лёня. «Судари и сударыни!» – сказал он, и стало все понятно: прадедушка Лёня в гневе; когда он гневался, все у него были «судари и сударыни». «Я, старый пень, сижу в своей дыре, а тут…»

Девочки и мама вскочили со своих мест, усадили его в кресло, укутали ноги теплым клетчатым пледом. Прадедушка Лёня помягчел и сказал: «Хватит о серьезном… Сейчас я вам буду всех показывать». И начались представления. Прадедушка менял голос, позы, натягивал на голову плед, хватался за горящую свечу. И все узнавали то царя Салтана, то Царевну – лебедь, то зеркальце из «Мертвой царевны», то жадную старуху из «Рыбака и рыбки»…

Разошлись все далеко за полночь. «А детям завт-

ра в школу!» – сокрушалась мама. «Ничего, – говорила бабушка, – такой вечер может стоить всего среднего образования».

Но и в эту ночь Нике не спалось, и Лене тоже. «Знаешь, – сказала Лена, – я слышала, как бабушка говорила, что Пушкин, наверное, желал смерти...»

«Как желал? – шепотом спросила Ника, – он хотел умереть?!»

«Да..., хотел...»

«Но...почему? И...это же грех!»

«Хотел умереть и поэтому пошел на эту дурацкую дуэль...»

«Почему дурацкую? Его же обидели...и он должен был...»

«А по-христиански драться на дуэли грех! Он же сам дуэли осуждал, говорил, что из-за гордости там дерутся... Если он христианин, то не должен был идти... Хорошо, что он покаялся перед смертью и всех простил...Ну, все..., давай спать», – сказала Лена.

«Давай...» Ника полежала немного с открытыми глазами, затем выскользнула из постели, натянула на себя покрывало и пошла к бабушкиной комнате. Из-за двери проникал слабый свет. Значит, бабушка еще не спала. Ника тихонько приоткрыла дверь.

Дедушка посапывал во сне, а бабушка стояла перед иконами и молилась, она всегда это делала перед сном... Ника подошла и спросила шепотом: «Можно я с тобой побуду?» «Можно...» Бабушка даже не удивилась, увидев свою младшую внучку.

«Я хочу тебя что-то спросить...»

«Спрашивай».

«А если я хочу помолиться за ...Пушкина? Это... можно?»

«Конечно... Почему нет».

«А как?»

«Как за всех, кто умер... Господи, упокой душу раба твоего Александра...Прости ему все согрешения его, даруй ему Царство Небесное...Упокой его вместе со святыми, там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания...»

Ника повторяла за бабушкой слова молитвы и подумала о том, что бы сказал Пушкин, если бы знал, что она за него молится? Но ответа на свой вопрос не придумала. Она смотрела на огонь в лампадке, потом, как всегда, сильно сощурила глаза, чтобы увидеть, как потянутся от огонька золотые тонкие лучики... И они потянулись по всей комнате, яркие, искрящиеся и очень веселые. Они то пропадали, то возникали вновь, они делали то, что хотела Ника... Но вот лучики побежали к окну, проскочили через него и умчались в небо...

«Иди в постель»,– услышала Ника голос бабушки.

«Иду.., а где лучики?»

«Ты спишь стоя...» Бабушка взяла Нику за руку, повела в детскую и уложила в постель.

«Ты огонек в лампадке не туши... Пусть всю ночь горит... Ты ночью вдруг проснешься, а он горит... Так хорошо...»

«Я не буду тушить... Спи...»

Бабушка поцеловала и перекрестила Нику: «Спокойной ночи...»

«Спокойной..., я тебя очень люблю», – сказала Ника и тут же уснула.

Ложки Жана Вальжана

Она всех достала, эта Женька. Своими христианскими историями, дурацким смирением, любовью к ближнему…Вечный борец за справедливость, безгрешница конопатая, огородное пугало с жидкими косицами, монашка в темном платьице до подбородка. Да она просто завидует – модным девчонкам, богатым родителям, умению красиво, свободно и легко жить…Молодец Светка… Залепила ей звонкую пощечину… Ну и вид же у неё был при этом, этакая мегера…Как злоба-то лицо меняет…Надо будет посмотреть на себя в зеркало, когда я бешусь…О, и Павлик, этот шкаф в турецком свитере, и он ринулся в бой…

Забравшись с ногами на подоконник, Карина напряженно следила за происходящим. Наконец-то в их скучном классном болоте разыгрывается поистине детективная история. После Светкиной пощечины Павлик так пихнул Женьку, что она грохнулась на пол. «Вот это уже лишнее», – подумала Карина. И тут Светка, багровая от негодования, вдобавок ударила её ногой в живот. Класс взвизгнул, зарычал, заохал, замахал руками, окружив Женьку плотным кольцом. Светка рыдала, а Женька медленно поднялась, одернула платье и тихо сказала: «Пропустите… Я хочу сесть…». Но класс не шелохнулся… Классу хотелось раз и навсегда покончить с этим, мешавшим ему жить. Класс орал: «Дура! Идиотка!

ТК.

Иди в монастырь! Там тебе место! Отстань от людей!». «Ты посягаешь на самое святое – на родителей!» – тоненько кричала Наташа Курочкина, по кличке «Живой организм».

Да, на сей раз Женька превзошла саму себя. Она во всеуслышание заявила, что родители Светки платят директору школы буквально за все: за хорошие оценки, за летние каникулы за границей, а теперь вот Светка и еще двое едут в Америку на год, продолжать там учебу, жить в американских семьях, а американские дети будут жить в семье Светки. А это несправедливо, потому что Светка такой поездки не заслужила...

«Пропустите меня, пожалуйста», – спокойно просила Женька. Карине с подоконника были хорошо видны её бледное лицо и голубенькая жилка на худой шее. Эта жилка нервно двигалась, она то исчезала под тонкой кожицей, то выпячивалась вновь. «Еще лопнет», – подумала Карина. Ей вдруг стало жалко и Женьку, и эту жилку на тонкой Женькиной шее. Пора была вмешаться. «Хватит! – закричала Карина, – пропустите ее!» Класс расступился, и Женька медленно поковыляла к своему столу. «Уроки закончились! Спектакль тоже! Пора по домам!» – командовала Карина.

Через несколько минут в классе остались трое: Карина на подоконнике среди горшков с геранью, рыдающая Света и сжавшаяся в комок Женька. «Ну, и дальше что? – думала Карина, – Светка стонет так, словно не она ударила Женьку в живот, а сама – жертва побоев. Что мне-то с ними делать?»

Вдруг Женька встала, прихрамывая, подошла к Свете, обняла ее и поцеловала.

– Не надо..., успокойся, пожалуйста..., – сказала она и, вытянув из кармана бумажную салфетку, стала осторожно вытирать размазанные по лицу Светки следы от туши.

– Не прикасайся ко мне! Я тебя ненавижу! – закричала Света, отталкивая её от себя.

– Это неправда..., ты ко мне хорошо относишься, – Женька вновь прижала ее к себе, целуя в серо-грязные следы от «Ланкоме».

– Ты что, совсем ненормальная? – завопила Карина, – уйди от нее!

– Оставь меня! Мне гадко и мерзко! Ты...ничтожество! Дрянь! Я тебя ненавижу, ненавижу!! Ты!...

Женька мягко прикрыла ладонью Светкин рот.

– Это тебе все кажется... Это пройдет...Ты меня прости...Мне не надо было так говорить, хотя...ты знаешь, что... я сказала...правду...

Карина кубарем скатилась с подоконника; вот уж второй серии драки она не допустит. А Света, как-то ошарашено посмотрев на Женьку, расплакалась вновь, но какими-то совсем другими слезами, она заскулила тоскливо и жалобно, как маленький пес, которому прищемили лапу.

– Вот и хорошо, – причитала Женька, – сейчас мы пойдем, и ты умоешься, а потом я отведу тебя домой.

– Я никуда с тобой не пойду...Я не желаю больше тебя знать... Оставь меня...Ты мне противна,

противна! Неужели непонятно?!! – захлебывалась в плаче Света.

– Хорошо, я тебя оставлю... Но я ...тебя люблю и хочу, чтобы ты это знала,– тихо сказала Женька. Теперь Карине самой захотелось её стукнуть и чем больней, тем лучше.

– Я отведу ее в туалет, – зашипела она, – а ты давай домой и чтоб духу твоего здесь не было!

– Хорошо,– покорно согласилась Женька. Она собрала свои пожитки, надела синюю, как чернильное пятно, курточку, подошла к Светке и обняла ее.

– У нас с тобой все наладится...

– Да проваливай отсюда, размазня несчастная! – заорала Карина, и Женька бесшумно вышла из класса.

Женька и Света дружили. Света была веселой, красивой и самой модной. В классе её любили, и прежде всего, за щедрость. Ей никогда ничего и никому не было жалко. С ней было легко и просто. Женьку она опекала. Женька росла без отца, ее мама работала машинисткой на радио. Она постоянно пропадала у Светы в доме. Родителям Женька нравилась – скромная, учится хорошо, много читает, то есть, в ней было все то, чего в Светке не было. Женька читала книги, которые написали еще в девятнадцатом веке, но более всего она любила Библию, за что и хохотал над ней весь класс. Света вообще ничего не читала. Зачем? По телевизору и так все показывали, но охотно слушала Женьку, которая пересказывала ей содержание своих любимых книг.

Зимними вечерами, наскоро сделав уроки, они усаживались у камина в гостиной, и Женька пересказывала «Гранатовый браслет» Куприна, или «Белые ночи» Достоевского, или «Королеву Марго» Дюма. Делать это она умела; голос у нее был мягкий, выразительный, светлые глаза на фоне рыжих веснушек искрились, две тонкие косицы отливали медью, как пламя в камине. «Не такая уж она уродина», – думала в такие минуты Света. Именно от Женьки впервые, еще до того, как стали проходить в школе, Света узнала содержание «Евгения Онегина» и даже всплакнула по погибшему на дуэли Владимиру Ленскому. Женька тут же прочла ей лекцию о духовности русской литературы. «Видишь, – говорила она, – ты смотришь фильмы, в которых трупов больше, чем действующих лиц, и спокойна. А в «Онегине» всего лишь один убитый, и как тебе его стало жалко!»

Бывало, они ссорились; тогда Женька первая протягивала руку, и все становилось на свои места. Но то, что произошло сегодня, разлучило их навсегда – так считала Карина. Сама Карина дружила со всеми и ни с кем конкретно. А иначе и быть не могло, потому что она держала нити правления классом в своих руках, она была его лидером, она не давала классу спать, она тормошила его, заражала идеями, которые выходили далеко за рамки школьных программ. Любитель острых конфликтов, она могла с легкостью вызвать скандал, перессорив полкласса с другой его половиной, и также легко всех помирить.

Но то, что случилось сегодня, ни на шутку ее озадачило. Светой она восхищалась. Света, пожалуй, единственная в классе, с которой она бы не возражала сойтись поближе, а вот с Женькой – никогда. Это создание, серое внешне и по-старушечьи затхлое внутри, то раздражало её, то вызывало сочувствие. В Женьке было все не так, как у всех, – поступки, мысли, интересы, то, как она одевалась и причесывалась. Словно она свалилась с другой планеты, и на той планете был каменный век. Однажды, на вопрос Свете: «Что ты в ней нашла?», она услышала: «Не знаю... Мне с ней хорошо».

Так как же уладить этот конфликт? Как их помирить? А мирить Карина любила не меньше, чем ссорить. Прежде всего, надо было поговорить с каждой. Но с кем первым, к кому пойти сначала? К Светке? Ее родителей перед всем классом разоблачила Женька, опозорила, вытащила на свет то, что являлось тайной их семьи и тайной директора школы! А может быть, ему платят не только Светкины родители за всякое там такое? Но откуда узнала об этом Женька? Ах, не это сейчас главное...Светка – жертва, и надо идти к ней. Но Светка дала пощечину Женьке, потом Павлик, это прямоугольное сооружение, пихнул ее так, что хилая Женька упала на пол. И тут произошло самое страшное: Светка, добрейшая Светка, ударила лежащую подругу ногой. И потом эта дура Женька, держась за живот, лезла со своими поцелуями, умоляла её простить. Как все глупо... Нет, надо ехать к Женьке.

…Через полчаса Карина уже стояла в подъезде серого облупленного здания и искала номер Женькиной квартиры на металлической табличке. Раньше она здесь никогда не была. Женька жила на восьмом этаже, лифт не работал. Это даже неплохо. Можно еще собраться с мыслями.

Женька была одна, и по первому же взгляду Карина поняла: она плакала. Несколько минут они сидели молча. Карина с интересом осматривала комнату Женьки. Ничего особенного в ней не было. Стол, книги, две маленькие иконки, кто на них изображен, Карина не знала, и фотография мужчины в военной форме.

– Это… твой папа?

– Да, он погиб… Ты хочешь чаю?

– Нет…Я хочу поговорить… Честно говоря, я давно хотела с тобой поговорить. Знаешь, я хочу понять… Я вообще в тебе ничего не понимаю… Почему ты такая? Чего ты себя постоянно унижаешь? Почему в тебе нет ни капельки самолюбия?

– Во мне есть самолюбие…

– Но Светка тебя била, оскорбляла! А ты…

– Я на нее не обиделась…

– Но так не бывает! Это ужасно! Это… унизительно! Это же… больно, наконец.

– Ты считаешь, что я должна была дать сдачи? Полезть в драку?

– Нет, драка это последнее дело… Но тебя бьют, а ты лезешь целоваться. Противно даже… Это тебе… Бог так велит?

Женька промолчала.

– Ладно, Светка тебя ударила раз, другой…Ты это все мирно перенесла, даже принялась её обнимать и успокаивать. Ну, ты такая… Видимо, характер у тебя такой странный… В конце-то концов, это твои проблемы. Но как ты, такая верующая, такая смиренная, могла так жестоко поступить с ее родителями?

– Мне не надо было этого делать… Не надо было. Но.., но ведь это же правда!

– Ну, а твое-то какое дело?! Ты ходишь к ним в дом, ты лопаешь там свои любимые эклеры! Откуда ты вообще все это знаешь?! Это же гнусно! Это предательство!

– Получается так, – тихо сказала Женька.

– Светка тебя никогда не простит! И правильно сделает. Вашей дружбе пришел конец! И я не знаю, что делать!

– Я…я…, – Женька опустилась на стул и разрыдалась. Плечи ее вздрагивали, и опять запрыгала на шее эта голубая жилка.

– Ты не понимаешь,– слышала Карина сквозь рыдания, – я очень люблю Евангелие. Но я не только хочу это читать, я хочу жить так, как там написано… Но у меня ничего не получается…

– Какое Евангелие? Причем тут твое Евангелие?

– Притом, что там написано, как надо жить! А я так не умею!

– И никто не умеет жить так, как написано… Потому что все это сказки!

– Но так надо! Надо всегда говорить правду…

Надо любить всех и даже врагов...Надо прощать... Ни на кого не обижаться...

– Никто так не живет! Так жить невозможно!

– А ты знаешь, что там написано?

– Не знаю... Мне это не интересно... Что-то я слышала... Если тебя двинули по правой щеке, быстренько подставь другую щеку, чтоб тебя двинули еще раз.

– Это не совсем так, но... в основном, верно... И ... это правильно.

– Ты окончательно свихнулась! Ты... хочешь так жить?!

– Однажды Иисус Христос поднялся на гору и сказал людям: «Не противься злому...Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую...»

– Вот, вот... И ты подставила не только щеку, но и живот. А потом полезла целоваться. Тебе к врачу надо... К психиатру.

– Ты просто не понимаешь...

– Чего тут понимать? Все ясно сказано! Тебя бьют, а ты терпи и проси, чтоб тебя били дальше! Чушь какая-то!

– Нет... Это не так... Тут надо подумать, как понимать эти слова. Я тоже сначала не понимала... Ты знаешь, кто такой Жан Вальжан?

– Не знаю...Актер, что ли?

– Нет, это книга, «Отверженные», ее Виктор Гюго написал. Жан Вальжан украл каравай хлеба, и его отправили на каторгу. Он пробыл там девятнадцать лет... Стал жестоким, злым, никому не верил. Наконец, его выпустили, и он долго шел пеш-

ком к месту своего назначения, усталый и голодный. Никто не пустил его переночевать, никто не дал куска хлеба. Люди шарахались при виде этого угрюмого, оборванного каторжника.

Впустил его в свой дом только один человек, это был епископ. Жана Вальжана искупали, переодели, накормили, уложили спать на чистую мягкую постель. А ночью, когда все еще спали, он украл ножи, ложки, вилки из старинного серебра и бежал из дому. Но полицейские задержали его и привели в дом. Однако епископ тут же заявил им, что все вещи этому человеку подарил он сам и добавил: «А что же вы, друг мой, ведь я же вам отдал еще и серебряные подсвечники... Вы их, наверное, забыли».

Представляешь лицо Жана Вальжана? И что творилось в его душе? На прощанье епископ ему сказал: «Вы больше не принадлежите злу, вы принадлежите добру». Вот так... Он сделал зло, а ему на его зло добром ответили. Ты бы так сделала? Наверное, никто бы так не сделал... А епископ сделал... И после этого Жан Вальжан стал совсем другим человеком; всю свою жизнь он делал добро, много добра ... Мне кажется, вот так надо понимать эти слова: «Если тебя ударили по правой щеке, подставь другую».

– Интересная история, но не жизненная. В жизни такого не бывает.

– Но должно быть! Понимаешь, если ты злых будешь жалеть, хорошо к ним относиться, они тут же становятся лучше и сами начинают любить и делать добро.

– Но таких людей нет! Не бывает в жизни Жанов Вальжанов с ложками и епископов таких не бывает!

– А может, бывает... Вот если бы мир состоял из таких епископов, то злости было бы намного меньше...

– Не знаю..., я об этом никогда не думала.

– Вот, вот... Никто об этом не думает...

В дверь позвонили. Женька пошла открывать. На пороге стояла Света. В руках у нее был большой полиэтиленовый мешок. Женька побледнела, а Карина вытянула шею, напряглась, словно подготовилась к прыжку через трамплин. Минуту все трое молчали. Наконец, Света сказала:

– Я принесла пирожки с вишнями... Ты ведь их любишь... Правда, вишня консервированная... Но они еще теплые. Мама сегодня пекла...

– Так будем пить чай! – как-то неестественно громко заорала Карина. Женька молчала, её рыжие косицы жалобно обвисли вокруг ушей, а в глазах стояли слезы.

– Ты хочешь чаю? – тихо спросила Света.

– Хочу, очень,– почти беззвучно ответила Женька.

– Ну, так чего я стою на пороге?

– Идите в комнату, а я быстро! – Карина выхватила у Светы мешок и бросилась на кухню. Господи, где тут что? Чайник... Вот чайник...Кружки... Кружки, вы где ? Вот кружки... Вот блюдца... Ложки...ложечки... Ложки Жана Вальжана... Вот уже и я с ума схожу...

Эта мысль её рассмешила и почему-то обрадовала. Она прислушалась. В комнате Женьки о чем-то шептались. Раздался тихий смех. Там было все хорошо. И Карина загромыхала посудой.

Сочинение из Третьяковки

Вероника Сергеевна, учительница по русской литературе, бродила по залам Третьяковской галереи. Прежде чем воплотить свою идею в жизнь, она должна была сама еще раз вспомнить полотна русских художников. А идея была проста. Ученики должны написать сочинение по любой, на выбор, картине 18–19 веков. Написать все, что они видят и чувствуют, не пользуясь никакими критическими материалами. Когда она объявила им об этом, класс сначала недоуменно замолчал, а потом начался ропот. Кому они сейчас нужны – эти мишки в лесу и алёнушки, лохматые лошади с богатырями и сумасшедшая старуха в телеге? Ну и что, что Вероника Сергеевна считает классику бессмертной. Они так не считают... Ни роскошные и яркие итальянки Брюллова, ни пьяные запорожцы, «этакий суповой набор», никакого восторга давно уже не вызывают.

Другое дело – Дали, Шагал, Малевич или еще что-то в этом роде. Но о них писать трудно, что они там изображали, толком непонятно.

«Если это непонятно, пишите то, что понятно, – сказала Вероника Сергеевна. – Походите по музеям. Полистайте альбомы. Выберите себе что-нибудь...». На этом нехотя остановились.

... В зале Крамского Вероника Сергеевна решила отдохнуть, направилась к скамейке и увидела молоденькую девушку, которая стояла перед кар-

тиной и плакала. «Что-то случилось... Деньги потеряла или ключи... или с кем-то поссорилась...»

Она села на скамейку, еще раз взглянув на девушку. Та была в джинсах и в короткой кофточке, белый животик, как и положено, наружу. Золотистые, разумеется, крашеные волосы прямыми длинными прядями закрывали спину. Девушка смотрела на полотно, которое было перед ней, по щекам её текли слезы, и она вытирала их тыльной стороной ладони.

«Христос в пустыне», Крамской... Из-за этой картины она что ли плачет?»– подумала Вероника Сергеевна. Это было известное полотно Крамского. Сидит в пустыне печальный Христос, среди холмов и камней и думает о своем. Хорошая картина. Философская. Ну, а плакать-то чего? Может, она ей что-то напоминает? Но что могут напоминать события двухтысячной давности? Да и невозможно себе представить, что ей вот так, до слез жалко Христа... Разрыв между этим юным созданием с голым животом и сюжетом картины Крамского был настолько велик, что Вероника Сергеевна подумала: её слезы никакого отношения к сидящему на камне Христу не имеют.

Но девушка продолжала смотреть на картину и потихоньку плакать. А что если очень вежливо, тактично и участливо задать вопрос: почему она плачет? Вероника Сергеевна встала и подошла к ней. Но девушка, поглощенная своими мыслями, даже не взглянула на женщину, которая явно хотела её о чем-то спросить. И Вероника Сергеевна не решилась... и прошла мимо.

Походив ещё по залам, она вернулась назад.

Девушка все еще стояла на прежнем месте. Она не плакала, но все также, сосредоточенно смотрела на полотно. «Что заставляет эту девицу проливать слезы перед картиной «Христос в пустыне»? Вероника Сергеевна терялась в догадках.

Возвратившись домой, она пересмотрела все, что касалось картины Крамского. Показанная на Второй передвижной выставке, в 1872–73 годах, картина стала событием и вызвала яростные споры и раздражение. В чем только не обвиняли художника! «У Христа слишком ярко выраженный еврейский тип», «Да и вообще это не Христос, это скорее, Гамлет», «Нет, больше Дон-Кихот, но только без комического», «Это оборванец, восседающий на камне», «Жалкое создание», «Никакой возвышенности и идеала...». А Лев Толстой написал в письме Павлу Третьякову: «Это лучший Христос, которого я знаю».

Вероника Сергеевна вглядывается в репродукцию. Вот Он сидит на камнях, погруженный в себя, оцепеневший от дум. Руки Его судорожно сжаты, холодно натруженным босым ногам. Губы запеклись, может, от долгих беззвучных молитв. Раздирают ли Его душу сомнения, или Он твердо знает, что нужно делать... Крамской писал: «...есть один момент в жизни каждого человека.., когда на него находит раздумье – пойти ли направо или налево... Итак, это не Христос. То есть, я не знаю, кто это! Это есть выражение моих личных мыслей... Одинокий Христос исполнен тяжких раздумий – идти к людям, учить их, страдать и погибнуть, или поддаться искушению и отступить».

«Если Он не знает, куда идти – направо или налево, то это в самом деле не Христос, – думает Вероника Сергеевна, – в Его глазах действительно мука. Он страдает, но это страдание не от сомнений, как надо поступить... Это совсем другое страдание... Тогда, какое? О, Господи, кажется, эта девочка из Третьяковки заставила и меня размышлять на темы художественных полотен...»

....Только через месяц Вероника Сергеевна собрала сочинения. Первым делом она просмотрела названия. Темы были самые разные: «Сватовство майора» Федотова, «Демон» Врубеля, «Иван Грозный и сын его Иван» Репина, «Явление Христа народу» Иванова... Но «Христа в пустыне» не было...

Прошло еще полгода. Однажды к Веронике Сергеевне пришла мама Люды Калининой, писавшей сочинение по картине «Явление Христа народу». Она протянула толстую синюю тетрадь в полиэтиленовой обложке и сказала:

– Вы, наверное, знаете, тот дом.., который взорвался... То ли теракт, то ли бытовой газ... Погибли люди... Целый подъезд... Веши раскидало на весь квартал. Я вот...увидела эту тетрадку... Хотела выбросить. Потом полистала и подумала, что вам, наверное, будет интересно...

Вероника Сергеевна взяла тетрадь. Это был дневник. На первой странице стояло «Асины раздумины. Очень секретно».

– Но это же дневник... личный, – сказала Вероника Сергеевна.

– Да.., но ...хозяйки-то нет...

– Вы думаете, ...она погибла?

– Я не знаю…Может быть… Но если бы я его не подобрала, то он наверняка бы пропал. И я подумала…

– Хорошо. Спасибо. Я посмотрю…

Несколько дней дневник лежал на письменном столе, и Вероника Сергеевна не решилась его открывать. «Все, что написано, секретно», – предупреждал автор по имени Ася. Но однажды, взяв синюю тетрадку в руки и пробежав первую страницу, она уже не смогла не читать дальше.

«Ну, и что бы вы выбрали: мудрость, богатство или власть?»

Папа: «Богатство».

Мама: «Власть».

Папа: «Мудрых я куплю».

Мама: «А ко мне мудрые сами придут».

ИСКУШЕНИЕ ПЕРВОЕ. Христос в пустыне. Еще одна ночь, может быть, сороковая по счету, позади. Страшная и опасная ночь, когда над головой с шумом пролетают совы, где-то рядом рыскают голодные шакалы …Но дикие животные Его не трогают! И вот пришел сегодняшний день, и Он уже изможден до предела, до предела физических сил. Все сорок дней и ночей Он, наверное, провел в молитвах и думах. И на это были силы. А сейчас они иссякли. Их нет. Совсем. И Он взалкал. Захотел есть. Ведь прежде Он никогда так не голодал, Он не был аскетом, Он ел рыбу и пил вино… Но здесь еды нет. Одни камни. Камни, которые напоминают большие круглые хлеба…

И вот тут-то и явился он, князь тьмы. Он знал, когда приходить! «Хочешь есть? Вот камни..., много камней. Преврати их в хлеб. Ты это сможешь, ты же Сын Божий». Мог ли Он себя накормить? Мог ли Он это сделать? Мог! Но не сделал...«Не хлебом единым будет жить человек, а всяким словом, исходящим из уст Божьих», – ответит Он запекшимися губами.

Почему Он так сказал? Не потому, что хлеб не нужен. Он нужен, без него не прожить. Но человек не должен быть рабом хлеба. Не хлеб, не земные блага (а хлеба из этой пустыни – олицетворение земных благ) – цель жизни...

По Достоевскому, насытившийся человек обязательно спросит: «Ну, вот, я наелся... А что же дальше?»

И я спрашиваю: «что же дальше?» Мне мало иметь только деньги, даже много денег иметь – мне этого мало.... Насытившись ими сполна, я взвою и обязательно умру...

ПАПА: Человеческое стадо должно быть сыто и довольно. А если оно болеет, его надо лечить. А оно всегда болеет и будет болеть, и поэтому я занимаюсь лекарствами. Оно нуждаются во мне, а я в нем. Так и живем, помогая друг другу... Абсолютно ли я доволен? Конечно, нет. Всегда хочется больше и побыстрее.... И это желание каждого, естественное и закономерное. Еще никто и никогда не отказывался быть вдоволь сытым.

МАМА: Ради чего совершились все революции,

все войны, лилась кровь? Ради свободы? Ерунда! Ради хлеба! Надо накормить голодных!

ПАПА: Спроси голодного: будет он слушать твоего Христа, что не хлебом единым живет человек, а живет он духовной жизнью? Чушь все это! Веками идут люди за теми, кто их кормит...Что смогли дать твои демократы народу, кроме слов? Ничего! А Гитлер и Сталин людей кормили! И вот поэтому они за ними и пошли! Тебе, дочка, как будущему историку, это известно лучше, чем мне...

Да, я кое-что уже знаю. Про социализм я читала и много слышала. При капитализме я живу. При социализме всех хотели уравнять. Чтоб всем было одинаково хорошо, как ромашкам на ромашковом поле... Каждая ромашка должна быть счастлива. Ромашки хилые и маленькие, но все одного роста, желтенько-белые посредственности... Кто пытается быть повыше к солнцу, тому отрезают головку...

«Вы – ромашки! – говорили им ромашковые кесари, – вы в мире – самые, самые...И мы сами знаем, что вам надо. Главное, чтоб каждая из вас была сыта. Получила свою дольку земли, немного дождя и каплю солнца. Мы сами решим, сколько солнца вам надо. Поэтому, нечего высовываться. И не нужна вам никакая свобода! Придет время, и мы для вас завоюем еще новое поле и рассадим вас. Это наш долг – думать о вас, жить ради вас... Мы так и делаем...»

Потом поле перепахали. Посеяли новые цветы. Они разные, все эти цветы-люди, но хотят од-

ного: познать законы, как из камней делать хлеб, много, много хлеба. И уже одни им давятся, а другие, случайно уцелевшие ромашки, с тоской вспоминают о старом ромашковом поле и грозном кесаре, который выдавал им солнце по карточкам...

И одни живут, как хотят, а другие, как могут... И у каждого свои ценности в зависимости от того, кто как усвоил законы по превращению камней в хлеба. Ценности великие: книги о бизнесе, который на ладони, колготки и пиво под девятую симфонию Бетховена, телешоу, где одни поедают других, где учат, как вкусно насытиться, фабричным методом вырастить звезду, очень даже тусклую..., где еще некогда любимые актеры и прочие интеллигенты лебезят перед сильными мира сего, заигрывают с порно и хамством, где круглосуточно насилуют и убивают....

Иногда все делают вид, что им нужен этот смиренный праведник из Назарета, сам бедно одетый, босой и без крова... И они зайдут в храм, выстроенный из драгоценных материалов, по убранству почти Соломонов, и поставят Ему свечу. Но следовать за Ним...вряд ли... Одним по-прежнему хочется сильной руки и железной воли, и чтоб им иногда говорили, что они в мире – самые, самые лучшие. Накормленные и самые лучшие в мире, они будут готовы на все...

А другим в первую очередь необходимы мирские блага, причем много и сразу.... И за это они отдадут всё: своих друзей, свою совесть, но в первую очередь – Бога.

ИСКУШЕНИЕ ВТОРОЕ. Христос стоит на высокой горе. А там, за вершинами гор, на севере и на юге, на западе и на востоке – земли, страны, целый мир, построенный на золоте и убожестве, крови и ненависти… И князь тьмы предлагает Ему править этим миром. «Тебе дам всю эту власть и славу, потому что мне предана она, и я, кому хочу, даю её». Стоит на горе Христос, ничего нет у бывшего плотника: ни крова, ни денег, а Ему тут целые империи предлагают… Остается только поклониться князю, и будет Он властвовать. Поклониться, значит, став владыкой, править по законам князя тьмы. Законы выдумывать не придется. Они живут и побеждают в том мире, который распростерся за горами во все стороны света…

«Отойди от меня, сатана, – говорит Христос. – Написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Значит, служи Небу, Божественной истине… А вот это в расчеты князя тьмы совсем не входит. У него другие цели и для них в его арсенале – совсем другое оружие.

А Христос… какой из него земной царь? Он царь Неба и Земли, но не сейчас. Позже…

МАМА: Ты спрашиваешь, зачем мне власть? Мне бы хотелось править… И все равно чем… Лучше страной, можно городом или корпорацией. Распоряжаться всей нефтью в мире, или всеми мировыми аптеками, или цветами…Представляешь, все цветы мира в твоих руках! Но дело даже не в нефти, в цветах или лекарствах… Дело в людях, которые от тебя зависят… И ты можешь одним пальчи-

ком решать судьбу каждого! (Мама поднимает вверх свой прямоугольный отполированный ноготь и сладко щурится).

Тебе, моей неисправимой идеалистке, этого не понять... Да и я толком объяснить не могу, почему мне этого хочется... Хочется и все... Ну, что ты таращишь глаза ? Ах, не обращай внимания... Все это мой бред...

Ночью мне приснилась мама в... образе египетской царицы Клеопатры. Она была очень красива, и я уже не понимала, то ли это мама, то ли Клеопатра. Вокруг неё были рабыни, но не чернокожие, а похожие на грузинок в национальных костюмах... Мама – Клеопатра смеялась и втыкала в грудь своих рабынь иголки. Я в ужасе проснулась.

Власть – это то, к чему стремятся, что ненавидят и обожают... Власть – это насилие, это то, что губит. Власть – это искушение лестью. Причем каждый престолонаследник осуждает за любовь к хвалебным одам того, кто на престоле. Но очутившись на нём сам, сразу или постепенно ловится на эту же удочку...

От кого она – от Бога или от демона? Власть от Бога...Если она исходит из Божественных ценностей.

Она же и от демона. Если много говорит о добре и благе, а сама вся – в зле, служит себе и проблему земного хлеба решает с помощью войн.

Где я читала? «Если кесарь строит своё земное государство в отрыве от Небесного, ищет покоя

для своих подданных только на земле, – оно погибнет». Вся история цивилизации пестрит такими примерами.

Киевский князь Владимир Великий, по прозвищу «Красное Солнышко»… Прежде, чем стать Солнышком, открыл для себя Бога…

Искушение властью… Искушение от слова «искусить», «вкусить». Набрать власти полный рот и … давиться. И все равно никому её не отдавать. Вцепиться зубами в меч Кесаря. И – никому!

ПАПА: «Я выдвину свою кандидатуру…». «А если тебя не захотят?» «Захотят…Это быдло просто не понимает, что ему надо…Но я ему в этом помогу».

Кесари – тираны – всегда боги. Бабушка мне рассказывала. Когда она была маленькая, то её спрашивали: «Кого ты больше любишь: «Маму, папу или Сталина?». Она знала, что надо ответить: «Сталина». Но очень любила папу, и поэтому быстренько и невнятно произносила: «Папу, Сталина и маму». Но ей тут же становилось обидно за маму, и она говорила: «Маму, Сталина и папу». Потом она окончательно запутывалась и со страхом шептала: «Сталина с мамой и папой»…

Кесарей – тиранов почти не убивали. А кесарей-интеллигентов уничтожали с особой страстью и тщательностью…(Александр II,Николай II).

ИСКУШЕНИЕ ТРЕТЬЕ: Князь тьмы ведет Христа в Иерусалим и ставит на одно из крыльев Хра-

ма. С высоты смотреть страшно, кружится голова… «Если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз…». То есть, уповай на Бога, ведь Он Сам сказал: повелю своим Ангелам, и они на руках понесут тебя, и ничего с тобой не случится. А люди увидят: упал человек с высоты на камни и не разбился! Значит, это тот, перед кем можно пасть ниц!

А Христос: «Написано: Не искушай Господа Бога твоего».

Не искушай Бога… Не проси чудес у Него по дурацкой своей прихоти. Он знает Сам, что тебе надо. Он поможет тебе, если позовешь Его, когда совсем невмоготу…

Чуда хочется всем и всегда. Быстрого, простого и легкого… Особенно, когда тяжело.

У меня в жизни чудес не было. Я их вообще не хочу. Я не хочу земных чудес! Громких, с треском, по интернету, в газетах или на телевидении… Не хочу лечиться у экстрасенсов и целителей, прорицателей и ясновидящих, у заряжателей воды и воздуха, я не верю, что можно исцелиться, приложившись один раз к святым мощам, что, обрызганный святой водой, ты тут же выздоровеешь… Тогда жизнь была бы такой легкой и весёлой! Никакого особого духовного труда!!

Мне не нужно для доказательства бытия Божия, чтобы иконы по всей России плакали…Я люблю иконы, особенно иконы Божьей Матери, особенно Владимирскую… Я верю, что намоленная, залитая моими слезами, она живая и может меня утешить.. Но я не хочу легких и насильственных чудес!

Христос и дьявол. Три попытки искушения. А было ли это вообще? А если было, то что это было? Видение? Сон? И кто являлся к Нему? В образе кого? Но нужны ли эти вопросы... Не физическое действо тут важно...Важен замысел...Замысел испытывать людей богатством, властью и чудесами... Христос эти испытания выдержал. Мы приняли все три искушения. Мы все соблазнились ими. Все до одного. От мала до велика, и стар, и млад. И люди, и кесари, и церковь.

КНЯЗЬ ТЬМЫ: Значит, я прав. Ты-то устоял перед моими искушениями, а они все? Ради которых Ты так старался! Значит, все Твои усилия и Твои страдания напрасны!

Тогда о чем Он думает, стиснув руки? Как убедить мир, что есть вещи, которые выше всех земных благ, выше государства, родины, здоровья, страданий, выше отца, матери, даже детей, выше даже самой земной жизни?! Как убедить людей, что они и пришли в этот мир, чтобы быть выше всего этого? И свободными они будут только тогда, когда поймут это?

Ну, а если никогда не поймут? Как не понимают по сегодняшний день? И будут продолжать убивать, ненавидеть, завидовать и жаждать власти, денег, чудес? Что тогда? Тогда всё...

«Хлеб небесный выше хлеба земного. Смысл жизни выше самой жизни».

ПАПА: Мамуля! Наша дочка окончательно свихнулась...19-летняя ханжа! Это твои что ли перлы?

«Это Бердяев, русский философ...»

ПАПА: Ясно. Очередной маразматик. Ты еще не пыталась предложить его человечеству вместо «Гарри Поттера»?

«Нельзя до такой степени не верить людям! Нельзя людей презирать и при этом желать им счастья!»

ПАПА: Можно...

Мы договорились встретиться на гоголевском бульваре. Там мне будет легче, чем дома. Я не буду орать, как резаная. Я им просто скажу, что я их ненавижу. Что я все про них знаю, что я от них отказываюсь, что ухожу...

Я шла по улице, и во мне все кипело. Перед глазами плыли круги. То ли от бессонницы, то ли от ненависти. По дороге я купила цветы и три порции мороженого. Не знаю, зачем. Я тащила цветы, как веник, а все три порции «Пломбира» капали мне на джинсы...

Они уже ждали меня, мои родители, красивые и довольные собой. Я подошла, дала мороженое, маме сунула цветы. А потом... я их поцеловала. Они расцвели. «А мы думали...», – сказала мама и вдруг она заплакала. Я первый раз увидела её слезы.

Это неправда, что люди не смогут... Не смогли бы рабы. Но Бог рабов не создавал...

На этом записи обрывались. Тетрадь была исписана только на четверть. Вероника Сергеевна

полистала чистые страницы, надеясь найти еще что-то, закрыла и осторожно, словно тетрадь была из стекла, отложила в сторону. Первая мысль, которая пришла ей в голову, была о том, что таких 19-летних Ась просто не бывает. «Так её и ...нет! – со страхом вдруг подумала Вероника Сергеевна, – Ася погибла! А... может, она жива? Может, эта девочка жива?! А если жива, то я её найду! Надо просто посмотреть списки жильцов, которые жили в том доме!» Ей хотелось бежать прямо сейчас, немедленно, к разрушенному дому, в милицию, куда угодно... Но было уже поздно, и она решила заняться этим завтра.

Перед сном Вероника Сергеевна еще раз перечитала дневник. Все, о чем писала Ася, напомнило ей «Великого инквизитора», главу из романа Достоевского «Братья Карамазовы». «Карамазовых» она преподавала в школе, но «Великий инквизитор» всегда проходил мимо... Мимо учеников и мимо её самой... Ей всегда казалось, что эта глава и мало понятна и неинтересна для современной молодежи.

Но Ася не упоминает этот роман, как и не упоминает о картине «Христос в пустыне». Мысль о том, что Ася – это та самая девочка, которая плакала у картины Крамского, возникла у Вероники Сергеевны сразу, как только она начала читать. Но сейчас она думала: «Вряд ли это была Ася... Это было бы просто невероятно...» Ей даже не хотелось, чтобы это было так. Пусть будут две девочки, тогда одна из них жива... Асю она не видела, а плачущая девочка из Третьяковки стояла перед её глазами. Нет, это не может быть одно и то же ли-

цо... Легкомысленно одетая, с длинными соломенными волосами, она менее всего походила на автора таких записок... «Мало ли девушек, которые подолгу стоят у картин... Но они стоят не так, они не плачут», – думала Вероника Сергеевна.

На другой день она принялась разыскивать Асю. Но все оказалось не так-то просто. После долгих хождений по разным инстанциям ей твердо было сказано, что девушка по имени Ася в этом доме вообще не жила. «А может, её звали не так, может быть, она придумала себе это имя... Специально для дневника, как псевдоним...»

Вероника Сергеевна продолжала поиски. Даже несмотря на то, что жильцы из соседнего подъезда сказали: там жили две девочки примерно такого возраста. Обе погибли. Но их имен они не знали...

И тогда Вероника Сергеевна стала ходить в Третьяковку. Она подолгу сидела в зале Крамского, каждый раз вздрагивая, когда появлялась молоденькая девушка с длинными золотистыми волосами. Таких было много, но они все проходили мимо «Христа в пустыне»... А девочки, которая плакала перед Ним, не было... Но Вероника Сергеевна не теряла надежду. Чем чаще она ходила в Третьяковскую галерею, тем больше верила в то, что однажды она подойдет к картине Крамского и увидит Асю...

«И звезда с звездою говорит...»

Саша и Женя – двойняшки. Они родились в один день, но друг на друга не похожи. У Саши – большие черные глаза и кучерявые волосы; она похожа на папу. У Женьки глаза синие, волосы светлые и не кучерявятся. Она – вылитая мама. А еще у них есть брат – Алеша. Саше и Жене по четыре года, а Алеше – четырнадцать. Воспитывает всех бабушка, потому что мама и папа целыми днями на работе. Бабушка, как и все бабушки: печет пирожки, вяжет шарфики перед телевизором, рассказывает сказки.

И все-таки она бабушка необычная: все бабушки рассказывают чужие сказки, она сочиняет свои, причем, на ходу, и одну сказочную историю может выдумывать и рассказывать месяц. Часто забывает, на чем вчера остановилась, и тогда девочки ей напоминают. Она пишет маленькие пьески, по которым дети ставят домашние спектакли, катается с ними на велосипеде и играет в свою любимую и очень старую игру «казаки-разбойники».

А еще бабушка водит внучек в церковь и много рассказывает о Боге. Она учит их молиться не только за маму и папу, но и за всех родственников, соседей и даже за тех, с кем ты поссорился.

Как-то бабушка рассказала детям свою родословную: это кто кого родил. Она знает имена не

только своих четырех бабушек и дедушек, но и имена их мам и пап, и их бабушек и дедушек! Она нарисовала большое дерево и на ветках повесила таблички с именами всех своих родственников. В самом низу, где у дерева корни, висела табличка с именем её прапрадедушки. Потом на ветках шли таблички с именами тех, кто от прапрадедушки родился. Где-то в середине дерева было ее собственное имя. А на самом верху красовались три таблички, на которых было написано: Алеша, Саша, Женя. Женька, которая все быстро запоминала, выучила наизусть имена двенадцати бабушек и двенадцати дедушек.

Однажды перед Пасхой произошел такой случай. Была Великая Пятница. Очень печальный день. Именно в этот день 2 тысячи лет назад Иисуса Христа распяли на кресте. Когда Он, измученный и обессиленный, умер, Его сняли с креста, завернули в плащаницу – большую плотную простыню – и отнесли в пещеру. И вот с тех пор люди в этот день приходят в церковь, чтобы приложиться к плащанице, на которой Иисус Христос изображен.

Бабушка тоже повела девочек в церковь. Народу в этот день было много. Каждый подходил в плащанице, делал три земных поклона и целовал изображение Христа, лежащего в гробу.

«Когда подойдете к плащанице, поцелуйте её и помолитесь о своих родных»,– сказала бабушка. Девочек, как и остальных детей, пропустили вперед. Первой подошла Саша. Она три раза опустилась на колени, с трудом, на цыпочках подтяну-

лась к плащанице, поцеловала её, что-то пошептала и отошла.

Потом подошла Женя. Она тоже стала на колени, низко опустила голову и замерла. Стояла она так долго. Потом поднялась, перекрестилась, еще раз стала на колени и опять замерла. На сей раз она не поднималась еще дольше. Казалось, что она уснула, уткнувшись в пол. Бабушка начала нервничать, люди, стоявшие впереди, удивленно смотрели на Женю, а те, кто был сзади, стали нетерпеливо перешептываться.

Наконец, Женя поднялась с колен и опустилась третий раз, и снова уперлась носом в пол. Шли минуты, но она не двигалась. «Пусть, пусть..., не тревожьте ребенка», – говорили одни, но другие стали возмущаться: «Да поднимите вы ее! Она просто балуется...» Бабушка стояла растерянная и не знала, что ей делать. И когда она все же решилась подойти к Жене, та поднялась, перекрестилась, поцеловала плащаницу и вернулась на место.

По дороге домой бабушка спросила: «Женечка, почему ты так долго стояла на коленях?»

«Но ты же сама сказала – надо помолиться за родственников...Я и молилась за всех...Вот только как звать твоего дедушку.., ну.., папу твоего папы, я забыла и долго не могла вспомнить».

...Конечно же, бабушка с детьми устает, и иногда ей устраивают отдых. Вот и сейчас она поехала на неделю к своей подруге погостить. А папа и мама собираются с детьми в отпуск, потому что пришло долгожданное лето. Но за неделю до отпуска мама

и папа получили приглашение приехать на выходные дни к своим приятелям. «Поедем, – решил папа, – а Алешку оставим с девочками. Ничего страшного, он уже взрослый, справится». Конечно же, такое решение не привело в восторг Алешу. Это нарушало его планы – провести выходные дни с друзьями. Но что поделаешь, придется нянчиться целых два дня с младшими сестрами...

Мама и папа уехали утром. День был душный, жаркий. Алеша поставил на балкон большой желтый зонт, но и под ним девочки, немного поиграв, быстро разомлели. В обед он накормил их супом и котлетами, которые приготовила мама, и сказал строго: «А сейчас спать». К его изумлению обе не возражали. Уснули они быстро, а Алеша уселся перед телевизором.

Жара не спадала даже к вечеру. Девчонки спали долго. Пора было их будить. А это оказалось совсем непросто. Сонные и вялые, вставать они не хотели. Но Алеша вытащил каждую из постели и усадил на пол. Конечно же, в 9 часов вечера уложить их спать не удалось. Они разыгрались: бегали, кричали, катались друг на друге, ссорились... В 11 часов Алеша твердо сказал: «Зубы чистить и в постель». Но прошел еще час, а девчонки продолжали копошиться в детской.

Алеша выключил телевизор и вышел на балкон. Жара спала. Ночь была спокойная и звездная. Пахли цветы, и все было залито лунным светом.

«Девчонки, идите сюда, посмотрите, какое небо!»

Сашка и Женька вышли на балкон, волоча по полу своих кукол. Обе восторженно уставились на звезды.

«Все, а теперь спать... Уже ночь».

«А можно мы на балконе спать будем?» – спросила Женька.

«Еще чего придумала!»

«Хотим на балкон!» – сказала Сашка.

«Может, прикажешь ваши кровати сюда притащить?».

«Кровати не надо, – успокоила Сашка, – ты сядешь в кресло, возьмешь нас на руки и будешь укачивать, как маленьких».

«И будешь петь колыбельные песни, как бабушка», – добавила Женька.

«Что? Может вам еще пирожки испечь? Чтобы я еще раз с вами когда-нибудь остался!» – закричал Алеша.

«Ты нас плохо нянчишь», – сказала Саша.

«Очень плохо, – подтвердила Женька, – даже отвратительно..., мама приедет, мы ей все расскажем».

Алеша задумался: «Может, в самом деле притащить их сюда, и они скорее уснут на свежем воздухе?»

«Сделаем так, – сказал он,– я беру кого-нибудь одного...»

«Меня!» – закричали обе.

«Не орать! Повторяю, беру кого-нибудь одного и тащу на балкон. Вторая в это время сидит в своей кровати и ждет».

«Хорошо!» – согласились девочки.

«Так, считаю... «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич...»

Повезло Сашке.

«А долго вас ждать?» – насупилась Женька.

«Не знаем, – сказала важно Сашка, – я медленно засыпаю».

«Не будешь спать, отнесу в кровать», – пригрозил Алеша.

Почистили зубы. Надели легкие ночные пижамы. Женьку отправили в детскую. Алеша, прихватив легкое одеяльце, повел на балкон Сашку. Но ночь была такая теплая, что оно не понадобилось. Он сел в плетеное кресло, взял Сашку на колени.

«Укачивай,– потребовала она, – а еще пой колыбельную...»

Алеша посмотрел на часы, они показывали полпервого ночи. Он был готов петь все, что угодно, лишь бы Сашка поскорее уснула.

«Леша, – прошептала Сашка, – посмотри, как красиво!»

Ночь была великолепной: тихая и нежная. По черному огромному небесному полю густо рассыпались яркие большие звезды, и были они так близко, что, казалось, если протянуть руку, то можно достать звезду. Слева висел месяц, тоже очень яркий и серебряный, и от него прямо на балкон спускался голубой свет...

«Красиво...», – сказал Алеша.

«Пой»,– попросила Сашка. И Леша запел...стихотворение, которое задали в школе.

«Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...»

«Пустыня – это где один песок, – поясняет Сашка. – А что она делает Богу?»

«Внемлет...»

«Это как?»

«Это значит слушает... Пустыня слушает Бога».

«А что делают звезды?»

«Они говорят друг с другом... Вот как сейчас. Видишь, они разговаривают...»

«Да...Они рядышком блестят и моргают..., пой дальше...».

«В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?»

«А кто придумал эту песню?»

«Эта не песня. Это стихи, а я их просто пою».

«А кто придумал стихи?»

«Один дядя, поэт... Михаил Лермонтов...».

«Это ему больно и трудно?»

«Да».

«А почему?»

«Может, потому что его скоро убьют», – ляпнул Лешка и тут же пожалел.

«Убьют?! Почему?!» Черные глаза Сашки округлились и уставились на Алешу.

«Ну, понимаешь... он поссорился с другом... И друг его убил...»

«Друг?! Разве друзей убивают?»

«Убивать вообще никого нельзя ... Но тут так получилось... Лермонтов над ним подшутил, немножко его обидел...»

«Немножко обидел и сразу нужно убивать? Что, и пошутить нельзя?»

«Зачем я ей это рассказываю? Попробуй теперь выпутаться...», – подумал Алеша и сказал:

«Ты вот что... Спи, поздно уже...»

«А как звали того, который убил?»

«Мартышка...»

«Мартышка...Такое веселое имя...»

«Нет...Его фамилия была Мартынов, но Лермонтов называл его Мартышка».

«Глупые взрослые, – вздохнула Сашка. – А Лермонтова жалко... Спой еще про звезды...»

И Алеша опять запел:

«В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...»

«Торжественно и чудно», – повторяет Сашка.

«Ты понимаешь, что это означает?» – спрашивает Алеша.

«Понимаю...Это еще красивей, чем просто красиво...Это как сейчас... А знаешь, почему так красиво? Потому что там ...Бог!»

«Хорошо... Я буду тебе дальше петь, а ты спи...»

«Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!»

Сашка долго молчит, потому что толком ничего не понимает, кроме того, что Лермонтов хочет спать.

«Ему хочется заснуть...», – говорит Сашка.

«Ему хочется, а тебе нет... Закрывай глаза...».

«Я закрою, но ты пой...».

И Алеша поет. Заканчивает последнее четверостишье и начинает сначала... Сашка дышит ровно и спокойно. Она засыпает... Но Алеша на всякий случай поет еще несколько раз про пустыню и звезды. Потом тихонько встает, боясь потревожить её неосторожным движением, и несет в детскую.

В комнате, на своей кровати, залитой лунным светом, сидит Женька и раскачивается из стороны в сторону. Алеша от возмущения чуть не роняет Сашку.

«Ты почему не спишь?» – шипит он.

«Но ты же сказал ждать! И я жду! Почему вы так долго?»

«Спать.., – тихонько рявкает Алеша. – Два часа ночи!»

Женька не знает, что такое два часа ночи, но догадывается, что это уже очень поздно.

«Но ты же сам сказал: укачаю Сашку, потом приду за тобой!»

«Цыть! Сашку разбудишь!»

Алеша осторожно кладет Сашу в кровать, накрывает легкой простынкой и подходит к Женьке.

«Мы на балкон? – радостно шепчет она, обхватывая Алешу за шею. – Ты не сердись...Я быстренько, быстренько усну... Я хочу спать».

Они выходят на балкон. Звезды, ажурные, словно вырезанные из тонкого блестящего серебра, смотрят вниз, на Алешу и Женьку. Голубые лунные потоки ярко высвечивают белые ромашки, высаженные на балконе, и делают их бледно-голубыми.

«Посмотри, как красиво! Как красиво! – шепчет восторженно Женька. – Она не спит...»

«Кто не спит?» – не понимает Алеша.

«Ночь! Ночь не спит! Все спят, а она нет...»

«Вот именно, вся спят, кроме нас».

«Зачем же они спят? – спрашивает Женька, – зачем люди ночью спят? Они же ничего этого не видят! Глупые люди!»

«Послушай, я тебе сейчас буду петь колыбельную».

«Бабушкину?»

«Нет, другую... Про звезды...»

«Давай про звезды»,– соглашается Женька. И Алеша поет:

«Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...»

«Что делает пустыня?»

«Внемлет Богу... А это значит, слушает Бога...»

«И звезда с звездою говорит, – повторяет Женька, – значит, звезды разговаривают.., значит, они живые... И они разные...Посмотри... Вон та большая и толстая... и немножко ленивая... Она редко мигает, а вон хорошенькая, худенькая...Пой дальше...»

«В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?»

«Кто это все придумал?»

«Был такой поэт, он стихи сочинял. Его звали Михаил Лермонтов...»

«Почему ему больно и трудно?»

«Ну, мало ли... Грустно что-то ему стало...»

«Почему Лермонтову грустно?»

«Ну бывает же человеку грустно...»

«Ему не так грустно... Ему одиноко...Он один на дорогу вышел...ночью».

«У него мама умерла, когда он маленький был... может быть, поэтому...»

«Мама умерла?! – Женька всхлипывает, – почему она умерла?»

«Вот дурак, – думает Алеша, – все время меня не туда заносит...»

«Ну, она заболела... Его бабушка воспитывала...»

«Пой дальше...», – тихонько говорит Женька.

«Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!»

Женька долго молчит, потом глубоко вздыхает.

«Жалко Лермонтова...Спой еще про то, как он на дорогу выходит...»

«Выхожу один я на дорогу...», – поет Алеша.

«Ему грустно потому, что он думает, что он один, – перебивает Женька. – А он совсем не один. Пустыня слушает Бога, звезды друг с другом разговаривают...»

«Как же её усыпить?» – тоскливо думает Алеша.

«А в небе Бог, а с ним всегда хорошо...»

«Послушай..., спи, а?» – умоляюще шепчет Алеша.

«Ладно, – Женька послушно закрывает глаза, – а ты пой про то, что все торжественно...»

«В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...» – поет Алеша.

Женька открывает глаза и молча смотрит на небо. Осипшим голосом Алеша поет дальше, слегка её покачивая. Но Женька не спит; её пухлый рот полуоткрыт. Она погружена в свои думы.

«Женька, о чем ты думаешь?» – шепчет Алеша. Она молчит. Большие синие глаза из-под пушистых ресниц, не мигая, смотрят на звезды.

«Эй, – Алеша легко касается её носа. – Ты о чем-то думаешь?»

«Я думаю о Боге и о Лермонтове...», – тихонько говорит Женька.

«Это хорошо... Но, пожалуйста, подумай об этом завтра, а сейчас закрывай глаза».

«Я уже закрывала...»

«Попробуй еще раз, а я буду петь...»

Но Алеша не поет, он молчит. Молчит и Женька, не отрывая глаз от неба. А у Алеши глаза слипаются, и он боится уснуть. На какое-то мгновенье он все же задремал, но очнувшись, перепугано прижимает к себе Женьку и видит, что она спит. Выждав еще несколько минут, он несет её в детскую.

На следующий день приехали родители. Девочки с восторгом, перебивая друг друга, рассказывают, как они спали на балконе, смотрели на звезды, а Алеша пел им про Лермонтова.

«Мамочка, – говорит Женька, – звезды на небе... это очень красиво, потому что в звездах, – она делает круглые глаза и шепчет, – большая, пребольшая тайна!».

«Тайна? – переспрашивает мама, – почему тайна?»

«Еще один Иммануил Кант в сарафанчике», – смеётся папа.

«Кто в сарафанчике?»– переспрашивает Сашка.

«Ну... был такой ученый дядя, очень умный. Он все рассуждал, рассуждал, что такое звезды над нами...»

«Рассудил?» – спрашивает Сашка.

«А я знаю, почему над нами звезды.., – Женька морщит лоб и немного подумав, говорит: «Я немножко забыла, – А вот тогда, ночью, я знала... зачем они...Я знала, вы что...мне не верите?! Честное слово! Мне надо еще разочек, немножечко на них посмотреть... Когда опять будет ночь, и все вы ляжете спать, мы с Лешей...»

«О, нет! Только без меня!» – закричал Алеша и выскочил из комнаты.

ПЕРЕД ЧАШЕЙ

На летние каникулы Маша вместе с мамой уехали к бабушке на Украину. Бабушка жила в деревне, и Маша заранее знала, что каникулы пройдут скучно. Предстоит либо дома сидеть и учить английский, либо бродить по пыльным деревенским улицам. Единственная надежда: у бабушки появился телевизор. В первый же день Маша прошлась по деревне. Людей почти не было, одни собаки, кошки и куры, равнодушные и ленивые. Побродив по закоулкам, она решила идти к дому и тут заметила странную тетку, сидевшую на лавке. Тетка была не то пьяная, не то сумасшедшая. Она сидела, широко расставив босые толстые ноги, раскачивалась из стороны в сторону и что-то пела... Волосы прямыми нечесаными прядями свисали на плечи. Лицо было плоское, с маленькими глазками. Вся она была грубая и квадратная, будто ее вырубили топором из большого ствола старого дерева. Завидев Машу, она перестала раскачиваться, улыбнулась, показав крупные, черные зубы, попыталась что-то сказать, и из открытого рта потекли слюни. «Фу, какая она мерзкая», – подумала Маша и ускорила шаг.

«Ничего интересного в вашей деревне нет, – сказала она, вернувшись с прогулки, – даже людей не видно... Одна тетка какая-то страхолюдная».

«А... Это Стефа... Несчастная она...ни отца, ни матери... кто ей что даст, тем она и живет».

«А где она живет?»

«Да нигде... Дали ей в общежитии для рабочих комнату, так те её выгнали. Говорят, пахнет от нее дурно. Теперь спит в пристройке, у церкви. Все её жалеют, подкармливают... Добродушная она, зла никому не делает».

«А сколько ей лет?»

«Кто её знает? Может, лет 30, а может, и все 50».

На следующий день было воскресенье.

«Я в церковь, – сказала бабушка, – Маша, может, со мной пойдешь? Небось, в церкви-то никогда и не была?»

«Не была и не надо, – сказала мама, – главное, чтоб Бог в сердце был».

«Ну, как знаете», – вздохнула бабушка и ушла. Маша села за книжки, а мама принялась готовить обед.

Бабушка вернулась не скоро. «Сегодня много причастников было».

«Это когда священник дает вино?» _ спросила Маша.

«Да... дает ложечку вина и хлебушки... Тела и Крови Христовой... И вот когда Стефа к Чаше подошла...»

«Как? Вот эта юродивая? Она тоже причащается?»– удивилась мама. «Да...почти каждое воскресенье».

«Такая грязная и слюнявая? И ей разрешают?» – пораженно воскликнула Маша.

«Когда здесь старый батюшка был, то не допускал её, а новенький, молоденький, отец Евгений говорит: «Пусть причащается!»

«Господи! И все с одной ложки едят!!» – всплеснула руками мама.

«Это необыкновенное питьё и еда», – попыталась объяснить бабушка, но мама замахала руками:

«Ах, оставь.., я этого не понимаю и понимать не хочу».

Немного помолчав, мама сказала: «Я что-то никогда и церкви-то в вашей деревне не видела. Стоит какой-то домик с крестом на крыше».

«Да... До революции здесь была очень красивая церковь. Когда её закладывали, то сам царь Николай II присутствовал, проезжал он эти места. А потом церковь разрушили... Один фундамент остался. И вот одна женщина свой дом под церковь и отдала, а сама перешла к сестре жить. Перестроили его, старухи свои иконы принесли, освятили и стали служить... Сейчас новую начали строить и остановились. Денег нет...»

Вечером бабушка вновь засобиралась к вечерней службе. Мама улеглась на раскладушке во дворе, а Маша пошла гулять по еще незнакомым деревенским улочкам. Солнце уже садилось, но все еще было душно. Мимо прошагал петух, не обращая на Машу никакого внимания, но возле воробьев, которые копошились в песке, он остановился, долго их рассматривал, те забеспокоились и разлетелись.

«Вот это, наверное, и есть церковь», – подумала Маша, увидев вытянутое здание с крестом на

крыше. Она прислушалась. В церкви пели. «Зайти, что ли?» Она тихонечко открыла дверь и зашла вовнутрь. Народу было немного, несколько стариков да старух. Через маленькие окна, зашторенные плотными розовыми занавесками, почти не проникал свет, под потолком горела небольшая люстра. Три старушки и один старичок, маленький и горбатый, пели что-то очень протяжное и грустное.

Маша постояла несколько минут, озираясь по сторонам, и хотела было уже уходить, как вдруг свет погас, и женщины стали тушить свечи, но не все, несколько свечек оставили зажженными. В церкви сразу наступил полумрак. Священник, совсем молоденький, произнес что-то протяжным звонким голосом. И тут все опустились на колени. Маша стояла одна среди сгорбленных спин и не знала, что ей делать. «Постою еще немного, – подумала она, – уютно-то как...». Стало почти темно, горело несколько свечей, таинственно поблескивали иконы на стенах, а перед ними в стеклянных стаканчиках, похожих на вазочки для варенья, вспыхивали крохотные огоньки. Священник читал молитвы, а три бабушки и маленький горбатый дед изредка пели тонкими дребезжащими голосами, и пение их было такое жалобное и нежное, что хоть плачь.

И тут Маша почувствовала, что ей действительно хочется плакать. Вот так. Ни с того, ни с сего. На глаза навернулись слезы и закапали на майку. «Что это? – растерянно подумала она, – просто здесь так уютно, что аж радостно». И эта неожиданная

радость тоже была непонятно откуда взявшейся. А может это была и не радость вовсе, а какое-то совсем другое чувство, но все, что окружало её и еще несколько минут назад казалось мало интересным и непонятным, сейчас вызывало удивление и теплоту. И эти бабушки в платочках, уткнувшиеся в пол, и горбатый дед с тоненьким, как у ребенка, голосом, и розовые занавески на окнах, и какой-то очень приятный запах, струившийся в воздухе. «Просто здесь очень уютно»,– снова подумала Маша.

Но вскоре зажегся свет, старушки поднялись с колен, и кто-то дернул её за руку. «Ты чего в брюках в церковь заявилась? – громким шепотом спросила пожилая женщина, стоявшая рядом, – а ну, выходи».

«Оставь её, Дарья, – сказал невысокий старик, который стоял с другой стороны, – пусть девочка здесь побудет». Маша покосилась на своего защитника, он был небольшого роста, с длинной белой бородой и густыми белыми бровями, широкая белая рубашка, подпоясанная толстой веревкой, спускалась чуть ниже колен. «На Льва Толстого похож с обложки книги «Сказки для детей», – подумала Маша и прошептала: «Я уже сейчас ухожу, я просто так зашла».

«Вот и хорошо, что просто так, – сказал старик, – скоро уже и служба заканчивается».

И действительно, вскоре люди стали выходить из церкви. Маша увидела бабушку, та удивленно смотрела на внучку. «Ты откуда взялась?» Старик, похожий на Толстого, спросил: «Это твоя, что ли?»

«А то чья же… Моя! А ты что, с дедом Василием уже познакомилась?» Бабушка явно была довольна. «Ну, что, домой пойдем?»

«Нет, я еще погуляю»,– сказала Маша. Бабушка пошла вперед.

«А ты приходи еще», – сказал дед Василий.

«Нет, я в церковь не хожу… Это я просто так…»

«Как же без церкви-то… Без церкви тяжело…»

«Мама говорит, главное, чтобы Бог в сердце был»

«Да, это главное…Но понимаешь, без церкви не получается.., здесь, в церкви все вместе, и Бог, и люди… Здесь и небо, и земля рядышком… Церковь – это дом Божий, это семья Божия…И потом, где же ты на Тайной Вечере побываешь, как не в церкви?»

«А что это такое, Тайная Вечеря?»

«Тайная Вечеря это… Знаешь, давай на лавочку сядем, ноги-то у меня немолодые, и я тебе про Тайную Вечерю расскажу».

Маша поморщилась, ей не было интересно слушать про Тайную Вечерю, она уже пожалела, что спросила, но отказывать деду Василию было как-то неудобно, и они сели на скамейку. «Давно это было, еще в первом веке… Наступила еврейская Пасха…»

«А что, есть отдельно и еврейская пасха?».

«Конечно! Это праздник свободы, праздник, когда евреи вспоминают, как они были в рабстве в Египте и как от него освободились… Ради свободы отправились они в долгое, тяжелое путешествие, через

пустыню. Много настрадались... И вот с тех пор уже три тысячи лет отмечают этот праздник. Собирается вся семья, на стол ставят пресный, несоленый хлеб, потому что такой хлеб они в пустыни ели, макают его в соленую, как слезы, водичку. Они же за эти годы странствий много ведь плакали, пьют вино и славят Бога... И праздник этот на древнем еврейском языке называется песах, или пасха.

И вот однажды в Иерусалиме поздним вечером Иисус Христос собрал учеников. Было это в четверг. Нашли они комнату в одном доме, приготовили трапезу, праздничный общий стол – поставили глиняные тарелки, кувшины с вином, чашу с соленой водой, положили хлеб. Вознесли благодарственную молитву Богу, как и положено... Такая трапеза – это всегда любовь, любовь между людьми и любовь к Богу.

В этот вечер Христос почему-то был очень печальный. Он взял хлеб, разломал его и говорит: «Это Мое тело», потом взял чашу с вином: «А это Моя кровь». Почему Он так сказал? Почему вдруг хлеб – это тело, а вино – кровь? Тело еще называют плотью. Говорят, «плоть и кровь». Слышала такое выражение? А дело в том, что на языке древних евреев «плоть и кровь» означает – человек, его личность, он сам. То есть, хлеб и вино – это Сам Христос. «Ешьте этот хлеб и пейте это вино», – сказал Он. Значит, не хлеб дал Он своим ученикам и не вино, а себя Самого...»

«Я не понимаю, – сказала Маша, – Как это Он дал себя вместо вина и хлеба?»

«Не вместо...Он сам и есть – живой хлеб, хлеб, без которого жить нельзя... А потом Он скажет слова очень странные, таинственные, которые ученики и не поймут поначалу...Он скажет, что Его кровь будет за них пролита, как это вино сейчас проливается, и тело Его пострадает, преломится, как преломляется этот хлеб...Они еще не знают, что завтра начнутся Его страдания...Вот и получается, что хлеб – это Его тело, а вино – это Его кровь... И Он просит учеников, чтоб с этой ночи они ели хлеб-тело и пили вино-кровь и при этом вспоминали о Нем... И вот, что еще должны были понять ученики: кто будет пить это вино и есть этот хлеб, тот поймёт – кто такой Он Сам, что такое Любовь, что такое Истина... Потому что Христос, Любовь и Истина – это все одно и то же...

Вот уже две тысячи лет прошло. И во всех христианских храмах во время обедни, она называется литургия, совершается великая тайна: хлеб, обыкновенный хлеб и красное вино в какие-то мгновения становятся телом и кровью Христа. Как это происходит – никто не знает, ни один священник этого не знает... Это великая Божественная тайна, но это так...И вот, когда мы подходим к Чаше, берем капельку вина, крошечку хлеба, Христос входит в нас... И в каждом из нас Его тело, Его кровь, Его любовь. И мы становимся лучше, чище, добрее... В эти минуты мы как будто все сидим в той иерусалимской комнатке, вместе с Ним, вместе с Его учениками, едим хлеб и пьем вино, и благодарим Бога...Вот что такое Тайная Вечеря...»

«Сейчас он скажет: «Вот поэтому надо ходить в церковь», – подумала Маша. Но дед Василий посмотрел на неё, улыбнулся и сказал: «Иди-ка ты домой, поздно уже, небось бабушка волнуется. До свидания».

«До свидания, – Маша помолчала немного и добавила, – спасибо!»

Вечером она спросила бабушку: «А кто этот дед Василий?»

«Добрый человек, но тоже по-своему несчастный. Когда-то был учителем в нашей деревне... Но потом его выгнали, сказали, что человек, который в церковь ходит, не может учить детей. А когда разрешили, он уже старенький стал да больной... Жена недавно у него умерла, а сын где-то офицером служит, приезжает редко».

На следующий день полил дождь, да такой, что залил всю деревню. Маша сидела дома и учила английский. Пришла соседка и рассказала, что утром подобрали юродивую, она лежала в луже пьяная и вся побитая.

«Кто же её так? – сокрушалась бабушка. – Какие негодяи!»

«А может, она сама напилась и упала», – заметила мама.

«Да откуда у нее деньги-то на водку?» Бабушка еще долго ворчала, потом собрала еду и сказала: «Пойду-ка, отнесу, худо ведь ей там... А оттуда – на вечерню».

Дождь лил несколько дней, но когда прекратился, в деревне, вымытой и посвежевшей, стояли та-

кие чудные запахи, что в дом заходить вообще не хотелось. И Маша целыми днями то сидела во дворике, где благоухали цветы, то бродила по улицам.

Как-то в воскресенье бабушка забыла в церкви зонтик и послала Машу за ним. Возле церкви уже никого не было, стоял только священник, отец Евгений. «Простите...Можно мне зайти зонтик забрать, моя бабушка забыла», – попросила Маша. «Да, заходи, там открыто». Маша зашла вовнутрь и ей показалось, что кто-то здесь есть... И тут она увидела Стефу. Юродивая стояла, уткнувшись головой в большую икону, и не то стонала, не то рыдала. Белая кружевная пелена, которая обрамляла икону, была скомканной и грязной, она вытирала ею глаза и нос, замолкала на мгновенье, потом опять начинала плакать и что-то громко нашептывать. Маша, быстро схватив зонтик, выбежала во двор. Священник еще был тут. «Там... эта юродивая... лицо вытирает...кружевным полотенцем, которое на иконе...»

«Пусть вытирает»,– сказал священник.

«Но она, кажется, пьяная...»

«Ничего..., пусть она там постоит...» Отец Евгений помолчал и, глядя в непонимающее лицо Маши, добавил: «Она молится... по-своему. И не надо ей мешать, а полотенчико постираем...»

Прошла еще неделя, Маша опять зашла в церковь и первый раз увидела, как причащают. Юродивая тоже причащалась. «Такая грязная и гнусная и к золотой чаше подходит», – брезгливо подумала она, постояла немного и ушла. Но в одну из суб-

бот вечером Маше вновь захотелось посмотреть, что там, в церкви. Людей на этот раз было очень мало, даже бабушка осталась дома; у неё разболелись колени. Дед Василий был здесь. Он стоял рядом со священником, склонив голову, тот что-то говорил ему, потом дед Василий перекрестился, поцеловал крест и толстую книгу в желтом металлическом переплете. «Наверное, «Библия», – подумала Маша. Проходя мимо, дед Василий ей улыбнулся. Маша решила выстоять всю службу до конца, и из церкви они вышли вместе.

«Зачем вам священник накрывал голову и что-то шептал?» – спросила Маша.

«Я исповедовался, завтра утром причащаться буду...»

«А исповедоваться это...»

«Это каяться в своих грехах...»

«И вы свои грехи ему рассказывали?»

«Да...»

«Но зачем? Он такой молодой.., а вы... И потом, ведь можно о своих грехах рассказывать Богу или самым-самым близким».

«Нет, деточка... Священник, как врач, который лечит наши духовные болезни, и он, как свидетель перед Богом... Конечно, порой очень и очень стыдно рассказывать священнику плохое о себе, тем более отцу Евгению. Я старый..., а он мне во внуки годится... Но надо через это перешагнуть, усмирить и свой стыд, и гордыню, и все честно рассказать...».

«А он не станет к вам потом плохо относиться, если узнает о вас что-то плохое?»

«Нет…Этого не бывает. Я думаю, прощая меня, он тут же забывает мои грехи… Может быть, Господь помогает ему не держать в памяти все то, что люди ему рассказывают».

«Но ведь он тоже человек, и может быть, у него грехов еще больше, чем у вас!»

«Может быть… Он тоже человек и тоже грешный, но в минуты, когда я ему о себе плохое рассказываю, он уже как бы и не он, он как бы не принадлежит себе, а сам Христос живет в нем, Христос слушает меня, мою исповедь, слышит, как я плачу о своих грехах, и священник от Его имени живым человеческим словом прощает мне мои прегрешения».

«И вы все – все рассказываете?»

«Покаяние должно быть чистосердечным… Ведь Бог знает все обо мне, читает в моем сердце… И если я даже скрою какой-то грех, постесняюсь или забуду про него, Бог все видит».

«Значит, исповедоваться можно только перед священником в церкви?»

«Нет… Исповедоваться надо каждый день…Вот укладываешься вечером спать и подумай: что сегодня я сделал плохого, кого обидел, кого осудил. Пообещай Богу и себе не делать так больше, попроси Его, чтобы Он сам помог тебе стать лучше».

«Дедушка Василий… Я бы хотела… причаститься, мне это можно?» – неожиданно спросила Маша. Дед Василий посмотрел на неё как-то по-особенному и улыбнулся. «Это хорошо будет… А ты крещеная?»

«Бабушка говорит, что да... Но исповедоваться перед священником я все-таки не хочу, он начнет что-то спрашивать, а я не знаю, что ему говорить. Да и вообще...»

«Это надо сделать...Ты подойди к нему, может быть, он ничего и спрашивать не будет, скажи ему, что ты первый раз... И вот еще..., если ты решила принять причастие, то перед тем, как подойти к Чаше, надо забыть все обиды, со всеми помириться, если ты с кем-то в ссоре».

О своем решении причаститься Маша маме не сказала, а «бабушка и сама увидит», решила она. Дед Василий научил ее, что нужно делать. Всю неделю Маша за собой следила, чтобы никого не обидеть и вообще вести себя хорошо. Утром в воскресенье не позавтракала. А по дороге в церковь так волновалась, что стала просить Бога помочь ей отвечать на вопросы, если отец Евгений будет на исповеди что-то спрашивать.

Народу на воскресной службе, как всегда, было много. Конечно, бабушка очень удивилась и обрадовалась, увидев Машу в косынке, которая стояла среди старушек, с левой стороны, где уже исповедовал отец Евгений. Лицо у Маши было испуганное и растерянное, когда она подошла к священнику. И он ни о чем ее не спрашивал. Он только ей сказал: «Христос всегда был тебе верным Другом, твоим Защитником, твоим Помощником, а ты, может быть, это не понимала, но сейчас наступило время, чтобы и ты стала Его другом, что-

бы ты старалась Его не огорчать, не делать Ему больно...»

Вернувшись на свое место, Маша поискала глазами деда Василия и улыбнулась ему.

Служба на этот раз не показалось ей особенно утомительной и долгой. Когда началось причащение, Маша вместе с остальными медленно стала продвигаться вперед. Отец Евгений держал в руках Чашу с причастием, и ему помогал мальчик, чуть старше Маши. До Чаши оставалось несколько шагов. Маша скрестила на груди руки и только сейчас увидела, кто стоял впереди неё. Это была юродивая. Она неуклюже повернулась своим широким телом, поклонилась всем и заулыбалась, показывая крупные черные зубы. Лицо у нее было в каких-то мелких прыщиках, косынка сползла с головы, и пучок жидких неопрятных волос был стянут на затылке резинкой. «И она будет причащаться? – со страхом подумала Маша, – и я... после неё... возьму в рот эту ложечку?!» Маша почувствовала, как неприятный комок подкатил к горлу. «Нет, нет, я не могу... я не буду... мне противно... я не хочу после её слюней!»

И в тот момент, когда Стефа подошла к Чаше, Маша развернулась и ринулась к выходу, отталкивая по дороге старух. Домой она не шла, а бежала. «Зачем мне это все? Что я выдумала? Зачем мне все эти люди ? Это все глупости! Глупости!» Сейчас ей больше всего хотелось, чтобы мама была дома, и все ей рассказать. Но мамы дома не оказалось. Маша улеглась на постель и заплакала...

Прошло несколько дней. Маша в церковь не ходила. Бабушка пыталась с ней поговорить о том, что произошло на воскресной службе, но она закричала: «Оставь меня в покое!»

Стоял август. Мама начала понемногу собираться домой. А бабушка готовилась к празднику. Праздник назывался Преображение. Бабушка называла его еще Спасом и говорила, что на этот праздник освещают яблоки. Однажды вечером к ним пришел дед Василий. Маша не видела его с того дня, когда убежала из церкви. Ей не хотелось показываться ему на глаза, и она закрылась в маленькой комнате. Но зашла бабушка: «Чего ты одна сидишь-то? Пошли чай пить ...Гость ведь у нас». Ничего не оставалось делать, как выйти на кухню. Дед Василий приветливо поздоровался как будто бы ничего и не было, и весь вечер расспрашивал Машу о школе, какие предметы она любит больше, какие меньше. И только когда уж собрался уходить, спросил: «Может, ты меня проведешь немножко?» «Не хочу», – подумала Маша и сказала: «Конечно...»

Вечер был тихий, звездный. «Вот и лето кончается, – вздохнул дед Василий, – жалко...Я лето наше украинское очень люблю. Кости свои старые отогреваю...» Потом они шли молча, и, наконец, дед Василий сказал: «19 августа праздник, Преображение...Я бы очень хотел, чтобы ты послушала, как про этот праздник отец Евгений рассказывать будет... Может, придешь? Не хочешь всю службу стоять – не надо, только проповедь послушай... Это,

примерно, часам к 12 нужно подойти. Интересно будет. Приходи...»

«Приду», – кивнула Маша.

«А... Стефу ты пожалей. Кто знает, может быть, она намного ближе к Господу, чем мы с тобой... Вот такая, как она есть... грязная, глупая, несчастная...»

«Я её не обижала», – сказала Маша.

«Ты Богу сделала больно»...

Дед Василий ушел, а Маша весь вечер думала над его словами: «Ты Богу сделала больно...»

Она пришла в церковь к 12, как и сказал дед Василий. Но пройти вперед не смогла. Народу пришло много, и было непонятно – откуда он взялся. Бабушкина деревня всегда казалась Маше маленькой и безлюдной. Она попыталась протиснуться хоть немного в середину, но на нее со всех сторон зашикали. «Так я ничего и не услышу», – подумала Маша и стала искать глазами деда Василия, но он, наверное, был где-то впереди, зато неподалеку она заметила Стефу и отвернулась.

Маша не видела, когда отец Евгений вышел вперед, но почувствовала, что проповедь вот-вот начнется. Потому что кругом наступила тишина. Голос у отца Евгения был звонкий, высокий, и Маша все слышала.

Он говорил о том, что Иисус Христос очень любил горы, любил подниматься на них и там молиться... Однажды, Он взял с собой трех учеников, и они стали подниматься на высокую гору. Идти было нелегко, все четверо тяжело дышали. Потом ученики так утомились, что прилегли и ус-

нули. А Христос, который тоже очень устал, не меньше, чем они, не спал, он молился... Когда ученики открыли глаза, их ослепил яркий свет. Они увидели Христа в белоснежных сияющих, как лучи солнца, одеждах, и это было так неожиданно, волнующе и непривычно! Словно, это не Он ходит с ними по земле босиком, в простом одеянии! Восторг переполнил их души. И Петр, один из учеников, воскликнул радостно: «Хорошо нам здесь быть!». Но в этот момент произошло что-то страшное: грянул гром, облако закрыло вершину горы, и все трое услышали Голос: «Это есть Сын Мой возлюбленный! Его послушайте!». И тогда ученики в страхе упали на колени, закрыли лица, сжались в комочки, боясь пошевелиться, потому что они поняли: им открылся сам Бог! Когда они пришли в себя, то перед ними был Христос в своем обычном одеянии, Он успокоил их, сказал, чтоб не боялись, что пора спускаться вниз...

Что же произошло? Почему Его ученики, простые люди, безграмотные, боязливые, грешные, беспомощные услышали голос самого Бога? Почему увидели своего Учителя в белом одеянии, преображенного, будто до этого Он уже умер и вот сейчас воскрес! Зачем все это было им? А вот зачем... Ученики должны были понять, что Христос – это не просто Наставник, который учит их, как надо жить. Это сам Господь, который пришел на землю с человеческим именем. И если они пойдут за Ним, если будут жить по тем заповедям, которые Он им дает, то и их ждет такое же Преображение.

«И каждого из нас ждет такое Преображение, если мы пойдем за Христом. И старый, и некрасивый, и убогий, и немощный, и юродивый может вот так преобразиться в жизни вечной, и одежды этих людей засияют, и лица их будут прекрасны... Потому что смерти-то ведь нет!

Но наше Преображение может начинаться уже сегодня, если мы только захотим... Захотим умереть для греха и жить достойно, как учит Христос...».

Слушая отца Евгения, Маша вдруг подумала, что она хотела бы, чтобы вот так преобразилась её старенькая и больная бабушка, и дед Василий, и даже мама, и она сама, и ... Стефа. Да! Да! Она будет рада Преображению Стефы... Маша улыбнулась своим мыслям, и в этот момент Стефа повернулась, ее широкое лицо тоже заулыбалось, словно она подслушала, о чем Маша думала. «Она хорошая, а я... плохая... А я ...причащусь, я сделаю это вместе с ней, и пусть она стоит впереди... и я ни капельки не буду брезговать», – Маша так обрадовалась своим мыслям, что готова была прямо сейчас, сию минуту подойти к Стефе и обнять её...

Через три дня Маша и мама должны были уезжать. Надо было успеть причаститься. Дед Василий сказал, что в будний день это тоже можно сделать. «Только была бы Стефа», – думала Маша. Но спрашивать деда Василия, придет ли Стефа на службу, она не стала.

Был четверг. Церковный хор из трех бабушек и одного старичка тоненько пел молитвы. Исповедо-

валась одна Маша, а причащались двое: Маша и Стефа. Стефа опять стояла впереди, сложив на груди большие грубые руки. Но когда отец Евгений с Чашей в руках, прочитав молитву перед причастием, стал ждать Стефу, она вдруг повернулась к Маше и стала показывать рукой: «Проходи...» «Нет, – шепнула Маша, – идите...вы». Но Стефа, как всегда улыбаясь, неразборчиво, еле слышно проговорила: «Иди..ии.» Маша не двигалась с места. И тогда отец Евгений сказал: «Проходи, Мария».

К столику, где в двух маленьких чашечках была вода и лежали кусочки просфоры, они подошли вместе. Стефа, улыбаясь, вытащила из кармана яблоко и протянула его Маше. Потом отец Евгений, поздравив Машу и Стефу с причастием, сказал: «Вот и произошла ваша таинственная встреча с Христом. Он протянул вам руку, и вы не оттолкнули ее. Вместе с хлебом и вином Он вошел в вас, стал вашей частью, и вы стали лучше и добрее. Вас объединил этот хлеб... Хлеб всегда объединяет людей. Когда мы причащаемся с кем-то, то у нас все общее, все одно – одна ложечка, с которой мы едим и пьем, один хлеб, одно вино, один Христос и Его любовь к нам...Мы все одно тело Христово».

«А ведь правда... Мы все вместе, мы все – одно, – думала Маша, – и я, и все эти бабушки, и дед Василий, и этот старичок с трясущимися руками, и маленький горбатый дедушка, что поет в хоре, и Стефа... Мы все вместе, как одно целое... Мы все бываем очень плохими и все хотим быть хорошими... А это так трудно, ни у кого ничего

не получается... Но сейчас же получилось! Я сейчас всех люблю, всех, всех... Я люблю этих чужих людей... Они какие-то совсем не чужие...и мне хорошо с ними...».

Наступил день отъезда. Дед Василий подарил Маше маленький деревянный крестик на кожаном шнурке. Своего у неё не было, давно где-то потерялся. Маша не могла придумать, что подарить Стефе. Ни мамины вещи, ни тем более её собственные Стефе не подходили. «Приедешь домой и сделаешь ей посылку», – сказала мама и оставила немножко денег бабушке и для Стефы. На прощанье Маша обняла и поцеловала деда Василия. «Приезжай еще», – шепнул он, улыбаясь в белые длинные усы.

МАЛЫШКА

Серёжа с удивлением поглядывал на молоденькую девушку в белых брюках капри. Раньше он никогда не видел её в церкви. Поставив свечу, она постояла перед большой иконой Христа и направилась к отцу Михаилу, возле которого уже толпились старушки. Отец Михаил, увидев её, улыбнулся и кивнул. Разговаривали они недолго. Девушка протянула ему небольшой полиэтиленовый мешок. Он сначала отказывался, но потом взял. Серёжа с интересом наблюдал за обоими, потому что протоирей отец Михаил был его родной дедушка.

Проходя мимо Серёжи, девушка неожиданно ему улыбнулась. У неё были большие синие глаза и длинные темно-каштановые волосы. Он невольно оглянулся. Оглянулась и она, и взгляды их встретились.

Служба закончилась, люди выходили из церкви, а Серёжа остался ждать отца Михаила. По дороге домой он спросил о девушке.

– Я не знаю её... Несколько лет назад она пришла первый раз и сказала, что когда была маленькой, её обидела какая-то женщина, а я её пожалел... И вот с тех пор она изредка появляется в храме и приносит мне гостинцы, то апельсины, то коробку конфет... И огорчается, если я отказываюсь брать.

– Она верующая?

– Трудно сказать... Все мои попытки поговорить с ней она мягко отклоняет. А принуждать её к разговору мне не хочется.

– Как её звать?

– Анастасия...Настя.

О синеглазой Насте Серёжа думал все последующие дни. Ему хотелось вновь её увидеть. И он был почти уверен, что она появится в церкви снова. И когда она появилась во время воскресной вечерней службы, он ничуть не удивился. Настя была в длинном платье, но по-прежнему без косынки на голове. Её длинные пушистые волосы струились по спине и отвлекали Серёжу от службы. Он сердился и нервничал. Когда Настя не подошла к батюшке, Серёжа подумал, что она пришла ради него. После службы он не спешил выходить из церкви. Ему хотелось, чтобы она ушла первой, но ещё больше ему хотелось, чтобы она ждала его во дворе. И она ждала. Не сговариваясь, они пошли рядом. Настя была красива. Даже чересчур. Стройная, тоненькая, небольшого роста. Вот только нос у неё был курносый, а губы пухлые, как у малышек. «Она и есть малышка»,– подумал Серёжа.

– Как тебя звать? – спросила Настя.

– Сергей. А тебя?

– Меня все называют Малышка...

– Ну, надо же! А по-моему, тебя зовут Настя.

Настя остановилась и удивленно захлопала глазами.

– Отец Михаил, священник этого храма, мой дедушка.

– Правда? Как здорово! У тебя чудный дедушка!

– Я знаю… А почему он…чудный?

– Однажды моя бабушка, которая была очень верующей, повела меня в церковь. Мне было скучно, я устала и хныкала. Бабушка усадила меня на свою табуретку, которую всегда носила с собой. Впереди стоял батюшка и читал какие-то записочки. Все вокруг пели. А я сидела и болтала ногами. И вдруг какая-то тетка как зашипит на меня: «Перестань болтать ногами! Ты где находишься?» Я была очень пугливая и обидчивая и как зареву на всю церковь. Все вокруг на меня зашикали. А батюшка, твой дедушка, перестал читать свои записки, подошел ко мне и говорит: «Деточка, пожалуйста, не надо плакать. А то я тоже заплачу… Я не могу, когда дети плачут». Я тут же замолчала. Понимаешь, со мной так ещё никто не говорил, хотя все меня любили. Мне это так запомнилось… И вот с тех пор я к нему иногда прихожу…

– Ты только к нему ходишь, но не в церковь?

– Ты хочешь спросить, верю ли я в Бога? Не знаю… Скорей всего что нет. А ты верующий?

– Да.

– Ну, понятно… Твой дедушка священник.

– Да… Это, конечно, сыграло свою роль. Особенно, когда я был маленький. Но сейчас я хожу в церковь не поэтому. Я уже не могу не ходить.

– Странно…Ты такой молодой и современный.

– А ты считаешь, что в Бога верят только невежественные бабушки?

– Да нет... Сейчас это даже модно. А вообще, это личное дело каждого...

Они стали встречаться по субботам. По воскресеньям у Насти были свои дела, а Серёжа ходил в церковь. Настя училась в десятом классе, а Серёжа – на первом курсе биологического. Знакомые девушки ему не нравились. Никто. Они все были с изъянами. У Насти изъянов не было. Так не бывает, но так получалось.

...Она по-особенному красива и напоминает ему святую Инессу с картины испанского художника Риберы. Хотя синие глаза и темные волосы не очень сочетаются с курносым носом. Но если она заплетает косы, то превращается в девочку, у которой рот всегда полуоткрыт от восторга. Она не развязна, не лезет сразу целоваться и вообще не говорит ни о чем таком. Она не проходит мимо нищих и гладит ободранных кошек и собак. Она играет в теннис, любит Марину Цветаеву и джаз, самостоятельно изучает испанский язык, на котором можно говорить с Богом. В Бога она не верит. Но нужно время, считает Серёжа, такие, как она, мимо Бога не проходят. Она остроумна и смешлива. Иногда он ловит на себе её насмешливый взгляд, но она быстро отводит глаза. И тогда он начинает испытывать чувство непонятной тревоги. Уж не считает ли она его ребёнком? Он не ребёнок. И от желания её поцеловать у него голова идет кругом, а сердце колотится, как у влюбленного средневекового рыцаря.

Они гуляют по улицам, ходят на литературные вечера и концерты. Дискотеки она не любит, а он и подавно. Он приглашает Настю к себе домой. С мамой, которая художник, она весь вечер говорит, как искусство отражает реальную жизнь и нужно ли вообще её отражать. К себе домой она пока не приглашает. Он провожает её до подъезда. Она чмокает его в щеку и убегает. Так продолжалось месяца три. Наступила осень, теплая и сырая. Они гуляли за городом, по лесу, под ногами шуршали листья, моросил мелкий дождь. Серёжа целовал влажные Настины волосы, глаза, губы...

Назавтра у Насти был день рождения. И он не стал дожидаться приглашения. Он захотел поздравить её первым. Рано утром с букетом белых роз он стоял у дверей её квартиры. Дверь открыла Настина мама. Он определил это сразу.

– Здравствуйте! С именинницей вас! Я – Серёжа!

– Серёжа? – Настина мама сморщила малышкин нос, словно пытаясь что-то вспомнить.

– Серёжа,– повторила она, – ну... пусть будет Серёжа. Вы к Насте? А её нет. Я её в магазин послала. Проходите к ней в комнату. Подождите там.

– Спасибо.

«Неужели Настя ей обо мне ничего не говорила?» – удивился Серёжа. Он зашел в комнату и остановился на пороге. Она сразу показалась ему яркой и уютной. Письменный стол, музыкальный центр, много книг, плюшевые зайки и кошки по углам и черно-белые фотографии, развешанные по стенам.

Не выпуская цветов из рук, он стал их рассматривать. На фотографиях была Настя, только она одна. Кровь бросилась в лицо Серёжи. Он растерянно оглядывался по сторонам и не верил своим глазам. Со стен на него смотрела совершенно обнаженная Настя. Она стояла на коленях, запрокинув руки за голову, лежала в постели и на капоте автомашины. Её волосы стелились по лесной поляне, по песчаному берегу... Она смеялась, дурачилась, зазывала...

Серёжа резко отвернулся и в этот момент ощутил боль где-то внутри себя, она нарастала с каждой секундой, делалась невыносимой, и он застонал.

– И чего это мы так испугались? Ну, что ты шатаешься, как барышня, готовая упасть в обморок. Сядь! – перед ним стояла Настя. Говорила она весело, но в глазах был страх.

– Ты...это всё...ты? – глухо спросил Серёжа.

– Я... Это всё я...Сядь, я тебе всё объясню.

– Зачем? Зачем...ты там?– невнятно бормотал он.

– Садись! – Настя тряхнула его за плечи и почти силой усадила на стул. Но Серёжа встал и медленно пошёл к двери.

– Подожди! Мы должны поговорить!

– Кто...тебя фотографировал?

– Какая разница кто? Тот, кому это было нужно...

– А тебе...тебе это тоже было нужно?

– Да! Это моя работа. Мне за это платят... И хорошие деньги. Я на них одеваюсь, покупаю кни-

ги и косметику. Ты в шоке... Я понимаю... Такие картинки не для тебя. Но пойми...

– Настя, я ухожу...

– Если ты сейчас вот так уйдешь, то потом будешь жалеть...

– Я уже жалею..., – сказал Серёжа и медленно пошел из комнаты.

Когда хлопнула входная дверь, Настя бросилась к матери.

– Зачем ты впустила его? Что ты наделала?

– Настя, успокойся! Я даже не знала кто это! Мало ли кто к тебе ходит!

– Это Серёжа, внук священника! Он ненормальный! Не такой, как все!

– Если он ненормальный, так зачем он тебе нужен?

– Я не знаю...Я не знаю, зачем он мне нужен... Но он мне нравится. И ты...ты все испортила! Всё! Всё! Я его потеряла!

– Вот ещё поповского внука у нас не было... Успокойся, перестань кричать! Ты сама во всем виновата! Я говорила тебе – сними эту гадость со стен! Но тебе хочется самостоятельности и свободы! Вот и получай! Сама делаешь ошибки, сама за них и расплачивайся! И хватит... рыдать. Иди на кухню! Вечером тебя придут поздравлять те, кому твоя комната нравится.

Мама ушла, а Настя еще долго рыдала на диване в гостиной.

Несколько дней Серёжа не выходил из дому.

Встревоженные родители посылали его к врачу, звонили отцу Михаилу. И он приехал поговорить с внуком. Но Серёжа наотрез оказался что-либо объяснять и пообешал, что «с этим грехом он справится сам». А ещё через несколько дней позвонила Настя.

– Я тебя очень прошу, не бросай трубку…

– Я слушаю…

– Мне надо тебя увидеть… Ты не можешь мне отказать всё объяснить…

– Не надо ничего объяснять…

– Я понимаю… Любой другой нормальный человек так бы не отреагировал, но ты…

– Ты права… Я заблуждался… Я думал, что ты…такая же ненормальная. Настя, я не хочу тебя больше видеть.

– Но почему?!

– Такая …ты мне больше не нужна.

– Ты…ты… Да ты просто слюнтяй! Девственник в белой рубашечке! Батюшкин внучек! За руку он меня взял! Поцеловал нежно! Да откуда ты взялся такой средневековый? Ты… ты что…Что ты делаешь? Ты… плачешь? Серёжа! Миленький! Не надо, пожалуйста! Я к тебе сейчас приеду! Мы поговорим! Только ты мне открой дверь! Я тебя очень прошу!

…Настя сидела на краешке стула в мокрой куртке, бледная и настороженная. Серёжа стоял у окна. За окном бушевал ветер, хлестал дождь вперемежку со снегом.

– У тебя…был …уже кто-то?

– Ты спрашиваешь, занималась ли я сексом? Да, занималась... И не раз, и не два... И не с одним... А ты думал, что я тургеневская девушка. Да...не смотри ты на меня так! Словно, я преступница! Ну... ну что ты молчишь?

Серёжа стоял, не двигаясь. Он уже не смотрел на Настю. Он был бледен и некрасив в эти минуты.

– Господи! Серёжа! Посмотри вокруг! Все эти допотопные, побитые молью истины о девичьей чести и целомудрии давно забыты! Покажи мне, кто, кроме тебя, живет по этим ...бабушкиным законам?

– Это не бабушкины законы, – тихо, почти шепотом сказал Серёжа, – это закон Бога...

– Твой Бог против секса?

– Мой Бог против мерзости...

– А секс – это мерзость...

– Блуд – это мерзость... Твой блуд это...Ты... бесстыдная, Настя, и... низкая...Ты грязная...Ты еще не знаешь, что такое любовь...Ведь ты еще не знаешь, что такое любовь? Но уже знаешь...

– Замолчи! Я всё знаю! Я знаю даже то, о чем ты не догадываешься! Но я не чувствую себя виноватой! Ни в чём! Я не низкая и не грязная! Я просто плюю на условности, которые выдумали люди! Плюю на ханжество! Плюю на твою церковь, которая все запрещает!

– Уходи...

– Я уйду... А ты мне скажи на прощанье, что тебе нравятся скромные, чистые, стыдливые девушки. Но любишь ты, Серёженька, меня, падшую и низкую!

– Уходи… пожалуйста.

Настя поднялась, медленно направилась к двери, потом обернулась и спросила:

– Скажи… если… если мне будет очень и очень плохо…когда-нибудь, ты мне поможешь?

– Нет.

– И мне даже не стоит к тебе обращаться?

– У меня тебя уже нет…

– Меня нет, – повторила Настя как-то растерянно и удивленно. Она постояла еще немного и ушла.

А Серёжа продолжал стоять у окна, прислушиваясь к тому, что делается за окном. И не мог понять – воет ли это ветер, или внутри его самого что-то заунывно стонет или пронзительно кричит…

…Настя сидела напротив отца Михаила, безразлично и устало оглядывая его маленькую комнатку, что находилась при церкви. Она только что рассказала ему всё, что произошло у неё с Серёжей. Отец Михаил молчал. Молчала и она, а потом сказала:

– Вы, наверное, думаете: до чего же она бессовестная в своей откровенности…Может быть, мне не следовало всё это вам рассказывать. Но я подумала, что вы единственный человек, который может мне помочь…

– Какой же помощи ты от меня ждешь?

– Я не знаю… Может быть…Может, я хочу понять, почему Серёжа, я уверена, вы, церковь, ваш

Бог всегда против того, что приносит людям удовольствие и радость?

– Кто тебе такое сказал? «Радость ваша да будет совершенна!» – это слова Христа. На свете нет более радостной религии, чем христианство.

– Тогда почему только и слышишь: гомосексуализм – это грех! Изменять мужу – это грех! Спать с мальчиками до свадьбы – грех! Я понимаю, почему нельзя убивать, нельзя красть. Но почему грех заниматься сексом, я не понимаю!

Отец Михаил долго и внимательно смотрел на Настю, а потом сказал:

– Боюсь, что нам с тобой будет тяжело говорить на эту тему.

– Почему?

– Только по одной причине. Ты отвергаешь Бога... Человек, который принял Его в свое сердце и занимается блудом, осознает, что делает что-то недостойное. В нем идет внутренняя борьба. Страсть захватывает его, ему хочется плотских наслаждений, и устоять он не может... Потом приходит озарение, раскаяние, на душе делается гадко... А человек, живущий по принципу «всё дозволено», не страдает. Ему легко... Ему не стыдно перед Богом. Зачем стыдиться того, кого нет? Он уверен, что не совершает ничего дурного.

– И вы считаете, если я не верю в Бога, то и ничего не пойму?

– Я думаю, что после моих рассуждений ты еще больше ополчишься на церковь. У тебя с ней будет

полный разрыв, и мне вас тогда никогда не помирить, – улыбнулся отец Михаил. – Видишь ли, у церкви есть нравственные законы, а у тебя их нет.

– А если я постараюсь все понять без церкви и без Бога?

– О, так многие рассуждают, не понимая, что если душа неожиданно видит свет там, где он действительно есть, то это и есть Бог. Если вдруг что-то внутри тебя скажет, что целомудрие – это хорошо, а блуд – это плохо, то ты уже сделала шаг вперед, к Богу...

– Блуд...Целомудрие... Таких слов уже и никто не знает.

– Ты права, Настя. В словарях они еще есть, а понятий таких уже нет. Скажи кому-нибудь – ты блудник, так он и не поймёт – хорошо это или плохо...

– А целомудрие – это что?

– Целомудрие – это чудное слово. Это – целостность мудрования, целостность личности. Когда духовное и телесное сосуществуют в человеке в прекрасном союзе, когда земное и небесное сливаются в человеке воедино. Когда у человека чисты помыслы и свет в душе, и он весь устремлен к Богу...

– Моему поколению ближе и понятнее другое слово – секс.

– А секс – это не грех. Почитай Ветхий Завет, книгу «Песнь песней». Она о плотской любви. Половая жизнь может быть и радостной, и достойной. Но не сама по себе! Когда она сама по себе, то человек перестает быть человеком. Он живет

только во имя своей плоти. А в этом уже что-то животное... Половая близость – одна из составляющих великого Божественного дара – любви. А в ней уже присутствует этот сплав – духовного, эмоционального, телесного...

– Но этот сплав признается церковью только между мужем и женой!

– Да. Эту любовь Господь благословляет через великое таинство брака. Плотская любовь без брака – это временный союз партнеров по постели, и кроме неё, зачастую, их ничего не связывает. В таком союзе нет какой-то особенной духовной высоты, нет полного отдания себя друг другу. А всегда есть какая-то червоточина... Наши предки это понимали намного лучше, чем мы. Конечно, и в старые времена бывало всякое. Но девушки, дворянки и простолюдинки, те, которые были воспитаны в лучших традициях своего времени, знали, что можно, а чего нельзя. Даже тогда, когда голова шла кругом от любви.

Ну, можно ли себе представить пушкинскую Татьяну Ларину не за ночным столиком, где горит свеча, и она пишет свое дивное письмо человеку, которого полюбила, а готовую отдаться ему с первой встречи? Невозможно себе это представить! Как невозможно представить и Онегина, этого ловеласа, который воспользуется её доверчивостью и будет готов заняться с ней сексом. Нет! «...мне порукой ваша честь, и смело ей себя вверяю», – писала ему Татьяна. Девичья честь, мужская честь – это были святые понятия.

– Но сам-то Пушкин любил женщин!

– Ещё как! И при этом не выносил в женщинах вульгарности, пошлости, развязности и всегда предостерегал от этого свою жену. И женским идеалом у него был не кто иной, а именно Татьяна.

И знаешь, что я тебе еще скажу... Пройдут годы, и вся эта ваша порнографическая киноклассика – «Последнее танго в Париже», «Восемь с половиной недель»...

– Девять...

– Ну, значит, девять... Уж не знаю, как оно там все называется...Так вот, все это забудется, растворится во времени...И это, и то, что будет потом в таком же духе. А слова Татьяны, такие неповторимые, такие высокие и такие несовместимые с нравами новых времен, почему-то все равно будут волновать души грешников: «Я вас люблю. К чему лукавить? Но я другому отдана и буду век ему верна». Это все высокие вещи, и, к сожалению, большинству до них уже не дотянуться.

– И вот чтобы такого не получалось – жизнь с нелюбимым человеком, не нужно спешить выходить замуж. Сначала нужно пожить вместе, присмотреться друг к другу. И я считаю это правильным.

– А я считаю нет. Во всем этом видится мне какая-то сделка...Любящие люди устраивают друг другу испытательный срок, исподтишка друг за другом приглядывая. «Вот посмотрю я на тебя, какая ты на кухне и в постели, а там будем решать». Какое-то постельно – хозяйственное соглашение. И никакой романтики.

– Ну, а гомосексуалисты и прочие? Они ведь никому не мешают. Они милые, чудные люди... Я знаю некоторых из них.

– Да, эти милые, чудные, никому не мешающие люди были испокон веку. Они писали стихи, музыку, они ваяли, правили государствами... И почему-то погибали, как никто. И тонули во время Всемирного потопа, и горели вместе со своими городами Содомом и Гоморрой, и в числе первых умирают от спида...

Известный богослов отец Александр Мень сказал о человеческих грехах, что люди так привыкают к этой грязи, что им уже хочется в ней жить... И действительно, в наше время они стали воевать за свои права, подняли настоящий революционный бунт и победили. Один современный богослов сказал, что самым первым революционером в мире был дьявол. Верно сказано. Вот ему, дьяволу, в роли предводителя этого бунта и большого охотника кощунственно извращать любовь, это и удалось. Божественная же точка зрения такова: мерзость это...

– Значит, вы – за половое воспитание в школах?

– Ой, как против! Я за целомудренное воспитание полов!

– Но почему? Разве было лучше, когда наши бабушки и дедушки в подъездах узнавали, откуда берутся дети?!

– О, это были великие открытия! Подростки гордились тем, что они «про это уже всё знают». У них появлялись свои тайны о любви. И тайны эти были

стыдливыми, овеяны своеобразной романтикой. А сейчас что? Подросток раскрывает учебник, а там ему графически, со стрелочками, как в инструкции по эксплуатации стиральных машин, все объясняют! Просто, понятно, скучно и без всякого стыда...

Недавно мне моя соседка рассказывала, как её четырнадцатилетней внучке подружка подарила «Кама Сутру» в картинках. И вот сидят они на диване, рассматривают и хохочут. И для них, четырнадцатилетних, никаких тайн у не существует, и романтики тоже. Какая тут романтика, одна смехота!

– Неужели церковь считает, что секс – это тоже что-то таинственное?

– Да. Секс – это тайна, тайна двоих. Это было и есть не только во всех религиях. Это было у всех нормальных людей. Вспомни, как там у царя Салтана? «А потом честные гости на кровать слоновой кости положили молодых и оставили одних». Одних оставили! И по телевизору показывать не стали! Потому что это только их мир, мир, рассчитанный на двоих. Это их тайна. Есть такая эстетическая категория – таинственное. Без таинственного люди не люди, природа не природа, мир не мир...

И знаешь, деточка, что я тебе еще скажу. Человек должен уметь говорить себе «нет». И даже не потому, что кто-то сказал ему, что это делать нельзя – мама, бабушка или церковь. Он должен сам внутренне почувствовать, что это – плохо. Чисто интуитивно. У каждого есть такая духовная нравственная интуиция. И, исходя из своего опыта, нужно иногда спрашивать себя: а было ли мне

по-настоящему хорошо? Разве душа моя поднималась ввысь от восторга?

...Настя возвращалась домой поздно. У подъезда её ждали двое.

– Привет, Малышка!

– Не называй меня больше так! – закричала она

– Ого! Мы не в настроении? Кстати, а где ты так поздно шаталась? Уже два часа тебя ждем.

– Зачем?

– Ты знаешь зачем. Нужны фотографии. Уже две недели прошло. Когда начнем?

– Не знаю... Наверное, никогда.

– Что?! В чем дело, моя девочка? Ты нашла другого заказчика?

– Пусть будет так...

– Малышка, не шути... Есть классный заказ Обещают хорошие бабки.

– Отстань!

– Ладно, иди спать. Ты явно не в духе. Встретимся завтра и опять начнем любить друг друга.

– Убери руки, мерзавец!

– Ну, совсем распоясалась!

– Оставь её. Завтра поговорим.

– Ни завтра, ни послезавтра! Никаких фотографий больше не будет!

– Малышка, мы начинаем сердиться. А это может плохо закончиться. Скажи, что ты подумаешь... А мы завтра позвоним. Ну? Чего молчишь? Ты ведь подумаешь?

– Я...подумаю.

– Вот и умница...

Через несколько дней утром Серёже позвонил встревоженный отец Михаил.

– Сёрежа, пойди к Насте. С ней что-то неладное. Она звонила мне.

– Нет, я не пойду. Я не хочу.

– Пойди! Я прошу тебя. Отправляйся прямо сейчас. И не раздумывай!

Но Серёжа раздумывал, мучительно и долго. До самого вечера. Уже смеркалось, когда он подходил к дому Насти. Он увидел, как из подъезда вышли трое в кожаных куртках и Настя. Он тут же хотел развернуться и уйти, но что-то насторожило его в поведении всех четверых. Высокий долговязый парень держал Настю за локоть, она шла неохотно, оглядываясь по сторонам. Двое других маячили впереди. Стараясь быть незамеченным, Серёжа пошёл за ними. Все четверо свернули в соседний двор. Серёжа остановился на улице, не зная, что ему делать дальше. И тут он услышал Настин голос. Он не разобрал, что она говорила, но понял, что ей плохо. Не раздумывая, он ринулся вовнутрь двора и увидел, как долговязый, прижав Настю к стене, ударил её по лицу. Серёжа рванулся к Насте, схватил её за руку и оттащил прочь от долговязого. Настя тяжело дышала. Все трое удивленно уставились на Серёжу.

– Это ещё кто такой? – спросил долговязый, поворачиваясь к нему.

– Не трогай его! Это...внук священника! – закричала Настя.

– Внук священника? Вот это да!

– Поцарапай его слегка и с него довольно, – сказал кто-то за спиной у Серёжи.

– Нет! – сдавленно вскрикнула Настя, – вы не посмеете! Серёжа, беги!

– Зачем ему бежать? Я буду продолжать тебя бить, потому что он мне помешал, а этот...внук будет смотреть и за тебя молиться. Ты же умеешь молиться?

Долговязый медленно направился к Насте, но Серёжа перегородил ему дорогу.

– Подвинься влево, – улыбнулся долговязый, – пожалуйста.

– Не трогай её, – сказал Сережа, не двигаясь с места.

– Малышка, неужели ты и с внуками священников спишь? – удивленно воскликнул долговязый, и в этот момент Серёжа рванулся к нему и изо всей силы наотмашь ударил его в лицо. Долговязый отшатнулся, и в ту же секунду двое других повалили Серёжу на землю и стали избивать ногами. Он слышал, как истошно кричала Настя, почувствовал, как хлынула из носа кровь, острая, обжигающая боль охватила живот, но он еще успел увидеть, как долговязый швырнул на землю Настю, как блеснуло лезвие ножа, или ему показалось? И он потерял сознание.

Трое, тяжело дыша, смотрели на распластавшихся по земле Серёжу и Настю.

– Она...дышит? – спросил долговязый.

– Не трусь... Всё норма. Оба живые. Сваливаем.

Когда Серёжа пришел в себя, вокруг было тем-

но. Он попытался приподняться, но резкая боль сковала тело, голова кружилось, его тошнило. Он подумал, что Настя где-то рядом. Онемевшей рукой он нашел её руку. Она была холодной и липкой. Серёжа застонал. И в этот момент Настя пошевелилась. Превозмогая боль в животе, он попытался повернуться к ней, нащупывая рукой землю. Вокруг все было влажно. Это была не дождевая слякоть и не растаявший снег, это была кровь, много крови.

– Настя, скажи... скажи что-нибудь, – шептал он, пытаясь приподнять голову.

– Я хочу ...хочу сказать, – услышал он хриплый голос Насти.

– Говори... я здесь...

– Серёжа...ты...ты меня ...слышишь?

– Я слышу...

– Если...если я не умру, можно ...чтобы того... ничего не было ...

– Можно...

– Совсем...ничего, ничего...не было... Так... можно?

– Можно...

– И...фотографий на стенах...тоже не было...

– Не было... «Господи, она может истечь кровью...Господи, спаси её», – шептал Серёжа.

– А это ...не страшно, что всё всё равно было ?

– Это не страшно... «Господи, спаси нас ... Пусть кто-нибудь пройдет мимо... Господи, умоляю тебя...Ты всякому благу промышленник и податель.... Спаси нас...»

– Будто-то… я ещё маленькая…. и ничего… со мной не было, – хрипела рядом Настя.

– Ты …маленькая…и ничего… не было, – говорил Серёжа, чувствуя, что снова теряет сознание. И в этот момент ночную тишину прорезал сигнал «Скорой помощи».

ПАЦИФИСТЫ

Дядя Рустам расстрелял папу, когда он выходил из дому. В это время Ромка и Тимур играли за домом в шашки. Мама вышла проводить папу, а тетя Фатима, жена дяди Рустама, вешала белье во дворе. Все произошло неожиданно. Дядя Рустам выстрелил несколько раз, перемахнул через забор и исчез. Мама и тетя Фатима бросились к папе, но он уже был мертв. Глядя то на него, то друг на друга, они начали истошно кричать. Сбежалась вся улица. Приехала автомашина с солдатами. Они рассыпались по дворам и улицам, но дяди Рустама нигде не было. Ромкин папа лежал на земле, и вся его военная рубашка была черной от крови.

– О, Аллах! Я ничего не понимаю! – отчаянно кричала тетя Фатима. А мама сидела на земле, она уже не кричала, а только тихонько стонала. Ошалелые Ромка и Тимур смотрели друг на друга и молчали. Потом Ромка медленно и удивленно произнес:

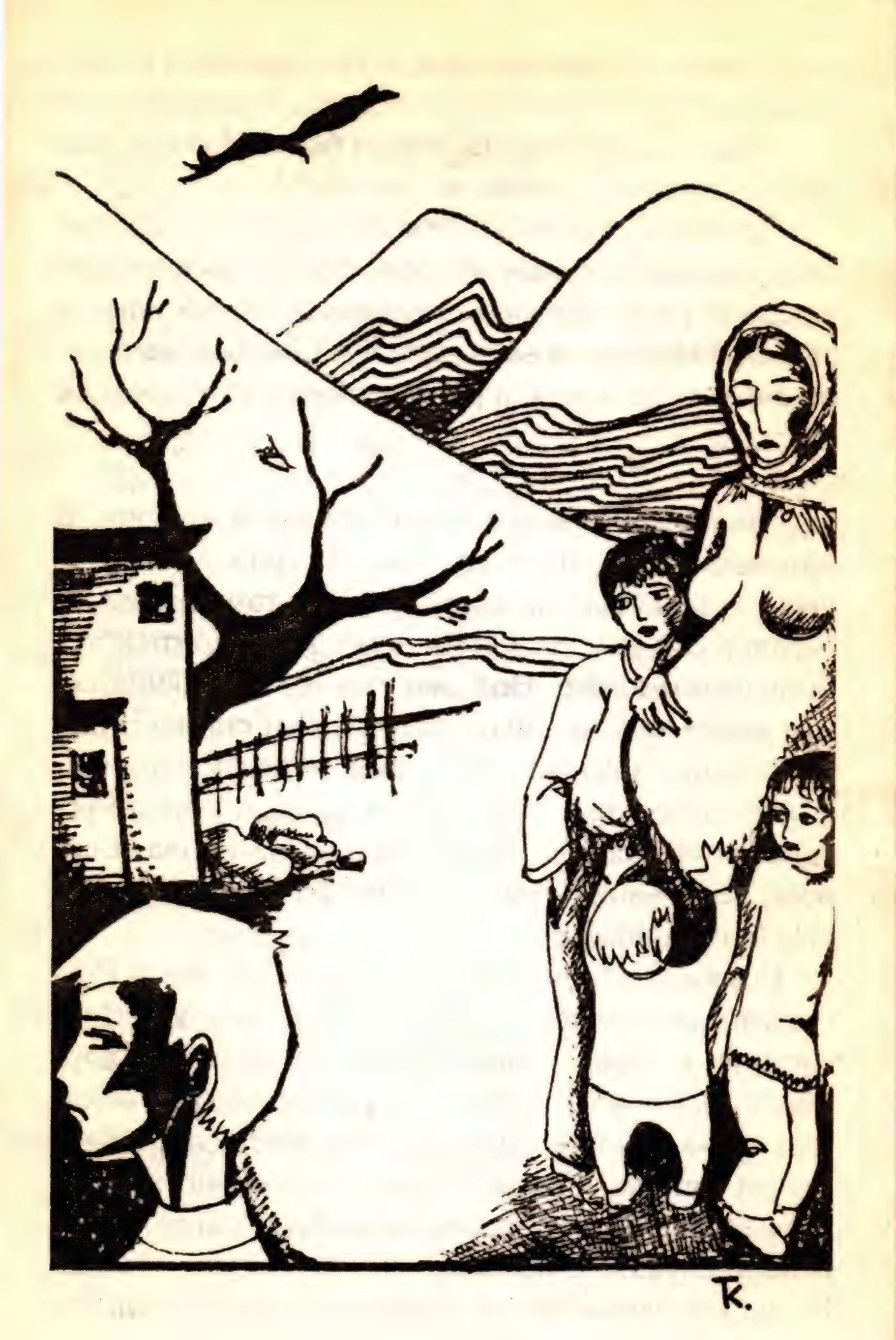
– Твой папа... убил моего папу...

– Да, – тупо кивнул Тимур, – а... почему он его... убил?

Двор был полон народу. Люди перешептывались, кто-то из женщин тихо сказал:

– Его солдаты на своих бэтээрах вчера ... всю деревню...

Ромка не расслышал, какую деревню и что имен-

TK.

но сделали папины солдаты, но он бросился на высокую тетку, которая это говорила, и закричал:

– Неправда! Этого не может быть! Мой папа не мог! Он не мог... никакую деревню!

Поднялся страшный шум, но в этот момент во двор въехала военная машина. Врач и двое солдат накрыли папу одеялом, положили на носилки и увезли. Мама даже не поднялась. Она бессмысленно смотрела в землю и раскачивалась из стороны в сторону...

Так началась война на их улице и в их доме. В маленькой горной стране, где они жили, война уже шла, но она была не здесь, а где-то там, южнее. А сегодня она началась в их доме, и поверить в это было невозможно. Вот уже три года Ромкина семья живет в доме дяди Рустама, они снимают две небольшие комнаты. Его папа – подполковник, мама – медсестра. Ромка у них один. А у дяди Рустама детей трое – Тимур, маленькая Бэлла и совсем маленький Аслан. А тетя Фатима все равно еще беременная.

Ромкин папа родом из этих мест. С дядей Рустамом они учились в одном классе, потом вместе служили в армии. Дядя Рустам после армии вернулся домой, а папа захотел стать военным. Потом они оба женились. Дядя Рустам жил все время в одном городе, а папа с мамой постоянно куда-то переезжали. Наконец, они вернулись в этот город, и папа служил в нескольких километрах отсюда. Но на выходные всегда приезжал домой. Дядя Ру-

стам дружил с папой, тетя Фатима дружила с мамой, а у Ромки лучшего друга, чем Тимур не было.

Всё было хорошо. Плохо стало однажды вечером. Все сидели во дворе за праздничным столом и отмечали 10-летие Тимура. Дядя Рустам и папа спорили о политике, а Ромка прислушивался, потому что ему было интересно. Вдруг дядя Рустам сказал громко и неожиданно зло:

– Упаси Аллах когда-нибудь Россию напасть на эту землю!

– Не понял, – сказал папа, – а разве эта земля – не Россия?

Дядя Рустам как-то тяжело посмотрел на папу.

– Наша страна – это не Россия, и упаси Аллах, вас когда-нибудь напасть на нас...

Все за столом притихли. В одну минуту стол разделился на две страны, на «вас» и на «нас». И все почувствовали себя неуютно от этого разделения. Но тетя Фатима, которая всегда была очень веселая, закричала:

– Ой, ой, ой! Шашлык! Шашлык! Он обиделся и остыл! Кто ест холодный шашлык? Ах, он не холодный? А...его только жарят! Но зачем так долго жарить? Он уже почернел от горя!

Все заулыбались, зашумели, и всё стало на свои места. Но прошло два года, и война действительно началась. Она быстро приближалась к их городу, и все со страхом прислушивались к отдаленным артиллерийским раскатам. И город постепенно делился на «своих» и «чужих», как тогда, за праздничным столом на именинах у Тимура. Улица, на

которой жили и русские, и горцы, и всякие другие, переставала быть простой и шумной, она както вся напрягалась, хмурилась и во всем подозревала сама себя. Женщины часто ссорились, мальчишки дрались, а мужчины... мужчины стали неожиданно исчезать. Тимур открыл Ромке великую тайну, он сказал, куда они исчезают: они уходят в горы.

– Зачем? – не понял Ромка.

– Идет война! Вот зачем!

– Война – это гнусно!

– Без войны нельзя, – твердо заявил Тимур.

– Можно! Даже нужно! – закричал Ромка.

– Ты дурак ! Мой папа говорит, в войне закаляется характер! А ещё люди становятся добрее, помогают, кому плохо! А без войны все богатеют и жиреют...

– Все как раз наоборот! В войне люди становятся жестокими, им хочется убивать, убивать! А если им еще за это платят деньги..., – сказал Ромка и осекся. Он вспомнил, как папа только вчера сказал маме, что теперь военным будут платить больше.

– Слышишь! А ведь ...твой папа... военный, офицер. И ему могут приказать...

– Нет! Никто ему ничего не прикажет плохого!

– Ромка...

– А...

– Мы ведь с тобой...никогда врагами не будем, правда?

– Во дурак! Нет, конечно!

Ромка очень любил папу, но не любил все во-

енное. Мальчишки, у которых папы – офицеры, гордились этим. А Ромка нет. «Мой папа – военный» – это была его самая мучительная мысль. Еще маленьким он выбрасывал все военные игрушки – пистолеты, танки, солдатиков. И сейчас не любит фильмы и книги про войну. «Хорошо, что война только в фильмах и книгах, и папе не надо ни на какой фронт», – часто думал он. Но оказалось все не так. Настоящая война началась, хотя Ромка не мог понять толком – между кем и кем, и за что? Когда идет война с фашистами, это понятно. Но здесь фашистов нет. «Зато есть бандиты», – говорили вокруг. Но бандиты есть везде. И неужели из-за них надо кидать бомбы? «Эти бандиты – особого рода, они не такие, как все...Они творят ужасные вещи. Причем, их очень много и с каждым днем становится все больше. И вообще, все горцы – бандиты, и весь этот народ, среди которого мы живем, – бандитский». Весь народ Ромка не знал. Он знал тех людей, которые жили на его улице. А на улице жили всякие. С одними мальчишками он дружил, других избегал, чтобы не ввязываться в драку. Потому что драться – это последнее дело. И потом, он считал, что весь народ бандитским быть не может. Такого в мире не бывает. Но война с этим народом началась, и его папа должен был в ней участвовать.

Папа почти перестал приезжать домой. И вообще, в их доме стало тревожно. Дядя Рустам ходил постоянно угрюмый, мама и тетя Фатима испуганно перешептывались. А Бэлла и Аслан капризнича-

ли и орали на весь дом. Ромка и Тимур тоже больше сидели у себя во дворе, чем гоняли по улицам.

На улицах шли разговоры о том, что кругом идут бои, что над головами летают бомбардировщики, что людей выгоняют на улицы, а дома взрывают, что недалеко от них снаряд угодил прямо в толпу на рынке, и есть убитые.

Папа долго не появлялся дома, никаких известий от него не было. И вот вчера неожиданно пришел днем, наскоро пообедал. А когда выходил из дому, дядя Рустам его убил. Как только папу увезли, приехали военные. В доме дяди Рустама устроили обыск, перевернули все вверх дном, забрали тетю Фатиму и Тимура. Аслан и Бэлла кричали в своей комнате. И тогда мама, впервые за весь день, беззвучно сказала Ромке:

– Пойди, покорми их… На кухне гречневая каша…

И Ромка их кормил, всхлипывая и утирая нос, и слезы капали прямо в тарелку с кашей… Поздно вечером тетя Фатима и Тимур вернулись. Но мама не выходила из своей комнаты, и тетя Фатима не решилась пойти к ней. А Ромка думал: «Как же теперь мы будем жить? Они – наши враги, они убили моего папу… Я не хочу их видеть…Я не буду с ними разговаривать. Я их должен ненавидеть». Но ненавидеть тетю Фатиму, Бэллу и Аслана у него не получалось. Он видел, как располневшая тетя Фатима с трудом передвигается по двору, как она вечерами стоит у калитки, и он догадывался, что она ждет дядю Рустама. «Как она может ждать этого убийцу», – думал Ромка.

Сначала мама хотела переехать в другой дом. Но куда? В городе уже было много беженцев. Да и потом после случившегося на улице смотрели на них косо...Семьи военных начинали откровенно не любить... И они остались в доме тети Фатимы. Это было очень тяжело. Они жили под одной крышей, сталкивались во дворе и отводили глаза в сторону. С Тимуром Ромка не разговаривал. Он убеждал себя, что опять дружить с ним – все равно, что предавать папу. Но шли дни, и Тимура ему стало не хватать. Он ловил на себе его настороженный взгляд и все равно отворачивался. Но однажды не отвернулся, не отвел глаза в сторону, а неожиданно для себя спросил:

– Как ты?

– У меня...нормально, – сказал Тимур и как-то умоляюще посмотрел на Ромку. Ромке захотелось заплакать. И он, не сказав ни слова, убежал в дом. Но с тех пор они стали понемногу разговаривать. Ромка не хотел, чтобы мама это увидела. Но как-то он увидел сам, как мама, столкнувшись с тетей Фатимой, спросила:

– Когда...тебе?

– Через месяц..., – растерянно и обрадовано ответила тетя Фатима.

В городе стало появляться все больше людей с сумками и чемоданами. Это были беженцы. Они расселялись по домам и в гостинице. Приехала и племянница тети Фатимы, Карина, она была студенткой. Высокая, худая, сутулая, в очках, с крюч-

коватым носом и прямыми длинными волосами. Ромка про себя назвал её «Баба-Яга в молодости». Тетя Фатима взяла к себе еще одну беженку, старенькую женщину Анну Ивановну. Она была из Москвы и гостила у своих родственников. Когда началась война, уехать домой она не успела. Потом дом, где жили её родственники, разбомбили, все погибли, а она случайно осталась жива, и бежала почти раздетая, с одной маленькой сумочкой.

Анна Ивановна была маленькая и сухенькая, но очень подвижная. Она преподавала в школе историю. Очень любила Кавказ, потому что ее далекие предки здесь жили. Она знала историю чуть ли не каждого кавказского народа. Вечерами она и Карина сидели на лавочке и говорили о Кавказе. Ромка и Тимур, примостившись неподалеку, слушали...

– Вот уже 300 лет Россия пытается покорить Кавказ, – говорила Карина, – и не понимает, что кавказцы – народы гордые и никому никогда кланяться не будут.

– В старые времена русские могли находить общий язык с горцами. Был такой генерал Ермолов, все никак ему не удавалось победить чеченцев. «Ну, такие отчаянные солдаты! Я не знаю, как с ними сладить»,– признавался он императору Александру 1. А государь ему и говорит: «Передай их начальникам, что самых храбрых солдат я возьму к себе в личный конвой, но только тех, кто не запятнал себя кровью»... Позже, князь Барятинский был наместником на Кавказе. Уж как он их понимал! Тактичным был, терпеливым, местные обычаи и

культуру знал и уважал, ввел гражданское управление среди горцев. И он, и позже князь Воронцов пытались на деле доказать, что Россия умеет благотворно, по-доброму влиять на жизнь кавказских народов.

А как горцы славно воевали вместе с русскими против Турции во второй половине 19 века! Добровольно шли сражаться и осетины, и ингуши, и чеченцы. Дагестанские воины вообще считались лучшими в Кавказской армии. Награждали их за подвиги георгиевскими крестами и выдавали пожизненную пенсию! Горцы искренне хотели верой и правдой послужить России...

В городе с каждым днем становилось все тревожнее. Однажды, они все проснулись от грохота артиллерийских снарядов и взрыва бомб. Днем взрывы повторились. Поднялась паника. Многие бросали дома и уезжали. Засобиралась и Ромкина мама.

– А как же остальные? – растерянно спрашивал Ромка.

– Они сами по себе, а мы сами, – ответила мама.

– Может быть, мы все вместе...? – нерешительно предлагал он.

Но тетя Фатима уходить не хотела. И все понимали почему. Вот-вот должны были наступить роды. И куда ей с тремя детьми ? А еще она надеялась, наверное, что объявится дядя Рустам. Хотя все догадывались, что он ушел в горы. Карина не хотела оставлять семью своей тёти. А Анна Ивановна растерянно и испуганно смотрела на всех и тоже не

могла ни на что решиться. Но однажды ночью, когда соседний дом от прямого попадания снаряда рухнул, все выскочили на улицу кто в чем и бросились бежать. Вечером, выбившись из сил, они дошли до соседней деревни. Маленьких детей и тетю Фатиму разместили в доме – нашлись добрые люди. Тимур, Ромка с мамой, Карина и Анна Ивановна спали в гараже и в сарае. Благо, ночи еще не были холодными.

На следующий день опять двинулись в путь, в палаточный лагерь для беженцев. По дороге у тети Фатимы начались роды. И мама ей помогала, как могла. С трудом добрались до сельской больницы. Но у тети Фатимы не оказалось документов, впопыхах она забыла их дома. Тяжело дыша, она сказала маме:

– Возьми... в мешке... Там немного золота... моих украшений...Дай им...

Рано утром тетя Фатима и ее ребенок умерли... Тимур, Бэлла и Аслан так кричали, что, казалось, от этого крика рухнет мир. Но он не рухнул. А Ромка тогда почувствовал себя самым сильным и главным. Потому что Тимур раскис, Анна Ивановна тряслась, как лепестки, которые срывает с деревьев осенний ветер, Карина причитала и охала, а у мамы был такой вид, словно ей уже всё безразлично. Ромка пошел искать какое-нибудь жилье и нашел заброшенный дом на краю села. И все разместились в нем. Но ночью ворвались вооруженные люди. Они хотели забрать Тимура и Ромку. Но Ромкина мама упала на колени и дрожащими

руками протянула им несколько золотых украшений, которые успела ей передать тетя Фатима. И они ушли, никого не тронув.

А под утро кто-то опять вышиб двери ударом ноги. Ворвались солдаты в масках и закричали: «Лицом к стене! Руки за голову!» Под оглушительные вопли Аслана и Бэллы они проверили документы, перевернули все вверх дном и ушли. Оставаться в чужом доме было опасно. Но дети и Анна Ивановна настолько ослабели, что двинуться с места не могли. На следующий день рано утром пришла какая-то женщина, принесла молоко и лепешки и рассказала, что в подвале этого дома долго держали рабов, двух мужчин и одну женщину. Они сидели на цепи... Когда не удалось их продать, им сначала отрезали уши, потом пальцы, потом... Женщина покосилась на перепуганных детей и тихо добавила:

– Потом их убили...

– Изверги! Дикари! Убийцы и насильники! – зарыдала Ромкина мама. – Я не могу больше! Я не хочу здесь оставаться! Я хочу в Россию! Я их ненавижу! Всех! Всех до одного! Это не люди!

И тут Карина, которая сидела, сгорбившись и стиснув руки, вскочила с места:

– Вот, вот... Мы все для вас – ничто... Убийцы и террористы! Мы только и делаем, что продаем людей в рабство и торгуем наркотиками!

– Да! Так оно и есть! Вы все мусульмане такие! Кровожадные и тупые!

И тут Карина тоже расплакалась:

– Я знала..., знала, что когда-нибудь вы это скажете! Я уже об этом не раз слышала... Мусульмане – кровожадные, тупые и безграмотные... У них вообще феодальное общество. Они дикари! У них нет мозгов! Куда им до Европы! У них вообще нет цивилизации! У них даже ученых своих нет! Они вообще книг не читают!!

– Но это же неправда! – всплеснула ручками Анна Ивановна, – это же... совсем не так!

– Да что вы вообще про нас знаете? – кричала Карина.– Что вы знаете о мусульманах? Только то, что они – фанатики, спокойно перерезают горло своим врагам? Да не мусульмане те, кто это делает! У христиан есть заповедь: «Не убий!» Вы думаете, её нет в нашем Коране? «Кто убьет человека без вины, тот как будто бы убил людей всех». Страшнее нет преступления – убивать невинного! И джихад можно объявить только тогда, когда кто-то нападает на мусульман из-за их религии или нападает на их дома и изгоняет жителей!

– Да..., если бы россияне, прежде чем воевать, почитали Коран, то, может быть..., – примирительно говорила Анна Ивановна.

– Ничего не может быть! Русские и своё Евангелие не читают, зачем им Коран! Ну, почему, почему во всем мире начинают ненавидеть мусульман!

Анна Ивановна подошла к Карине, мягко усадила её на стул.

– Знаешь, деточка... Ведь люди не разбираются и даже не пытаются разобраться, кто из мусульман мыслит по-божески, а кто нет. Сейчас многие

считают, что мусульманский мир объявил войну остальному миру, что все мусульмане – фанатики, погибая сами, они уносят с собой на тот свет десятки и сотни невинных людей... И люди испытывают страх вместе с ненавистью. Пойди докажи, что не все мусульмане – террористы.

В средние века подобное было и в христианстве. Из-за него возникали войны. Были и Крестовые походы, и инквизиция. Лжехристиане тоже считали, что они делают правое дело... И именем Христа защищали свою веру. Как защищали? Топили, сжигали иноверцев, как, например, украинский гетман Богдан Хмельницкий, который таким образом пытался обратить в христианство евреев...

Дело в том, что в каждой религии случаются свои крайности. Некоторые мусульмане, назовем их ну... экстремистами, считают, что весь мир, и в первую очередь Запад, погряз в преступлениях, в разврате, ну, просто тонет во всем плохом. И я с ними согласна! Потому что это правда! Сейчас весь мир грешит, как никогда! И что же они предлагают? Они предлагают со всем этим миром бороться самым жестоким образом, любыми террористическими методами уничтожить всех неверных. Когда весь развратный мир мы уничтожим, думают они, можно будет создавать огромное Исламское государство, ну, например, по всему Кавказу. И что же это будет за исламское государство, построенное на крови? Неужто оно будет угодно Аллаху? Конечно, западные страны такого не допустят...

С терроризмом надо бороться. Но как? Лично

я бы сначала все-таки попыталась разузнать: и отчего это он так разбух по всему свету? Может, мы все в этом виноваты? В общем, сейчас для настоящих мусульман наступили тяжелые времена... И надо это как-то всё перетерпеть!

– Но я не хочу терпеть! – закричала мама.

– Это мы не хотим терпеть! Мы – истинные мусульмане!

– Каринушка, детка, успокойся! Во-первых, между Россией и твоим народом война не религиозная...

– Да, я знаю... Это колониальная война...Но мы, горцы, народ вольный и гордый...И мы будем сражаться...

– Ну и куда это годится? – опять всплеснула сухенькими ручками Анна Ивановна. – Вы будете убивать, и россияне будут убивать... И война будет убивать людей, молодых, красивых...И самое страшное, что каждый будет думать, что делает хорошее дело... Ой, что это? – неожиданно прошептала Анна Ивановна и сильно побледнела.

Откуда-то сверху послышался гул. Маленький дом затрясся от взрывной волны... От визга и грохота заложило уши. И пол стал уходить из-под ног.

– Бомбардировщики! – закричал Тимур. – Бежим!

– Нет! – вдруг твердо сказала Анна Ивановна. – Молимся!! Все на колени!

– Я не умею и не буду! – растерялась мама.

– Все будут!

Еше одна бомба разорвалась где-то рядом. Гул нарастал.

– Господи! – как-то спокойно и доверчиво про-

изнесла Анна Ивановна. – Если хочешь, спаси нас всех! Мы все тут Твои дети! Ты ведь Всемогущий и милостивый!

Ромка оглянулся. Карина, Тимур, Бэлла и маленький Аслан стояли на коленях, уткнувшись головами в пол. И только он и мама беспомощно озирались по сторонам. Бомбы взрывались одна за другой где-то рядом. Потом неожиданно вой и взрывы прекратились. Стало тихо.

– Вот и хорошо, – сказала Анна Ивановна, поднимаясь с колен, – вот и чудно. Они улетели. И помоему, больше не прилетят. Сейчас мы поедим и отправимся в путь...

– Мы сделаем, наверно, так, – Карина обвела всех усталым взглядом, – я заберу детей – Бэллу, Аслана и Тимура и уйду с ними...

– Нет! – одновременно закричали Ромка и Тимур.

– Тимур останется с нами! – Ромка готов был расплакаться,– ведь правда, мама ?

Мама молчала.

– Как хотите, – помедлив, сказала Карина,– но я возьму маленьких... Я примерно знаю эти места. Я уйду с ними к своей подруге. Здесь недалеко её родители. А вы... Я не знаю... Идите, куда хотите...

– Мы хотим в лагерь для беженцев. Мы ведь все пойдем вместе, да? – растерянно спрашивала Анна Ивановна.

– Хорошо, – сказала мама. – Так, наверное, будет лучше...

Но тут заплакал навзрыд Тимур. Увидев, что старший плачет, Бэлла и Аслан, как обычно, заорали дуэтом, да так, что Анна Ивановна не выдержала и тоже залилась слезами. И тогда Ромка опять почувствовал себя главным.

– Хватит! – твердо сказал он, – тетя Карина и маленькие идут туда, куда решили. Но оставят адрес. Мы с Тимуром вас найдем, когда ...это все закончится. Тимур, мама, Анна Ивановна и я идем в этот самый лагерь... И у нас все будет хорошо...

После долгих прощаний Карина и дети ушли. А остальные еще долго сидели молча, со страхом прислушиваясь к каждому шороху в доме. Но идти на ночь глядя не захотели, решили переночевать. Ромка и Тимур улеглись на полу.

– Я ненавижу войну! Я её ненавижу! – шептал Ромка. – Я бы все армии уничтожил, сжег бы все оружие, какое только есть в мире...

– А если бы на тебя напали? Ты бы не вытащил оружие, чтобы защищаться? Молчишь... Не знаешь, что сказать...

– Знаю. На меня бы ...не напали.

– Это еще почему? Ты что, особенный?

– Потому что... потому что я бы...молился, как вы сегодня... Знаешь, я никогда раньше не молился...Но я всегда чувствовал, что Бог меня слышит, когда я говорю, что не люблю войну. Слышит и соглашается со мной... То есть, я чувствую, что мы с Ним заодно...И вот поэтому я бы молился, чтобы Бог не дал мне этого.

– Чего этого?

– Ну... защищаться, чтобы убивать людей. И если я буду так молиться, на меня никто не нападет...

Тимур молчал, потому что не знал, как относиться к тому, о чем говорил Ромка.

Рано утром отправились в дорогу. По пути заходили в села, покупали еду. У мамы и Анны Ивановны было немного денег. Оставались золотые украшения и часы тети Фатимы. Но мама их спрятала. Для более тяжелого случая. На второй день, к вечеру, они пришли в палаточный лагерь для беженцев. После проверки документов их отвели в палатку. Ночью палатку раздувало от ветра, было сыро и холодно. Наутро Анна Ивановна заболела. И ее устроили в сарае, сколоченном из фанеры. Ведра и лопаты сдвинули в сторону, поставили топчан. Тимур выпросил у кого-то маленький коврик, и мальчики примостили его над постелью, чтобы было теплее. Раздобыли чай, и весь день Анну Ивановну отпаивали.

Вечером Тимур и Ромка сидели в фанерном сарае и слушали Анну Ивановну. И она хриплым простуженным голоском рассказывала об Иисусе Христе и о разных полководцах, которые хотели завоевать мир. Они его завоевывали на какое-то время. Но все их победы ни к чему хорошему не приводили. Даже Наполеон Бонапарт это понимал. Он говорил, что только Христу удалось это сделать одним оружием – любовью. И не надо никакого другого оружия. Хотя однажды Христос ска-

зал странные слова, и многие их не понимают: «Не мир я пришел принести, а меч».

– Он так сказал? – удивился Ромка.

– Так Он все-таки был за войну? – не понял Тимур.

– Нет. Он знал, что все, что Он говорит, далеко не все люди примут. Его учение может даже поссорить людей... Так и произошло. Его слова, как меч, людей разделили. Далеко не все хотят жить так, как Он учит. Этот меч может разделить семью, в которой кто-то принял Его учение, а кто-то отвергает. Меч проходит даже через душу человека, в которой всегда борются хорошее и плохое.

– Но Бог ведь против кровопролития? – спросил Ромка.

– Конечно. И сколько раз Он его предотвращал. В русской истории происходили удивительные вещи, когда враги нападали на Русь и...уходили с поля боя. И с той, и с другой стороны кровопролития не было. На Руси всегда почитались иконы Божьей Матери. Вот она-то и помогала. Так было в конце XIV столетия, когда азиатский завоеватель Тамерлан встретился с русскими войсками недалеко от города Коломны. Русские молились Пресвятой Богородице. Враги постояли, постояли и...ушли. В XV веке ногайский царевич Мазовша осадил Москву. Тогда жители прошли вдоль стен города с чудотворной иконой Владимирской Божьей Матери. И татары побежали, потому что им показалось, что на них надвигается неисчислимое войско русских.

Потом ордынский хан Ахмат с огромными полчищами двинулся на Москву. Русские и татарские войска встретились на реке Угре. И никто первым не решался перейти реку и начать бой. Русские молились... И вдруг татары побежали, а никто за ними и не гнался...И так было не один раз...Иисус Христос всегда против насилия. И Он спасет всех миротворцев, то есть, тех, кто творит мир.

– Значит, ваш Христос вас спасет, если вы в него верите, а мы, по– вашему, все погибнем? – спросил Тимур.

– Совсем не так...Христос, в которого верят христиане, это мир и любовь... А разве другие религии, разве ислам против мира и любви? Я, например, твердо уверена, что, когда мусульманин молится о мире, обо всем добром, – в душе его живет благодать Христа. И буддист, и иудей могут быть христианами по духу... Потому что христианский дух любви живет, где хочет. Потому что христианские чудные идеи есть и в исламе, и в буддизме, и в иудаизме... Все, кто умирает за правду, кто пытается творить мир и быть милосердным и делать добро – какой бы национальности он ни был, какую бы веру ни исповедовал, он приобщен к Христу. Христос всех объединяет, всех, всех...

И разве Ему горько и больно только тогда, когда мусульмане уничтожали христианские, например, сербские, церкви? А когда сербы уничтожали мусульманские храмы, или когда христиане устраивали еврейские погромы, Ему было меньше больно? Нет! Он всех жалеет.

– И фашистов тоже? – спрашивает Тимур.

– Фашизм – это страшный грех против самого Творца. Во второй мировой войне участвовали страны, которые были очень далеки от Бога. И Гитлер был далек, который вообще христианином не был, и Сталин... Две грешные страны сражались друг с другом. Шла кровопролитная война. Кто победит в ней?

И вот однажды одному ливанскому митрополиту, который день и ночь молился, приснился сон. «Победит тот, – было ему сказано, – кто раньше покается и обратится к Богу». И Россия обратилась... Она стала молиться... И вовсе не коммунисты были организаторами славных побед над фашистской Германией...А вопли к Небу покаявшейся в те тяжелые годы России... В дни войны стали открывать десятки тысяч церквей, монастырей, стали возвращать из тюрем священников и монахов... По всей стране, как в старые смутные времена, забили колокола, взывая к Богу о помощи... Чудотворную икону Казанской Божьей Матери обносили крестным ходом вокруг Ленинграда, нынешнего Петербурга, и блокада города была прорвана. Перед этой иконой молились, когда фашисты подходили к Москве. Казанскую икону возили и под Сталинград, где шли кровавые бои...

Сталин согласился пойти на все это. И после войны даже пригласил ливанского митрополита в Москву... Но вот война закончилась, фашистская Германия разбита. А Россия... Россия каялась и молилась только тогда, когда была на краю гибе-

ли. Но, одержав победу, опять вернулась к своим грехам...

– А почему сейчас Россия воюет?

Анна Ивановна долго молчит, а потом говорит твердо.

– Она плохо делает. Хотя бы по одной причине. Война развращает людей, она убивает их не только физически, она калечит их души... Те, кто воюет с бандитами, зачастую сами в них превращаются... Потому что, когда люди начинают убивать друг друга, такие понятия, как милосердие, жалость исчезают...

В годы моей юности часто показывали фильмы про войну. Помню, как зал радостно аплодировал, когда в танках горели немцы, или когда наши солдаты их в упор расстреливали. А я боялась признаться даже себе, что мне их ...жалко. Я думала тогда: а ведь у каждого из них есть мама, и она ждет этого мальчика, рыжего, в очках...

– Но ведь могут же государства между собой мирно договариваться! Ведь если одной стране не нравится, как живет другая, не обязательно же сразу пускать в ход артиллерию!

– Ты, Рома, прав! Можно и нужно вести мирные переговоры! Только многие считаю, что с террористами никаких переговоров вести нельзя. Их надо уничтожать... и дело с концом. Но никто не может понять, что уничтожаешь одних, тут же появляются другие, да еще и в большем количестве, и начинают мстить за убитых. А месть – это страшная вещь...

– А бывают люди, которые не мстят и не хотят мстить? – тихонько спрашивает Ромка.

– Бывают...Редко, но бывают... В истории России был случай. В конце девятнадцатого века террористы все время пытались расправиться с членами царской семьи и постоянно устраивали на них покушения. И вот один террорист убил великого князя Сергея Александровича. Он был женат на великой княгине Елизавете Федоровне, родной сестре императрицы. И Елизавета Федоровна пошла в тюрьму, к убийце своего мужа, и понесла ему икону. Она спросила его: «Зачем вы это сделали?» Он ответил: «Чтобы зла на земле стало меньше». И тогда она сказала: «Но ведь его стало еще больше...». Потому что зло всегда порождает новое зло! Но, к сожалению, люди гордые, очень гордые и больше всего боятся унизиться перед своим врагом.

– А вы, Анна Ивановна, вы смогли бы унизиться? Ну, например, бандиты захватили детей и сказали: «Станьте на колени, и тогда мы их отпустим». Вы бы...стали? – спрашивает Ромка.

– Я? Я...бы стала... Даже если бы речь шла об одном ребенке...

– И я бы, наверное, стал...

– А я бы нет. Я б их всех пострелял, – сказал Тимур.

На этом и порешили.

Жить в лагере становилось с каждым днем тяжелей. Наступали осенние холода. Не хватало еды.

Люди толпились за хлебом в очередях, расталкивая друг друга... Анна Ивановна мечтала об одном – вернуться в Москву, хотя понимала: сейчас ей туда не добраться. Ромка тоже мечтал о Москве.

– Когда-нибудь мы туда обязательно уедем, и мы с тобой пойдем в Кремль, – говорил он Тимуру.

– Нет, я туда не поеду, – качал головой Тимур, – меня там убьют. Я слышал, как одна тетка вчера говорила, что многие думают, если ты поклоняешься Аллаху, значит ты преступник или убийца.

– Дура твоя тетка! Причем тут Аллах! Помнишь, как Анна Ивановна рассказывала, что творили христиане в средние века? Но Христос был ни при чем! Так и твой Аллах, ты за него не переживай! Он ни в чем не виноват. Слышь, а... тебе Христос нравится?

– Да... Он говорил классные вещи...

– А ты мог бы...стать христианином?

– Ты что?! Тогда меня точно убьют! И потом, зачем? Я люблю Аллаха... Я мусульманин. И мама моя была мусульманкой, и па...

– Ну, хорошо, хорошо, – поспешно говорит Ромка, – но в Москву мы с тобой обязательно поедем.

Миновала зима. Она была очень тяжелой. Все переболели. Но больше всех – Анна Ивановна. Она стала совсем слабенькой. Мама продала цепочки тети Фатимы и купила зимнюю одежду, продукты. С нетерпением ждали весны и перемен. И перемены произошли. Летом всем удалось перебраться в Ставрополь.

– До Москвы уже рукой подать! – успокаивал всех Ромка. С этой мыслью и жили. Мама устроилась в больницу. Мальчишки даже пошли в школу. После уроков грузили ящики в магазине, а заработанные деньги откладывали на Москву. Вечерами слушали истории Анны Ивановны.

– Я – оголтелая пацифистка, – говорит Анна Ивановна и поднимает вверх свой сухенький крохотный пальчик, – и за свою пацифистскую идею буду сражаться до последней капли крови.

– Это кто такие? – спрашивает Тимур.

– Кто такие пацифисты? Это мы с Ромочкой. Хочешь в нашу партию?

– Может, хочу...

– Пацифисты это люди, которые осуждают войны и считают, что все можно решать мирно.

– Тимур! Подойди ко мне! – зовет его Ромкина мама.

– Вот..., – она протягивает Тимуру маленькие золотые часики.

– Это... мамины! – радостно восклицает он.

– Да... Сохрани их...

– Спасибо... Спасибо вам...

Этот вечер был особенный, он назывался «московский». До этого был «кавказский». Анна Ивановна рассказывала о Грузии. Потом «петербургский». А вот сегодня речь шла о Москве, потому что она уже стала мечтой. Анна Ивановна рассказывала, как Москва создавалась, как воевала с многочисленными врагами, кто в ней правил... И ночью каж-

дому приснилась «его» Москва. Ромкиной маме приснилось, как она и Ромкин папа поехали в Москву в отпуск. Были в Большом театре и купили дорогую шкатулочку палехской росписи. Эта шкатулочка осталась там, в доме дяди Рустама. И Ромкина мама во сне плакала.

Ромке приснился почему-то Петр Великий. Он не любил Москву, а строил новый город – Петербург «на костях и крови».

Тимуру снилось, как он, озираясь по сторонам, крадется по красивым московским улицам. А какой-то дядька, прохожий, кричит: «Смотрите, смотрите! Вот идет лицо кавказской национальности! У него в кармане взрывпакет! Хватайте его!»

А Анне Ивановне снилась её маленькая комнатка в коммунальной квартире, и она с ужасом думала, как разместить в ней всю эту ораву? И что скажут соседи? «Ах, плевать на соседей! Главное добраться домой», – и с этой мыслью она проснулась…

УРОКИ МОНОМАХА

Васька не мечтал стать ни менеджером, ни юристом, ни переводчиком, ни фотомоделью, ни тем более космонавтом. Он видел себя императором. Императором огромной Российской империи. И он знал, что будет с этой империей делать. Тщательно изучив историю великих империй и великих императоров, он понял, какой именно человек нужен России. А нужен ей именно он – Васька Курочкин. Тем более, имя его греческое. В переводе означает царский. Фамилию можно поменять. К тому же, в его планы династия Курочкиных не входит. Он не собирается править Россией семейно. Он рассматривает себя, как частный и единственный в своем роде эксперимент.

Конечно, он не настолько самоуверен, чтобы игнорировать опыт прошлого. Он возьмет от лучших представителей императорского мира по нитке. Ну, например, обаяние Александра Македонского, умение Екатерины Великой работать с кадрами, интеллигентность Николая II.

В себе самом он создаст новый совершенный тип императора. В основу создания империи положит законы, по которым не создавалось еще ни одно государство мира. Экономика и социальные проблемы, обороноспособность страны будут играть в этих законах второстепенную роль. Он начнет с Бога, с

TK.

Его заповедей. С законов морали и нравственности. И пусть весь остальной мир лопнет от хохота. Его империя будет сражаться с ним только одним оружием – любовью. И как писал поэт Тютчев:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью».
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...»

В своем рабочем кабинете помимо иконы Христа он повесит портрет Владимира Мономаха. Он провел тщательный сравнительный анализ и понял, что именно этот князь, который жил в 11–12 веках, больше всех приближен к идеалу правителя. Теперь была задача учесть ошибки Мономаха и стать лучше, чем он.

... Отец – киевский князь Всеволод. Мать – греческая принцесса Мария. Один дедушка – Ярослав Мудрый, другой – император Византии Константин I Мономах. Значит, Владимир – царских кровей. У Васьки Курочкина и близко таких кровей нет. Но при крещении Владимиру дали еще одно имя – Василий!

Семейное положение. Первая жена – английская принцесса Гида, дочь короля Гарольда. Потом еще две жены. Но это значения не имеет. Восемь сынов. Пятый по счету Вячеслав уже был с бородой, когда родился шестой – Юрий. Один из сыновей женился на дочери шведского короля. У внучек мужья – короли Норвегии и Дании. Это хорошо. Это имеет смысл.

Знаменитое потомство. Сын – Юрий Долгорукий, внук – Андрей Боголюбский. Главная заслуга обоих – попечительство над Владимирской иконой Божьей Матери. Праправнук – Александр Невский.

Князь Владимир ростом не велик, но телом крепкий. Лицом красен. Волосы рыжие и кучерявые. Глаза большие, лоб высокий, борода широкая. Васька понимает: для его круглой и курносой физиономии больше подходит лыжная шапочка, чем шапка Мономаха. Но это особой роли для него не играет.

Ему уже тринадцать. В свои тринадцать Владимир занялся войной и охотой. В те времена у князей это было модно. Войну Васька не уважает, охоту тоже.

Мономах знал пять языков. У Васьки с одним туго, с другим пока никак. Но это не страшно. Это дело поправимое.

На этом сравнения заканчивались. Каждый начинал жить своей жизнью.

У Владимира Всеволодовича жизнь была трудной с самого детства. На Руси – никакого порядка. Внуки и правнуки Владимира Красное Солнышко, родные, двоюродные и троюродные братья не могут поделить между собой города и земли, ссорятся, воюют, берут в союзники печенегов, половцев, этих необузданных степных гангстеров, чтобы они помогали им расправляться с родственниками.

Главный престол – в Киеве и всем туда хочется. Владимир – единственный, кто не рвется к власти. Но вот его отец, киевский князь Всеволод,

любимый сын Ярослава Мудрого, умирает. Умирает на руках сына Владимира. Киевский престол свободен.

Что сделал бы любой другой на месте Владимира? Что делали и делают все, у кого появляется малейшая возможность взять власть в свои руки? Берут. Владимир все делает не так. Он отказывается от власти. Несмотря на то, что его любят, как любили его покойного отца, и хотят видеть на великокняжеском престоле.

Владимир не хочет нарушать порядок княжения. Его установил ещё Ярослав Мудрый: киевский престол переходит не к сыну великого князя, а к его старшему племяннику. Поэтому, считает Владимир, его должен занять двоюродный брат Святополк. «Отец его был старше и княжил в столице прежде моего отца. Не хочу кровопролития и войны междоусобной». Открыл Америку. Не хочет кровопролития. А кто хочет? Ни один правитель в этом не признается, хотя про себя думает: а что делать, если иначе не получается? Сяду на престол – вину искуплю. А пока главное – сесть.

Владимир не хочет гражданской войны по-настоящему. И доказывает это делом. Садится на коня и скачет в Чернигов. Правит там шестнадцать лет. С киевским князем Святополком отношения поддерживает хорошие, хотя тот коварен и не шибко умен.

В Чернигове сражается с половцами, те беспокоят черниговские земли. Помимо них есть ещё и другие враги: князья из города Полоцка. Они напа-

дают на Смоленск, а этот город – тоже собственность Владимира. Тогда Владимир договаривается с половецкими племенами, и вместе идут войной на князей полоцких. Внезапно нападают на город Минск, безжалостно убивают всех его жителей.

В общем, при всем своем природном миролюбии Владимир делает то же, что и другие. Уж лучше бы занимался только охотой. Это у него получалось классно! Что он творил с диким зверьем на охоте! И что они творили с ним!

В непроходимых лесах голыми руками ловил диких коней. Его бодал олень, топтал копытами лось, два раза тур поднимал его на рога, медведь прокусил колено и седло, вепрь сорвал с бедра меч. Он падал с лошади, разбивал голову, ломал руки и ноги. Почему в 19 веке никто из художников не нарисовал картину «Владимир Мономах на охоте», когда, например, его вместе с конем валит рысь?

Всей Руси князь Владимир нравится. И характером хорош, и воин доблестный.

В это время его двоюродный брат Олег добивается отцовской волости – Черниговщины. Владимир спокойно отдает ему Чернигов и переезжает в Переяславль, что как раз стоит на границе с половецкими степями. Опять сражается с половцами, потому что те уже достали. И никакие попытки договориться с ними жить в мире ничего не дают. Приходится воевать не на жизнь, а на смерть.

Тот, кто правит государством, так или иначе берет в руки меч и воюет. На то государство и создано. «Это понятно, хотя и грешно, – рассуждает

Васька. – Государство – это всегда грешно. Но это не означает, что ничего не нужно делать. Нужно. Нужно стараться делать государство менее грешным, чем оно есть».

Владимир Мономах пытался так поступать. И у него это получалось, как ни у кого другого. Он выпускал из плена своих врагов, да ещё и одаривал их подарками. За всю историю своего правления он не пошел войной ни на одно чужеземное государство. Наказывая русских князей за вероломство, он единственный, кто заслужил название «братолюбца». Но и грехов у него хватало. На его совести одна очень скверная история.

В Переяславль прибывают два половецких князя – Китан и Итларем – договариваться о мире с русскими. Китан со своими воинами останавливается за городом, а Итларем со своей свитой приезжает прямо в Переяславль. В лагерь к Китану в качестве заложника отправляется сын Владимира – Святослав. А тут из Киева от великого князя Святополка приезжают посланники и уговаривают князя Владимира: «Убить половцев, и дело с концом». Князь Владимир не соглашается. А ему все вокруг твердят: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву не убивать этих непрошеных гостей. Они сами дают клятву, а потом губят русскую землю, проливают христианскую кровь».

Советчики берут верх. Воины проникают в половецкий стан, что расположился за городом, освобождают заложника Святослава, сына Владими-

ра, а Китана и его людей убивают. Расправляются и со вторым половецким князем Итларом. Приглашают его вместе со свитой позавтракать. И через отверстия, сделанные в потолке, расстреливают...

Как честный человек и христианин, Васька Курочкин устраивает над Владимиром Мономахом суд совести.

– Чувствуешь ли ты, князь, свою вину за это вероломное нападение на половецких князей, которые пришли говорить о мире?

– Да... моя вина есть.

– Как ты мог?

– Они всегда были вероломны... Они убивали наших людей, оскверняли церкви. Мы сделали это для блага Отечества.

– А для блага ли Отчества ты убивал русских людей в других княжествах и жег русские города?

– Было это...Я сам все рассказал...Я покаялся...

– Цицерон...(Васька заглядывает в книгу) Да, правильно, Цицерон... Так вот он сказал: «Век извиняет человека». Я, Васька Курочкин, с Цицероном не согласен. В любой век, даже в самый жестокий, каждый – и царь, и его подданный, должен помнить: он человек, великое создание Бога, Его подобие...

Половцы жгут окрестности Киева, врываются в Печерский монастырь, оскверняют христианские святыни. Владимир и великий князь Святополк зовут князей в Киев, чтобы решить, как всем вместе пойти на половцев. Все согласны приехать на кня-

жеский съезд. Все, кроме заносчивого князя Олега. Олег – двоюродный брат Владимира и крестный отец его сыновей Изяслава и Мстислава. Олег вообще ведет себя нагло: захватывает Муром и Суздаль, города, которые принадлежат князю Изяславу.

И тогда между Олегом и Изяславом, между крестным отцом и крестным сыном разгорается сеча, в которой совсем молодой князь Изяслав, сын Владимира и внук англосаксонского короля Гарольда, погибает…

Отцы всегда рвутся мстить за своих убитых сыновей. Сердце князя Владимира разрывается от горя. Но мстить Олегу он не станет. И не только он. Его сын Мстислав тоже не хочет мстить за брата. Он предлагает Олегу, своему двоюродному дяде, чтобы тот вернул захваченные земли, заключил мир с Владимиром. А Олег в ответ готовится к нападению на Новгородскую землю, которой владеет Мстислав. Дело идет к войне.

И вот дядя и племянник, крестный отец и второй его крестный сын встречаются на берегу реки, чтобы биться на смерть. Четыре дня стоят воины Олега и Мстислава напротив друг друга, и каждый не решается начать бой первым. Может, Олег вспоминает, как крестили Мстислава, и он держал его, маленького, на своих руках? Может, об этом же думает и Мстислав, который пытается все закончить миром? Четыре дня стоят русские полки, которые славят Христа и в то же время готовы в смертельной схватке уничтожить друг друга. И грех

побеждает: на пятый день разгорается бой. Олег видит, как над головами дружинников Мстислава развевается знамя Владимира Мономаха. Не сам ли Владимир пришел со своими воинами на помощь сыну?

Кровопролитная сеча продолжается. Воины Мстислава теснят противника и одерживают победу. Олег бежит... Бежит за пределы русской земли.

Враг посрамлен. Можно ликовать, праздновать победу. Но Мстислав – победитель посылает своему крестному отцу такие слова: «Не бегай больше. Возвращайся. Будет у тебя волость». И князь Владимир, который и в силе, и в славе, пишет Олегу, который повержен, опозорен, всего лишился, пишет тому, кто виновен в смерти его любимого сына Изяслава.

Таких писем, считает Васька, в мировой истории больше нет. И если вдруг когда-нибудь какой-нибудь ученый скажет, что письмо Мономаха поддельное, никто не удивится. Потому что правители вообще не способны на такие письма к врагам, да еще и к личным. Врагов уничтожают, врагам мстят, а не пишут письма про покаяние и прощение. Письмо Мономаха – из мировой Красной Книги Совести. Такой книги нет, потому что нет мировой совести. Но книгу такую начнут издавать, как только Васька станет императором. Книга будет открываться Посланием Владимира Мономаха к Олегу. Вот из него выдержки:

«Меня принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил... Он говорит так: «сладимся и

примиримся ..., не будем ему мстителями, возложим все на Бога». Увидев такое смирение сына моего, я умилился и устрашился Бога: сын мой в юности своей и в безумии так смиряется, на Бога всё возлагает, а что я делаю? Грешный я человек! Грешнее всех людей!

Господь наш, Бог Вселенной, что хочет, то и творит в мгновенье ока, а претерпел же хуление, и плевание, и ударение, и на смерть отдался, владея жизнью и смертью. А мы что, люди грешные? Ныне живы, а завтра мертвы, ныне в славе и чести, а завтра в гробе и без памяти. Посмотри, брат, на отцов наших: много ли взяли с собою, кроме того, что сделали для своей души?

Тебе бы следовало, брат, прежде всего прислать ко мне с такими словами... Когда убили дитя моё и твое, когда ты увидел кровь его и тело, увянувшее, как цветок, только что распустившийся,.. подумать бы тебе, стоя над ним: «Увы! Что я сделал? Для неправды света сего суетного взял грех на душу, отцу и матери причинил слёзы». Сказать бы тебе тогда по-давыдовски: «Я знаю грех мой, он предо мною!».

Богу бы тебе тогда покаяться, а ко мне написать грамоту утешную, да сноху прислать, потому что она ни в чем не виновата. Я бы с ней оплакал мужа её и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде ни их радости, ни их венчания...Я поплачу с ней и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом дереве, а сам утешусь о Боге. Удивительно ли, что мужчина убит в бою? Суд пришёл ему от Бога, а не от тебя!

Если начнешь каяться перед Богом и ко мне отнесешься добросердечно, пошлешь посла своего или епископа, письмо напишешь с обещаниями мира, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше заживём мы, чем прежде: я тебе не враг, не мститель».

Такое письмо мог написать только истинно христианский князь, да ещё, может быть, он, Васька Курочкин. Не приведи, Господи...

Наконец, князья собрались все вместе в городе Любече. Приехали киевский князь Святополк и Владимир, приехал даже Олег с братьями, приехали волынский и червонорусские князья. Все говорили горячо и правильно. «Зачем губим мы русскую землю? Зачем враждуем между собой? Половцы радуются, что мы друг с другом воюем».

Решили твердо, кто какими волостями будет владеть. Все целовали крест и клялись: если кто из князей нападёт на другого, то все должны ополчиться на того, кто это сделал.

Сдержали князья свою клятву? Как бы не так! Как ни клянись, а если душа завистлива и подозрительна, она себя проявит. Потому что во главе этой души стоит грех. Волынский князь Давид целовал крест и крестился и в эти же самые минуты люто ненавидел князя Василька и мечтал присвоит себе его земли. И стал нашептывать киевскому князю Святополку, что Василёк в заговоре с Владимиром, они хотят забрать у Святополка киевский престол.

Святополк, как известно, умным не был, а по-

дозрительным был. Натравленный Давидом, он позвал Василька к себе на именины. А потом бедного и невинного князя Василька ослепили, вынули ножом оба глаза, один за другим...

Услышав об этом раньше других, князь Владимир пришел в ужас и залился слезами: «Этого никогда не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших... Если это не поправим, то большее зло явится среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет Земля Русская».

Князь Святополк на вопрос: «Зачем ослепил брата?», ответил, что, по словам Давида, Владимир и Василёк в заговоре против него и хотят захватить Киев. И вообще Василька ослепил не он, а Давид.

Князь Владимир был в ярости и, собрав с двумя князьями войско, повёл его на Киев. В Киеве поднялась паника. Навстречу Владимиру вышли его мачеха-княгиня, последняя жена его отца, покойного князя Всеволода, и митрополит. Они стали просить Владимира о пощаде. Просить долго не пришлось. Владимир тут же расплакался. «Воистину отцы и деды наши сохраняли землю русскую, а мы хотим погубить её». Потребовал только Владимир, чтобы Святополк сам наказал Давида за Василька.

Пройдет немного времени, и слепой Василёк начнет мстить. Его воины сожгут город Всеволож, и Василек прикажет истребить всех жителей.

Грустно было все это Ваське знать и жалко было Мономаха. Но что он должен был делать? Конеч-

но, до мысли создавать одно-единое государство он не созрел. Он жил сегодняшним днем и охранял то, что было. Что бы делал на его месте Васька? Собрал бы всех этих Милославичей, Святославичей и Ярославичей в кучу? А это можно было сделать только железом и кровью, как делается во всем мире. Но это не выход.

Вот Россия в конце XX века распалась на отдельные княжества. До распадения эта была империя, которую никто не любил и все боялись. Это было одно большое зло. Конечно, добро тоже было, но оно было робким и в загоне. Потом империя зла распалась. И сделал это не один человек, и не два, и даже не какое-нибудь враждебное государство. Она распалась, потому что устала от собственной злости, распалась, как и все другие великие империи зла. Рано или поздно зло распадается.

Империя разделилась на отдельные княжества и отдельные злинки. Старое добро исчезло, растворилось, забылось. Каждое княжество возомнило себя империей. Одна мини-империя начала быстренько строить капитализм, другая стала говорить только на своем языке и отправила сказки Пушкина в учебник по зарубежной литературе...

В общем, опять начали не с того, не с Божеских законов. Правда, стали строить церкви, мечети, синагоги. Все надели кресты, платки и маген-Давиды. Правители по телевизору молятся. То есть Бога признали и приняли внешне, но никак не внутренне. Зла опять стало много. Во всем злом винят либо чужеземные страны, либо людей чужих нацио-

нальностей. А сами ни в чем каяться по-настоящему не хотят, потому что считают, что не в чем!

А вот Мономах каялся. Но Мономахов в нынешних обществах нет. Да и в своем древневековом он тоже был белой вороной среди всех злодеяний, козней и борьбы за власть. Он со всеми хотел жить в мире, даже с половцами. И прежде чем воевать, пробовал все пути, все возможности. Он заключил с ними девять мирных договоров! Чем он их только не брал! Какие дарил подарки! Русских князей женил на половецких красавицах! Всё без толку! И уж если приходилось ему воевать, то воевал по-страшному.

В 1103 году Владимиру удалось собрать первый наступательный поход на половцев. Русские одержали победу. А через четыре года еще один поход. Русские полки вышли к Дону и разбили половцев прямо в их степях. По преданию, Мономах пил воду из Дона, черпая её своим золотым шлемом. Тогда слава о подвигах Мономаха и его воинах прошла по всем народам: чехам, полякам, грекам, дошла до самого Рима. С тех пор половцы надолго ушли с русской земли.

Умирает киевский князь Святополк. Ничего особенного для Руси он так и не сделал. Все самое важное решал за него Владимир. Но, узнав о смерти Святополка, Мономах плакал. Князю Владимиру уже 60. Двадцать лет правил он разными волостями. Русь его любит и хочет видеть киевским князем. Был молодой – отказался от великого княжения. И после смерти Святополка опять то же самое – отказывает-

ся от главного российского престола. Несмотря на то, что киевское вече его избирает.

В Киеве, оставшемся без князя, начинают грабить дома и торговые лавки. Перепуганные жители отправляют послов к Владимиру. «Спаси нас от неистовства черни, спаси от грабителей дом печальной супруги Святополковой, собственные наши дома и святыню монастырей».

И Владимир приезжает в Киев. Начинает свое великое княжение. Правит двенадцать лет, до самой смерти. Летописцы и ученые назовут это время самым мирным и цветущим на Древней Руси. Иноземцы Русь не беспокоят. Князья не ссорятся. Если кто принимается за старое, то на первый раз Владимир прощает, на второй – наказывает.

Киевская Русь – как единое государство. Владимира называют самодержцем, царём. Уже после его смерти родится красивая легенда, как император Византии прислал ему дары: крест животворящего дерева, золотую цепь и бармы, сердоликовую чашу, из которой пил сам римский император Август, а также золотой венец Константина Мономаха, его деда. Венец назовут шапкой Мономаха. Ею будут венчать на царство всех русских царей. Но ученые говорят, что сделали её татарские мастера, и было это совсем не во времена Владимира Мономаха, а позже, в четырнадцатом веке.

Но даже если Мономах эту шапку не надевал – не велика беда. Его письмо к Олегу и «Поучение», которое он написал перед смертью, поважнее этой самой шапки.

Сам он меньше всего был похож на великого

князя, одетого в парчу и золото. Носил простую одежду. Ел мало, но любил угощать гостей разными яствами и смотреть, как они это всё едят.

Что делает правитель, пока он у власти? Не теряя времени, копит богатства, чтоб хватило и себе, и детям, и внукам. Мало ли что может произойти завтра? Копили богатство и многочисленные родственники Владимира. А он над казной не трясся. Золото и серебро раздавал обеими руками. Нищим разрешал ходить по своему двору и брать все, что им нужно. А больным приказывал развозить припасы по дворам. И чем больше он раздавал, тем богаче становилась его казна. Как это получалось, сказать трудно. Может, потому что умел щедрость совмещать с умением хорошо вести хозяйство. Сам жил строго. Дома бывал мало, часто путешествовал...Он так вел себя, что другие смущались вести себя иначе и сами возле него становились лучше.

Ещё он строил красивые церкви, велел перенести мощи святых князей Бориса и Глеба из старой церкви в Вышегородский новый каменный храм. Молодые князья Борис и Глеб были убиты в междоусобных войнах. Они стали покровителями Руси и её воинства.

Князь Владимир знал, что значит каяться по-настоящему. И Васька уверен, что по ночам он молился и плакал от горечи и стыда. Наверняка, вспоминал двух половецких князей, которых русские вероломно убили, наплевав на законы чести и гостеприимства. Может, судил себя за то, как, нака-

зывая князей за измену и злодеяния, отбирал у них земли и отдавал своим сыновьям.

В своем «Поучении» расскажет всё, что творили в Минске его солдаты, как расправлялись с жителями города, как он выпустил из плена сто лучших половецких князей, а более двухсот казнил и потопил в реках. «Не осуждайте меня, дети мои или кто другой... Не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и дурного, столько лет оберегал от смертного часа».

Свое «Поучение» Владимир Мономах напишет для детей и для всех, кому это интересно. А кому это интересно сейчас? Наверное, историкам, мало интересно школьникам и совсем не интересно президентам. Может быть, русские цари в это «Поучение» и заглядывали. А для тех, кто правил Россией потом, это было лишним. И пусть кто-нибудь докажет Ваське, что это не так. Во-первых, само имя «Мономах» напоминало слово «монах», а таких слов в советском языке не было. Во-вторых, заглядывать в Древнюю Русь и учиться там, как править государством... Вы уж извините...

Васька будет первым, кто издаст «Поучение» Мономаха миллионным тиражом и обяжет каждого губернатора держать на столе и периодически перечитывать.

Многие правители писали и пишут мемуары. Рассказывают, как нужно управлять государством, как много хорошего они лично для этого государства сделали. О своих темных делах умалчивают. А если не умалчивают, то только потому, что счи-

тают их светлыми. Книга Мономаха совсем о другом. Она о том, что надо быть добрым. Такое прямодушное, почти детское «Поучение» мог сочинить либо наивный ребёнок, либо выживший из ума старик. Сам князь Владимир так и пишет: если, мол, моя писанина вам не понравится, скажите себе: «старик уже ослабел разумом».

Мономах рассказывает, что делал плохого в жизни и кается, как иудейский царь Давид, который сочинял псалмы. Не зря в начале он переписывает чуть ли не весь Псалтырь, где вместе с Давидом хвалит Бога и воспевает красоту Вселенной, которую Бог создал. А поучает он вот чему. Бог любит людей и страдает от их грехов; в жизни ничего не надо бояться – ни войны, ни смерти, а надо уповать на Бога. Хранение Божие надежнее человеческого; все люди рано или поздно умирают, и поэтому нечего гордиться друг перед другом своим званием и достоянием. Звания и достояние – от Бога и даются на короткое время; нечего копить богатства, т а м это не нужно; надо много учиться и читать, остерегаться лжи, пьянства и блуда; не надо никогда засыпать без земного поклона, а если чувствуешь себя нездоровым, поклонись в землю три раза; надо защищать сирот, вдов и бедных, не давать сильным губить слабых, посещать больных и не бояться смотреть на мертвых; почитать старших, как отцов; каждого встречного обласкать добрым словом, а если встретишь бедного, – накормить его и напоить...

В общем, древневековые поучения... Но разве они уж совсем нам не подходят? И разве они годятся только для детей? Еще Христос учил: будь-

те, как дети. Если бы нынешние правители были, как дети, то разве было бы то, что есть?

... Но Васька Курочкин должен расспросить Владимира Мономаха еще кое о чем для себя жизненно необходимом.

– Что для императора самое важное?

– Для императора, как и для любого другого, важны три вещи: слезы, покаяние и милостыня.

– Слезы? Плачущий император? Это не мужское занятие!

– Мужское и... императорское. Я был в 83 походах, спал на сырой земле, не снимал на ночь боевых доспехов. Но я знаю, что такое слезы...

– Ты плакал...

– Да, когда погибали невинные. А потом я плакал о смерти тех, кто виновен. Богу угоден плачущий император, а не убивающий.

– Значит, ты против смертной казни?

– Да. Нельзя убивать ни правого, ни виновного. Если даже преступник достоин смерти, то и тогда не следует губить душу. Жизнь и душа человека священны.

– Какая главная добродетель императора?

– Страх Божий и любовь к человечеству. О слезах, покаянии и милостыне я уже говорил. Ни постом, ни монашеством нельзя так заслужить милость Божию, как этими малыми делами.

– Какой из пороков самый главный?

– Лень – мать всех пороков. Нельзя лениться ни на что хорошее. Солнце не должно заставать тебя в постели.

– Какие вопросы должен задавать себе император?

– Те, которые задавал мне киевский митрополит Никифор: **«Всё ли ты сделал для своего народа? Не обидел ли кого? Кто наказан, кто изгнан тобою? Не клевета ли погубила этих несчастных? Не слышен ли от твоих дел детский плач? Не затевал ли ты ненужной войны?»** Великая власть требует великого отчета.

– Значит, церковь должна помогать управлять государством?

– Церковь должна быть подле государя, напоминать ему о его долге перед Богом и людьми, она не должна допускать, чтобы государь нарушал заповеди Божьи...

...Было ему 72 года. Однажды, больной и слабый, он поехал на то место, близ Переяславля, где когда-то убили князя Бориса, и он велел построить там красивую церковь. Вот здесь он и умер. Тело его привезли в Киев и похоронили в храме святой Софии. Плакали о нем и князья., и смерды, и монахи, и священники.

... А Васька Курочкин все ещё мечтает стать императором, или великим князем, или президентом. Какая разница, как это назвать? Он верит, что Россия может стать, как ребёнок, доверчивой и милосердной. И покается, как древнерусский князь Владимир Мономах. А с чего начать и что делать, Васька знает. Его империя начнется с поисков Царства Божия, а всё остальное приложится...

«МОЖНО ВСТАТЬ И ПОЙТИ...»

Тёма стоял у окна и смотрел на старую яблоню. Еще немного, и она зацветет и засыплет весь подоконник белыми лепестками. День обещал быть солнечным. Значит, после школы можно посидеть на балконе и порисовать.

– Тёма! Завтракать! Мы опаздываем! Пошевеливайся!

Тёма, переставляя костыли, поковылял на кухню.

– Какая сегодня славная погода! Кстати, 1 апреля ... Помню, как мы в детстве разыгрывали и дурачили друг друга в этот день...

Тёма слушал маму рассеянно. «Остаться бы сегодня дома, так не хочется в школу...».

Виктория Ивановна словно подслушала его мысли:

– У тебя какое-то нешкольное настроение... Давай, допивай свой чай...Мы сегодня точно опоздаем.

Она возила Тёму в инвалидной коляске, школа была недалеко. А дома и в классе он ходил на костылях. Сегодня они действительно приехали позже обычного. В классе было шумно, все кричали, перебивая друг друга. Виктория Ивановна помогла Тёме подняться с коляски, взять костыли.

– Будь умничкой... К концу уроков постараюсь не опоздать.

Она поцеловала его и повезла коляску в вестибюль, где её обычно оставляла.

Тёма направился к своему месту, и тут Вера Калмыкова радостно и удивленно воскликнула:

– Ой! Смотрите! Вот это да! Ноги!

– Что ноги? – переспросил кто-то.

– У Тёмы... ноги! Ноги... выпрямились! Ровные! Честное слово! – кричала Вера.

Все замерли. Тёма почувствовал, как что-то ударило его изнутри, и сердце бешено заколотилось. Он боялся пошевелиться и только широко раскрытыми глазами смотрел на Веру, но у нее было такое счастливое и искреннее лицо, что Тёма медленно перевел глаза вниз... Ноги были, как всегда. Выкрученные в разные стороны, словно искривленное толстое колесо. Класс оцепенел... Тёма стоял белый и не двигался. Потом медленно, сгорбившись, пошел на свое место, рухнул на стул, отбросив костыли, которые с грохотом упали на пол, и разрыдался... Все молчали. Такой страшной тишины класс еще не знал.

– Ну, что вы...что вы все так..., – растерянно заговорила Вера, – я же пошутила... Сегодня же... 1 апреля и... можно шутить! Тёма!

– Ты...дура! Дура! Ненормальная! – заорал кто-то.

Лавину прорвало... Поднялся страшный крик. Все обступили Веру, и каждый с гневом высказывал все, что он о ней думает. Тёма сидел один, опустив голову на парту, и плечи его содрогались от рыданий.

Никто не слышал звонка и не заметил, что Иван Иванович, учитель по литературе, уже в классе. Толстый, спокойный, всегда ко всему равнодушный, Иван Иванович, по прозвищу «Две Ванечки», сел за стол и терпеливо стал ждать, когда все угомонятся. Класс постепенно стих, все расселись по местам, и только всхлипывания Тёмы нарушали тишину. «Две Ванечки» не стал вмешиваться, не поинтересовался, что произошло. Он глубоко вздохнул и мягким голосом объявил следующую тему: «Лирика поэтов Х1Х века»...

Вечером Виктория Ивановна заметила, что Тёма чем-то расстроен, но расспрашивать не стала. Захочет – расскажет сам. Перед сном Тёма неожиданно сказал:

– Мама, наверное, уже ничего не получится...

– Тёма...отчего ты так? Что случилось?

– Ничего не случилось... Просто мне подумалось, что... все напрасно.

– Тёма, милый, ты не должен отчаиваться... Наберись еще терпения...Ведь ты же сильный. Пожалуйста... Иначе..., иначе я тоже начну сдаваться...

– Я постараюсь... И ты не сдавайся, – Тёма улыбнулся, обнял и поцеловал маму. – Уже все хорошо...Спокойной ночи...Я тебя очень люблю...

После каждой операции, которые заканчивались неудачно, Тёма с нетерпением ждал следующую. «Что же произошло сейчас? Он стал терять надежду?»– думала Виктория Ивановна. Надежду теряла она, но Тёма не должен был об этом знать.

Они ждали еще одну операцию. Её будет делать очередной «известный хирург». И может быть, она станет последней, а значит удачной. С этой мыслью Тёма и Виктория Ивановна ложились спать, с этой мыслью вставали... Но в последние дни Тёма стал всего бояться: операции, своих ног, школу и даже ...маму, у которой в глазах появился страх.

Накануне он слышал, как соседка тетя Лиза, что жила напротив, советовала маме:

«Читала объявление в газете? Чудо-целитель! Забыла, как его...Их столько развелось... Но этот, говорят, – настоящий волшебник. Лечит гипнозом и еще чем-то... На ноги ставит всех, кто годами в постели лежал! Народу у него – уйма! Отправляйся с Тёмой к нему! Еще можешь и не попасть... Надо же что-то делать, если врачи ничего не могут!

Не поможет он, к знахарям, колдунам идти надо... У них свои методы лечения. Все надо пробовать. Или, на крайний случай, в церковь сходи, свечку поставь... Не помешает».

«Да я готова и в Бога, и в кого угодно поверить, лишь бы мой сын выздоровел»,– говорила мама.

Была суббота. Виктория Ивановна ушла, и Тёма с нетерпением ждал её возвращения. Она принесет почту, а там может быть письмо... О дате операции обещали сообщить письменно. Может быть, оно уже лежит в ящике... А что если... спуститься самому? Они живут на втором этаже. Ступенек не так уж много. Последний раз он шел почти сам. Мама его только чуть-чуть поддерживала. Тёма

медленно вышел в коридор и осторожно стал спускаться. Но вдруг костыль зацепился за перила. Тёма попытался выдернуть его, но костыль упал на ступени и покатился по лестнице. Держась за поручни, он с надеждой ждал, что кто-нибудь из соседей откроет дверь, услышав грохот. Но никого не было. «Сколько же мне так стоять? – с тоской думал Тёма. – Кто-нибудь же обязательно выглянет или зайдет в подъезд», – успокаивал он себя.

Шло время, но никто не появлялся. Руки его занемели, так крепко держался он за перила. Он не знал, сколько прошло времени, но вот хлопнула дверь в подъезде, и кто-то стал подниматься наверх. Это был Володя, с третьего этажа, и он сразу все понял ... Володя помог Тёме зайти в квартиру, усадил в коляску.

– Ты не спешишь? Посиди со мной, – попросил Тёма.

Володя был намного старше. Он уже закончил школу и консерваторию. Он был гордостью своей семьи и всего подъезда. Его мама была уверена, что Володя станет пианистом с мировым именем. Но Володя совершил поступок, который ввел в шоковое состояние его родителей и в полное недоумение жителей подъезда. Неожиданно для всех он захотел стать священником и поступил в духовную семинарию. Родители были в отчаянии. А тетя Лиза, которая обо всех все знала, считала, что Володя был странный с самого детства: никогда не дрался и всегда вставал в присутствии старших.

«Это где вы такое видели! Мальчик из еврей-

ской семьи принимает крещение и хочет стать священником!» – говорила она каждому, кого встречала в подъезде. А Володиных родителей она успокаивала:

«Радуйтесь, что в монастырь не пошел... А то стал бы монахом... Единственный-то сын!»

По вечерам Тёма слушает, как Володя, который живет над ними, играет на пианино. «Молоденький попик музицирует, – говорит мама, – но, видимо, в духовной семинарии стипендия выше, чем в консерватории»...

– Ты зачем выходил из квартиры? – спросил Володя.

– Жду письма на очередную операцию... И не было терпения маму дождаться. А она пошла узнать... про какого-то целителя. Он к нам в город приехал. Говорят, всех лечит, чудеса какие-то делает.

Володя помолчал немного, а потом сказал:

– Да... Людям всегда нужны чудеса.

– А разве это плохо? Или чудеса ... это все выдумки?

– Чудо очень часто может оказаться выдумкой или...подделкой.

– Значит, настоящих чудес не бывает?

– Самое главное и единственное чудо – это Бог...

– И Он..., если... если Он есть, то может делать чудеса и лечить больных?

Володя не отвечал, он смотрел в окно, и, казалось, думал о чем-то своем.

– Ну, скажи же мне, Бог может лечить больных?

– Бог может все...

– Если бы Он меня вылечил, я бы в Него поверил...

– Так многие думают...Бог, покажи нам чудо, и тогда мы в Тебя поверим... А иначе чего верить-то? В то, что не видишь собственными глазами? Это глупо...

– И все-таки, было такое, что Он лечил больных? – спросил Тёма.

– Да, конечно...Иисус Христос исцелял тяжелобольных. И кто только к Нему не обращался! И слепые, и хромые, и калеки, и парализованные... И женщина, у которой болела дочь, и офицер, у которого болел слуга...Ему было их всех жалко, и Он поистине творил чудеса...Он воскресил мертвую девочку и единственного сына вдовы, которого уже несли хоронить...

– Но это же ... как в сказках! Это же против природы! И ты в это веришь?! – воскликнул Тёма.

Володя долго молчал, словно собирался с мыслями, а потом внимательно посмотрел на Тёму.

– Я хочу, чтобы ты попытался понять, как я это понимаю...

Бог создал Вселенную. Он – автор законов природы, тех законов, которые изучают ученые. И современная наука уже много знает о Вселенной, но, может быть, она не всегда учитывает то, что в этой Вселенной каждую секунду присутствует Бог,... что мир как бы пронизывается Его светом...

И если Бог может изменить обычный ход событий, то это не говорит о том, что Он нарушает законы природы, которые Сам создал.

Может быть, это говорит о том, что мы не все законы знаем, что во Вселенной существуют внутренние духовные законы, которые для нас – тайна, и человеческий разум не в состоянии их понять. А когда мы не понимаем, когда это не укладывается в наши привычные представления, мы тут же называем это сказками... Но я верю в то, что Бог продолжает творить мир дальше, творить его по – своему... А если это так, то чудеса возможны...

– И ты веришь в то, что Христос воскрешал мертвых...

– Иисусу Христу все это было непросто... Он ни к кому не притрагивался волшебной палочкой. Он горячо обращался к Богу-Отцу, прежде чем это сделать. И Его любовь к людям, и прежде всего Он сам, как Сын Божий, делали это...

– А если бы я жил тогда, Он бы вылечил меня? – тихонько спросил Тёма.

– Ты бы к Нему пошел, чтобы Он тебя исцелил?

– Я бы пошел...

– Тебе нужно было бы от Него только... здоровые ноги?

– Ну, да... А что же еще?

– К Нему приходили разные люди... Приходили и такие, которые хотели от него только одного – получить здоровье и больше ничего. И Ему было обидно...Обидно, что они ждут от Него только физического чуда и смотрят на Него, как на исцели-

теля... А Он, помимо здоровых ног, слуха, зрения, хотел ещё поить их живой водой...Хотел, чтобы они стали лучше, чтобы они не грешили, чтобы жили по законам любви, чтобы в сердцах этих людей проснулись вера и надежда.

– Значит, Он лечил не только хороших людей?

– Нет... Он лечил всех, кто к нему обращался... Даже страшных грешников. А потом Он им говорил: «Вот теперь иди и не греши больше...».

Щелкнул замок в двери. Это пришла Виктория Ивановна. Она удивленно посмотрела на Володю.

– Извините... Я зашел случайно, – смутился Володя.

– Ну, зашел, так чай будем пить...

Взглянув на Тёму, она сказала:

– Письма еще нет...

Молча попили чай, потом Володя ушел.

– Зачем он приходил? – спросила мама.

Тёма ей все рассказал, и о том, как пытался спуститься вниз, и о чем они говорили с Володей.

Через три дня был назначен сеанс у целителя – гипнотизера. Виктория Ивановна раздумывала: стоит ли все-таки везти к нему Тёму? «Может, сначала пойти в церковь и поставить свечу...на всякий случай», – думала она.

На следующий день после работы Виктория Ивановна отвезла Тёму домой, а сама зашла в церковь. Служба подходила к концу. Она купила самую дорогую свечу и растерянно оглядывалась по сторонам, не зная, перед какой иконой её поставить.

– Скажите... А где тут на иконе Бог? – спросила она женщину, стоявшую рядом.

– А Бог, милая, везде... Ты о чем хочешь попросить Господа?

– Я хочу, чтобы моего сына вылечили...

– Тогда поставь три свечи: Иисусу Христу, вон икона с правой стороны..., Богородице, Матери Божьей, «Всех скорбящих радости», что слева, и обязательно Николаю Угоднику...Он великий чудотворец, по его молитвам больные исцеление и получают...

Виктория Ивановна купила еще две свечи и сделала все, как сказала женщина.

К гипнотизеру – целителю Тёму она не повезла, в последний момент передумала и сама себе не смогла объяснить почему. Через неделю пришло письмо, в котором стояла дата операции. Чем ближе подходил операционный день, тем тревожней становилось на сердце у Тёмы. Казалось, они с мамой поменялись местами. Он нервничал, а мама ждала ее, как избавление от всех бед.

Операция длилась несколько часов. Прошел месяц, и стало ясно: она не помогла, как и прежние... Однажды, холодным осенним днем, возвращаясь домой после работы, Виктория Ивановна встретилась во дворе с Володей.

– Ну и где твой Бог? – спросила она. – Где Он? Я ходила в церковь, я ставила свечи, я просила Его... Ну и что? Что толку? Мой ребенок по-прежнему калека... А врач– целитель, у которого мне был назначен прием, уехал, и я его упустила ...

Володя молчал.

– Сказки все это, мой мальчик… Сказки… Даже если Он есть, то…я не знаю, почему Ему все равно, что страдает мой Тёма…

Голос у Виктории Ивановны задрожал, и она заплакала.

– Я провожу вас.., разрешите, я возьму ваши сумки, – сказал Володя.

– Нет, не надо… я сама…Я не хочу, чтобы ты опять начал разговаривать с Тёмой и внушать ему надежду… Надежды уже нет…

– Она есть…, – тихо сказал Володя, – честное слово, есть….

– Даже «честное слово»… Глупенький ты, Володя… Прости меня, но…уж лучше бы ты был музыкантом.

И Виктория Ивановна пошла к подъезду.

Пришла зима. Виктория Ивановна по-прежнему возила Тёму в школу. Как-то в один из дней, когда она была дома, раздался телефонный звонок. Это был Володя.

– Простите меня, Виктория Ивановна… Пожалуйста, простите…Но я бы очень хотел поговорить с Вами…

– Володя, ну… не о чем нам с тобой разговаривать.

– Я очень прошу вас… Не откажите мне.

– Ну, хорошо… Но я не хочу, чтобы при нашем разговоре был Тёма, поэтому приходи сейчас.

Виктория Ивановна не без удовольствия смот-

рела на Володю. Белолицый, с темно-каштановыми глазами... Отрастил волосы, отпустил небольшую кучерявую бородку. Получился этакий молоденький князь из Киевской Руси.

– И о чем мы будем с тобой говорить?

– Виктория Ивановна... Я верю, что вы..., что мы все ...можем помочь Тёме.

– Чем? Ты хочешь послать меня в церковь? В церкви я уже была... Ничего не изменилось.

– А ничего и не могло измениться... Иначе это было бы очень просто. Пошел в церковь, поставил свечу... Вот это я тебе, Господи, а теперь Ты мне... Купля–продажа. Простите меня, Виктория Ивановна, но вы пошли в церковь не потому, что искренне поверили в Бога, захотели иметь Его в своем сердце... Вы пошли с надеждой: поставлю свечу, постою у икон, попрошу... Вдруг поможет. Но в душе не очень верили в то, что что-нибудь из этого получится... И действительно ничего не получилось. Операция не помогла.

«Ах, вот как, – стали думать вы о Боге, – Ты не слышишь, Ты не хочешь... А может быть, Тебя вообше нет...И скорей всего нет...Потому что, если бы Ты был, то не допустил бы, что мой единственный сын – калека...»

– Володя, в церковь я больше не пойду. И знаешь еще почему... Даже не потому, что я в Бога верю слабо. А потому, что это нехорошо... Я никогда к Нему не обращалась и вдруг сейчас, когда мне особенно тяжело, буду Его о чем-то просить... Да Он меня и не услышит. Может быть, если мо-

лятся глубоко верующие люди, с ними происходят какие-то чудеса, а у меня ничего не получится.

– Нет! Это совсем не так! Бог ждет каждого! В любой момент! И когда тебе хорошо, и когда тяжело. И если даже ты всю жизнь не знал Его, и вдруг пришел этот момент, и ты позвал Его робко, смущенно, – Бог обрадуется, как ребенок!

– Бог может радоваться, как ребенок? – усмехнулась Виктория Ивановна.

– Да! Он и радуется, и страдает, и гневается... как все мы... Вы верите в то, что Иисус Христос – это не мифическая личность, что Он действительно был?

– Я читала, что большинство современных ученых считают, что Христос – это личность историческая.

– Вот странно! О великих древнегреческих и древнеримских ученых, писателях мы знаем намного меньше, чем о Христе, но никто никогда не сомневается, что они действительно были! А Иисуса Христа, о котором писали его современники, историки первого века, некоторые по сей день считают мифическим персонажем!

– Ну, хорошо... Он действительно жил, что же дальше..? – устало спросила Виктория Ивановна.

– Как-то Христос шел по улице, а за ним толпа... А в толпе была женщина. В течение многих лет она страдала кровотечением, и врачи не могли её вылечить... Она шла с одной мыслью: тихонько дотронуться до этого Человека, до Его одежды.... Ничего Ему не говорить, ни о чем не просить... Только

дотронуться... «Вот дотронусь, – думала она, – и... излечусь».

И дотронулась... Христос почувствовал это. «Кто коснулся меня?» – спросил Он. «Мало ли кто... Здесь столько народу толпится возле Тебя...», – сказали ему. И действительно, все Его толкали, теснили, касались... Но эта женщина коснулась не так. Иначе. И Христос это ощутил. Он продолжал спрашивать: «Кто это был?». И тогда она в страхе упала перед ним на колени и призналась, что украдкой решила до Него дотронуться, потому что верила: это её излечит. И Он сказал: «Иди с миром. Глубока твоя вера, и она тебя спасла!»

Вот также поверил в Него и один римский офицер. Он попросил Христа исцелить своего заболевшего слугу. «Я приду к тебе в дом и вылечу его», – пообещал Христос. И офицер сказал: «Я недостоин, чтобы Ты вошел в мой дом. Скажи только слово, и слуга мой исцелится».

Вера этих людей была глубокой, искренней, они доверились Христу без всякого сомнения в сердце. И Он для них был не просто исцелитель, от Него исходил особый свет, и они этот свет чувствовали. Его почувствовал даже римлянин, который не знал Единого Живого Бога, а поклонялся своим богам...

– Это все очень интересные истории. Но до чего же они далеки от нашей сегодняшней жизни, – вздохнула Виктория Ивановна.

– А современные целители, колдуны, экстрасен-

сы...Они действительно намного ближе, чем евангельские истории, – с горечью сказал Володя.

– Да...Они лечат людей, они им помогают... И сколько тому свидетелей!

– Да чепуха это все! – неожиданно тоненько и зло закричал Володя. – Они просто громко, с рекламой оболванивают людей! Настоящих чудес исцеления так не бывает! Истинное чудо приходит в тишине, в тайне, в покое...

Христос никогда не демонстрировал свои чудеса. Наоборот. Он говорил исцелённым: «Не рассказывайте никому». Он не хотел, чтобы люди пошли за Ним только потому, что Он лечит их телесные болезни. Он хотел, чтобы они пошли за Его словом, Его Истиной... Помимо Его воли исцелённые рассказывали всем, что с ними произошло...

Да, были люди и после Христа, великие праведники и целители, которые сначала лечили душу людей, а потом тело. Они были смиренные, кроткие, делали все это без денег, и по страстным молитвам этих людей больные получали исцеление....Истинные праведники не называли себя чудотворцами, больше того, они даже боялись этого дара – лечить людей. Боялись, что, начав творить чудеса, сами испортятся, станут гордыми, тщеславными...

Виктория Ивановна с интересом смотрела на Володю. Лицо у него раскраснелось, волосы растрепались, он их постоянно отбрасывал назад. А в глазах было такое желание убедить её в своей правоте, что она невольно подумала: «А он

будет неплохим священником. Люди его будут слушать...».

– Когда ты идешь к современному целителю, – горячо продолжал Володя, – тебе ничего не надо делать, знать, уметь! Возьми деньги и вперед! Это же не требует никаких усилий! А чтобы подойти к Христу и дотронуться до Его одежды, нужно... нужно самому как-то измениться. Поломать свои мысли, свой образ жизни! Заглянуть в себя и ужаснуться! Ужаснуться своей злости, зависти, жадности, гордости!

– Володя, не горячись... К нам это не относится. И мне, и особенно Тёме нечему ужасаться... Мы нормальные люди. Тёма уже хлебнул в своей жизни немало горя. Он растет без отца. Он калека. И он все равно очень добрый, мягкий человек. А я, как я...Я не знаю за собой больших грехов... Ну, ладно, Володя...Хватит на сегодня. Сейчас мне пора ехать в школу за Тёмой. Спасибо тебе...за все твои истории. Мне было интересно.

– Да...Я уже ухожу. Извините.., – Володя встал, направился к двери и, обернувшись, сказал:

– Виктория Ивановна, попытайтесь позвать... Небо, не бойтесь это сделать. Оно вам ответит... Честное слово.

– Ах, уж твое «честное слово»... Оно так мило и по-детски звучит, – засмеялась Виктория Ивановна.

Вечером, укладывая Тёму спать, она неожиданно для себя сказала:

– А сегодня Володя приходил.

Но Тёма, казалось, не расслышал. Он думал о своем.

– Мама, ты добьешься, чтобы был консилиум врачей?

– Я уже добиваюсь... Но это не так-то просто.

– Ведь правда же... Когда несколько врачей вместе решают, как надо делать, это же лучше, чем, когда один.

– Конечно, лучше... Я буду очень стараться, хотя пока ничего не получается. Но мне обещали помочь.

– Я слышал... Болела одна девочка, и собрался консилиум врачей. Они сказали родителям, что её надо вести за границу...Там её могут вылечить, – Тёма замолчал и виновато посмотрел на маму. Он понял, что сказал глупость: они за границу не поедут, потому что денег у них нет.

– А сегодня Володя приходил, – снова сказала Виктория Ивановна.

– Володя? – переспросил Тёма. – Зачем?

– Да так, просто...Спи, завтра поговорим.

Виктория Ивановна укрыла Тёму, потушила лампу и как всегда, наклонилась его поцеловать.

– Мам, а ты ...помолись за меня, – шепнул Тёма.

– Я ...не умею..., – сказала Виктория Ивановна.

– Может быть, спросить Володю, как это делается...

Виктория Ивановна не нашлась, что ответить, и только сказала:

– Ты спи... Мы об этом подумаем завтра...

Наступил день рождения Тёмы. Как всегда, пришли одноклассники.

– А если мы позовем Володю? – неуверенно спросил Тёма. И Виктория Ивановна согласилась. Володя принес ей цветы, а Тёме подарил книгу «Свет миру». Это была Евангельская история, пересказанная детям.

– Её написал священник Александр Мень, его убили, когда он направлялся на службу в церковь... Александра Меня многие знали и любили и не только в России. Я слушал его... И это осталось на всю жизнь, – сказал Володя.

После дня рождения Володя стал изредка бывать у Тёмы. Виктория Ивановна не противилась. Она видела, что Тёма радуется каждой встрече. Они играли в шахматы, обсуждали школьные дела Тёмы. Володя оказался веселым, остроумным и вполне современным молодым человеком.

Тем временем Виктория Ивановна тщетно добивалась консилиума. Тёму согласился посмотреть главный хирург города. Высокий, худой и неулыбчивый, он долго, тщательно осматривал Тёмины ноги, а потом сказал Виктории Ивановне, что Тёму больше мучить не надо, что ни одна операция уже ему не поможет. «И консилиум вам не нужен, – добавил он, – поверьте мне, ни у одного врача не будет другого мнения».

Виктория Ивановна почти ничего не рассказала Тёме, но он догадался сам. В эту ночь они оба не спали. Каждый плакал в своей комнате.

На следующий день пришел Володя и принес ореховый торт.

– По какому поводу? – спрашивает Виктория Ивановна.

– Просто так. Мы чай попьем...

За чаем Володя рассказывает о предстоящих весенних концертах симфонической музыки. Виктория Ивановна и Тёма слушают молча.

– Почему Христос других воскрешал, а себя от смерти не спас? – вдруг неожиданно задает вопрос Тёма.

– И действительно, почему? – переспрашивает Володя. – Многие тогда такой вопрос задавали. Вот висит Он на кресте, истерзанный побоями и глубоко страдает. И люди кричат Ему: «Ну и что же ты мучаешься? Спаси себя! Других спасал, а себя не можешь? И если ты сын самого Бога, чего же твой Отец своего сына не спасает? Сойди с креста, и мы в тебя поверим!» И, наверное, кто-то думал: а вдруг в самом деле сойдет, вот тогда можно будет и поверить...

– Но ведь он не сошел...

– Не сошел... И умер, как те два разбойника, которых распяли вместе с Ним.

– Но почему?! Ведь люди тогда бы поверили в Него! – восклицает Тёма.

– Да невозможно себе этого представить! Чтобы Иисус Христос, вот такой униженный, несчастный, беспомощный, вдруг в эти минуты под крики грубых людей сошел с креста... Это было бы неправдой. Это было бы каким-то громким и подделанным чудом... Это был бы не Христос...

Однажды дьявол уже искушал Его в пустыне, говорил ему: «Прыгни со скалы и не разбейся, и

люди за тобой пойдут... Купи их этим...» Но зачем? Прыгнуть, чтоб в тебя поверили? Зачем такая вера? Христос совсем не для этого приходил на землю, совсем не для таких чудес...

– А для каких? – тихо спрашивает Тёма.

– Божеское чудо и те чудеса, которых жаждут люди, совсем разные вещи. Людям нужно физическое чудо: чтобы тяжелобольной быстро выздоровел, чтобы хромой ходить стал...

– Так что же в этом плохого? – раздраженно спрашивает Виктория Ивановна.

– Ничего плохого! Наоборот! Мы все хотим быть здоровыми! Люди молятся об этом веками! Но...

– Что «но»? Что «но»?! Если люди молятся веками, просят Бога, так почему...почему тогда болеют невинные дети? – с горечью восклицает Виктория Ивановна.

Володя видит ее бледные дрожащие губы, усталые и печальные глаза... Он сжимает голову руками и говорит глухо:

– Я не знаю...почему болеет Тёма, почему болеют другие дети... Но я знаю, что Бог не хочет, чтоб они болели...И мне кажется, я... знаю, что нужно делать, когда они болеют.

– Что нужно делать? – безысходно и как-то почти равнодушно спрашивает Виктория Ивановна.

– Молиться... И днем, и ночью. И опять днем, и опять ночью... Даже тогда, когда губы заледенели и запеклись, звать Его на помощь.

– И как же долго нужно ждать этой помощи?

– Нужно ждать... Стучать в дверь и ждать, ког-

да её откроют...Я расскажу еще одну историю, если позволите...

– Не позволю,– недовольно говорит Виктория Ивановна. – Уже поздно. Тёме пора спать.

– Ну, мама, пожалуйста..., – просит Тёма.

– Я быстро...Она коротенькая... Можно?

– Рассказывай...

– Вот идет за Христом женщина и просит исцелить ее дочь. Он молчит, словно не слышит. А женщина бежит и умоляет. И вновь Христос не обращает на нее внимания. Но она не отстает, с плачем упрашивает Его помочь. И, наконец, Он поворачивается и говорит ей, что она – язычница, поклоняется идолам и не может получить благодать исцеления от Бога. А она все равно вопит и с отчаянием тянет к нему руки. И тогда Христос произносит такие слова: «Разве можно отнять хлеб у детей и бросить его псам?». А она отвечает: «Это верно, Господи...Я подобна псам. Но ведь и псы едят крошки, которые падают со стола господ». И так смиренно, с такой мольбой, с таким искренним раскаянием сказала она это, что Христос воскликнул: «О, женщина, велика вера твоя!» Он исцелил её дочь.

Почему же ей так долго пришлось Его упрашивать? Ведь Он помог римскому офицеру, который тоже был язычник. Дело в том, что эта женщина жила в Хананее... А там жили страшные люди. Они убивали детей, совершали безнравственные поступки в своих языческих храмах... И она знала, что

грешна, но при этом не теряла надежды, что Христос все равно ее услышит. И Он услышал, потому что увидел ее покаяние и глубокую терпеливую веру в то, что Он её простит и поможет...

И когда мы молим Бога, а Он молчит, не надо отчаиваться... Может быть, Он молчит не просто так...Может быть, Он чего-то от нас ждет. Но Он хочет нам помочь, Он не может этого не сделать... Ведь Он же сам говорил: «Если сын просит у отца хлеба, разве отец даст ему камень?» Он сам говорил: «Надейтесь!», так разве Он отнимет эту надежду?!... Ну, не может такого быть, чтобы Бог в конце-то концов не услышал!.. Не может такого быть, чтобы..., чтобы Он не пожалел... Тёму! Ну, только... попросите же Его об этом! – почти кричит Володя и вдруг начинает плакать, тихо и жалобно, как ребенок.

Растерянные Виктория Ивановна и Тёма молчат.

– Я многого еще не понимаю, очень многого..., – сквозь слезы, срывающимся голосом говорит Володя. – Бывает, что я задаю вопросы и не нахожу ответа... А может, не надо их задавать...Потому что...Потому что мы ничего не знаем... А нам кажется, что мы знаем...Что должны получать ответы на все вопросы... Но у Господа свои замыслы насчет каждого из нас... И замыслы эти великие и добрые...А иначе и быть не может...Иначе...в Бога, который источник зла, я бы...не верил... А Господь – это любовь. Надо только Ему довериться... Не просто в Него верить, а довериться... Как маленькие дети доверяются своим мамам...

Володя замолкает и смотрит виновато на Викторию Ивановну. Казалось, она его не слушала, её задумчивое и грустное лицо обращено к Тёме. А Тёма сидит, ссутулившись, щеки его пылают, и он жадно ловит каждое слово Володи.

– Простите... Я утомил вас. Тёме пора спать. И мне завтра рано вставать. Я еду к своему... духовному отцу.

– К какому отцу? – переспрашивает Тёма.

– В ста километрах от нашего города есть деревня, Веселиновка... А там монастырь. Очень древний. Монахов совсем немного. Но есть один старец, отец Арсений. Ему уже скоро 90 лет. Я очень люблю его.., как родного. Я в нем очень нуждаюсь, очень... Мне вообще кажется, что его молитвы помогают мне во всем хорошем и уберегают от всего плохого...Он мудрый и добрый... Он знает правду о Боге...

Когда я его слушаю, то думаю о том, что каждому человеку нужен был бы вот такой старец... Вот если бы у каждого ребенка была няня, не просто няня, а необыкновенная няня, как Арина Родионовна у Пушкина, а у каждого взрослого был старец, как Зосима у Достоевского в «Братьях Карамазовых», то люди стали бы намного лучше...

– Когда-нибудь... мы съездим к твоему старцу, – говорит Виктория Ивановна.

– Раньше к нему много людей приезжало. Но сейчас он старенький, больной... А вообще, я его спрошу...Вы действительно хотели бы к нему поехать?

– Может быть, – задумчиво отвечает Виктория Ивановна.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Виктория Ивановна решилась поехать в монастырь. Но все это время старец болел. Володя изредка навещал его и даже однажды сказал, что отец Арсений при смерти. Но весной он поправился, и Володя стал договариваться о встрече.

Все это время Виктория Ивановна и Тёма продолжали жить, как и раньше. И все же что-то в их жизни стало меняться. У каждого появилась нечто такое, чего раньше не было: свой духовной мир, свои мысли о Боге,свои молитвы... Но между собой на эти темы они не говорили, они словно стеснялись друг друга. Тёма не знал, что теперь мама изредка ходит в маленькую церквушку, что неподалеку от их дома, стоит там подолгу, даже тогда, когда уже никого нет.

Виктория Ивановна хлопотала по поводу консилиума. Надежда, что несколько врачей-светил, собравшись вместе, смогут найти лечение для Тёмы, не покидала её.

Однажды вечером, во вторник, пришел Володя, радостный и возбужденный.

– Виктория Ивановна! В пятницу мы с вами едем в Веселиновку! Втроем! Я договорился. Отец Арсений будет нас ждать. Он вам понравится, честное слово!

– Ехать с Тёмой? О чем ты говоришь? Это же далеко и тяжело для него! Он останется с тетей Лизой.

– Но отец Арсений хочет его видеть!

– Володя, это невозможно...Ехать электричкой, потом автобусом... Да мы не справимся.

– Справимся! Вдвоем затащим коляску и в электричку, и в автобус! Честное слово! – убеждал Володя, и Виктория Ивановна сдалась. Засобирались в дорогу.

– Володя, что взять твоему старцу? Напечь пирогов...Может быть, какие-нибудь рыбные консервы... Что он ест?

– Сейчас Великий пост. Он ест только овощи. А знаете, что он любит? Не поверите...Леденцы!

Решили ехать в пятницу первой электричкой. А в четверг пришло письмо. На пятницу, на 8 утра, назначен консилиум в институте хирургии. Счастливая Виктория Ивановна протянула письмо Тёме. Но, казалось, что Тёму это известие не обрадовало.

– А как же Веселиновка? – спросил он.

– В Веселиновку поедем позже, Володя договорится.

- Мама...Я бы....хотел поехать... Поехать сейчас, завтра...

– Тёма, о чем ты говоришь... Володин старец от нас никуда не уйдет. А консилиума я добивалась год! Это же ...важнее в конце-то концов!

– Важнее? Я... я не знаю... Я не знаю, что важнее...

– Тёма, сынок ... И то, и другое важно. Но по-

ездку в Веселиновку можно перенести, а консилиум никто переносить не станет! Ты это понимаешь?

– Понимаю... Решай сама... Но я бы хотел поехать ...к этому старику.

– Мы поедем...обязательно, я тебе обещаю, но не завтра...

Вечером пришел Володя. Виктория Ивановна молча протянула ему письмо.

– И что вы решили? – спросил он.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что я не могу отказаться от консилиума...Мы ведь можем поехать позже? В субботу, например? В воскресенье вернемся.

– Я не знаю... Может быть, можно... Но я договорился на пятницу...Воскресенье – это день, когда он любит бывать один...В общем, как вы решите, так и будет...Позвоните мне, я буду ждать – едем мы завтра утром или нет.

В эту ночь Виктория Ивановна не спала. Конечно, поездку в монастырь можно и нужно отложить на несколько дней. Поехать в следующую пятницу. Она себя не простит, если поменяет врачей на старого и, наверное, полуграмотного монаха... И все же что-то не давало ей принять окончательного решения. Ей мешал Тёма, Тёма, который так ждал консилиума, а сейчас готов им пожертвовать ради поездки в Веселиновку.

Но дело было не только в Тёме. Какое-то непонятное беспокойство и сомнение жили в ней самой. «Если исходить из логики, – в который раз говорила она себе, – то поездку в Веселиновку

нужно перенести, ибо завтрашний консилиум важнее, а если исходить... из чего-то другого...». Этому «другому» она не могла найти название, она его просто чувствовала ... «И если исходить из этого «другого», то больной и старый человек ждет их завтра, а они не поедут, потому что посчитают, что этот монах не к спеху, может подождать, он нечто второстепенное, менее важное... И думая так, они его попросту... предадут, предадут старца, который... знает правду о Боге... А вместе с ним предадут...» Что и кого предадут «вместе с ним» она объяснить себе не могла.

«Господи! Помоги мне! Сделай выбор Сам!» – неожиданно подумала она и сама удивилась собственной своей молитве, вырвавшейся внезапно из сердца...

Рано утром Виктория Ивановна позвонила в институт хирургии и отказалась от консилиума, сославшись на то, что именно завтра она никак не может. И на возмущенные возгласы повторяла лишь только одно слово: «Извините».

До Веселиновки добирались долго и трудно. К тому же испортилась погода. Пошел дождь. Володя нервничал, Виктория Ивановна молча укутывала ноги Тёмы. А Тёма шутил, смеялся и всех подбадривал. До монастыря добрались к вечеру.

Виктория Ивановна ожидала увидеть дряхлого и горбатенького старичка – монаха, как на картинах русских художников. А отец Арсений оказался

высоким, худощавым и даже стройным. И на вид ему было не больше семидесяти. Седые и кучерявые волосы заплетены в косичку, на худом и морщинистом лице светлые и веселые глаза. Жил он в маленькой полутемной комнате. У окна стоял небольшой стол, покрытый клеёнкой и заваленный книгами и рукописями. Напротив – узкая железная кровать. Всюду иконы и мерцающие лампадки.

Заметив, что Виктория Ивановна смотрит на исписанные листы, сказал смущенно:

– Вот мемуары вздумал писать…про свою долгую жизнь… Никто и читать-то их не будет, но мне нравится сам процесс писания. Вспоминать интересно…

Первым делом отец Арсений предложил поужинать. Убрали со стола книги и бумаги, накрыли стол. Горячая картошка, большие белые луковицы, соленые огурцы и помидоры. Володя подогрел на керогазе пирожки с капустой, привезенные Викторий Ивановной. Отец Арсений прочитал молитву, и все уселись за стол. За ужином он расспрашивал Тёму о школе, о том, какие книги читает.

– Когда я мальчишкой был, более всего любил Фенимора Купера, про индейцев… Честное слово!

После ужина Володя решил посмотреть комнату, что была в монастыре для приезжих.

– Может, мне взять с собой Тёму? – спросил он нерешительно.

– Нет, нет, я останусь, – поспешно сказал Тёма.

– Пусть с нами побудет, – кивнул отец Арсений.

Володя ушел, а Виктория Ивановна не знала, что делать дальше. Она растерялась. Никогда раньше ей не приходилось разговаривать со священниками и монахами. И она не знала, как себя с ними вести. Тёма тоже был смущен. Он сидел в своем кресле прямо под иконами и напряженно смотрел на отца Арсения. Старец помолчал немного, а потом сказал:

– А вы хорошо сделали, что приехали... Мы будем вместе молиться, чтобы Господь послал Тёме хорошего врача-хирурга, одного...зачем нам много? И этот врач по милости Божьей и будет его лечить...

Виктория Ивановна изумленно посмотрела на отца Арсения, хотела что-то сказать и вдруг ...расплакалась. Старец молча подошел к ней, сел рядом и стал гладить по волосам, как маленькую девочку.

– Вот вы, наверное, думаете: за что мне все это? Почему именно мой единственный сын? Почему именно у меня? В чем я виновата? Ведь думаете так?

Виктория Ивановна молча кивнула.

– С этим тяжело смириться...Мы бунтуем, возмущаемся... Считаем, что судьба к нам несправедлива, что есть люди намного грешнее, чем мы, и у них все хорошо... Нет, нет, мы не желаем зла другим...Мы себя не можем в этом упрекнуть...И все же мысль о том, что мы не настолько грешны, чтобы так страдать, не покидает нас...

– Но грехи мои действительно несоизмеримы с тем, что приходится переносить... И вопрос: «За что мне это?» напрашивается сам собой, – сказала Виктория Ивановна.

– А может быть, «не за что?», а «для чего?». Может, так вопрос надо поставить?

– Для чего?!

– Да, для чего...Далеко не всегда люди болеют потому, что грешны...Может быть, муки ваши для того, чтобы и вы, и ваш Тёма нашли что-то очень важное, чего у вас еще нет. Вы ничего не знаете о своей будущей жизни и о его тоже...Вы видите только это тяжелое мгновенье, своего сына в инвалидной коляске. А Господь видит всю его жизнь. Кто знает, если бы он был здоров, может быть, был бы совсем другой... И вы были бы не такой... И этот путь с Богом, на который вы сейчас выходите, проходил бы мимо вас обоих... И самого главного в жизни вы бы так и не познали...Может быть, болезнь вашего сына – это ваш взлет... И если вы сейчас начали искать Бога, то только благодаря Тёме...Может быть, вас Господь зовет через его болезнь...Тогда откликнитесь...

– Я не знаю... Я не умею молиться...Я не знаю молитв.

– Это не страшно... Каждую минутку, где бы вы ни были, просите: «Господи, научи меня молиться! Помолись во мне Сам!». Говорите ему все, что вы чувствуете, открывайте ему свое сердце.

– Мне одна женщина в церкви сказала, чтобы я каждый день делала по тридцать поклонов...

– Ах... Не стоит так думать, что если будешь делать столько-то земных поклонов, столько-то раз читать такую-то молитву, все твои желания исполнятся...Господу нужны не двадцать и не тридцать твоих поклонов, которые делаешь и считаешь при этом, чтобы не сбиться ... Человек может рухнуть на землю с воплем, в искреннем раскаянии протянуть к Небу руки, или же смиренно и робко опуститься на колени, боясь поднять глаза от стыда и страха... И Господь услышит и ту, и эту мольбу, родившуюся в искреннем сердце...

– Как я почувствую, что Он меня слышит?

– Это трудно сказать...Бог слышит каждого, но не всегда и не всем дано это ощутить... И если Вам будет это дано, вы Его почувствуете по той неземной радости, которая вас охватит, вы почувствуете Его тайное и спасительное присутствие... Это будет музыка...Это будет ликование вашей души... Может быть, это произойдет не сразу... Может быть, надо будет очень и очень долго ждать... Но иначе не бывает...Благодать надо выстрадать...

– Но зачем? Я не понимаю... Зачем нужны эти жестокие страдания?

– Да, жестокости очень много... А разве это не жестоко – услышать молоденькой матери, что её сын, её маленький, которого она сейчас держит на руках, погибнет...А ведь именно так было сказано юной деве Марии. Или не жестоко страдал Христос, когда молился в Гефсиманском саду до кровавого пота и просил Отца пронести мимо него эту страшную чашу страданий. Но Всевышний не сде-

лал этого. Сын был отправлен на распятие. И когда Он страдал на кресте, Бог не послал к Нему ангелов, чтобы они вытащили Его из ада. Измученный, униженный, распятый, Он издаст вопль: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?»

Отец оставил сына! Зачем это? Какой смысл страдать Ему, светлому и чистому? Он ведь мог и не умереть, да еще так страшно... Но по воле Творца, Он приблизился к грешным, несветлым людям, сделался как мы, и страдал как мы, даже больше... Страдал для того, чтобы вытащить нас из тьмы к свету, чтобы мы поняли, что помимо Земли есть еще Небо, что у Вселенной есть высший смысл...Своим Воскресением через три дня Он это покажет воочию...

Отец Арсений помолчал. Молчала и Виктория Ивановна.

– Вот вы слушаете и думаете: «А ведь все равно ты не ответил на мой самый главный вопрос: «Почему мы страдаем...я и мой Тёма»... Сколько людей со дня их появления на земле задают этот вопрос – зачем мы страдаем? Его задавал праведный и несчастный Иов, о котором рассказывает Библия. Иов потерял детей, семью, дом, все, что привязывало его к жизни... И сам превратился в немощного старика, у которого кости прилипли к коже... И он вопил к Богу, днями и ночами спрашивал, взывал, молился, негодовал: «...объяви мне, за что Ты со мной борешься?». Но Небо молчало..., долго молчало...

И наконец Иов узрел Бога... Бог явился ему... И когда Иов увидел Его своими глазами, то понял:

его вопросы, его вопли, его жалобы – безумны! Ни о чем не надо спрашивать! Перед ним Бог… А это – все! И больше ничего не надо… Бог его слышал! Он все знает! И ответы несчастному Иову уже не стали нужны… И он отрекся от своих вопросов, и стал раскаиваться в том, что задавал их…

Отец Арсений встал, подошел к окну и долго молча смотрел на темное небо. Потом включил настольную лампу. Её свет и мерцающие лампадки сделали маленькую келью не просто уютной, но и наполнили её каким-то особым значением.

– Вот я и думаю… Не надо нам спрашивать, да еще с обидой, возмущением : «Почему гибнут невинные дети?», «Почему так много горя вокруг?», «Где же Ты? Мой ребенок болен!», «Что Ты со мной делаешь? За что мне это?». Может быть, наша мудрость и должна заключаться в том, чтобы не задавать никаких вопросов… Придет время, и Бог утолит нашу жажду, жажду вопиющего к Небу человечества…

А пока мы не должны терять надежду и веру, но должны знать, что мы в мире не одни… Он с нами, Он рядом, Он все видит…

Но мы… мы совсем другие. Мы выбираем тьму вместо света, зло вместо добра… А потом жалуемся, что нам плохо…Не понимаем, что мы все во всём виноваты, что мы жнем всё то, что посеяли…

Вот и приходится нам, прежде чем достичь этого света, пройти через страшную темноту, через болезни, через страдания…

– Значит, если страдать необходимо, то и нет смысла умолять Бога об исцелении? – тихо спросила Виктория Ивановна.

– А разве Христос не сострадал к тем несчастным, которые окружали Его? Разве Он оставлял их мольбы? Разве не Он говорил калекам: «Встань и иди!»

– Но сейчас, сегодня...Он мог бы... Можно сейчас... встать и пойти?

– Можно! Можно встать и пойти! Принять Господа в сердце, довериться Ему... Ведь не для болезней, не для горя, не для войн нас создал Творец! Мы сами себе все это устраиваем... И самим из этого выбраться очень тяжело. Значит, надо просить Его...

Просите, молите, и Он услышит Вас...Горячая и постоянная молитва мамы может пробить стену...

Но одной веры вашей и молитв будет мало, если вы не будете стараться каждый день делать себя лучше, каждый день совершать какие-то крохотные подвиги. Ведь как бывает радостно, когда прожил день и ни о ком плохо не подумал, ни на кого не разозлился, никого не обидел, не совершил никакого плохого дела! Наоборот! Кому-то сделал добро, помог, пожалел, помирил, простил...

Вот часто христиан обвиняют в том, что, мол, для них главное вера, а не образ жизни. Это не так! Верить – значит преображать жизнь, – считал великий проповедник нашего времени отец Александр Мень. Он говорил: когда вы творите доброе, когда вы любите, когда вы созерцаете красо-

ту, чувствуете полноту жизни, Царство Божие уже вас коснулось ...

... Володя давно увез уснувшего в своем кресле Тёму. Ни отец Арсений, ни Виктория Ивановна не заметили, как за окном постепенно ушла ночь и стали появляться первые проблески зари.

– Уже утро, – спохватилась Виктория Ивановна, – а вы всю ночь не спали из-за меня...

– Еще не утро, но уже рассвет, – сказал отец Арсений, задумчиво посмотрев на Викторию Ивановну.

Они вышли на монастырский двор. Небо было еще лиловым, но за речкой уже алел горизонт. Утренняя заря, набирая густой багровый цвет, все больше освещала Веселиновку, что протянулась на том берегу. Небосвод светлел. И небольшая колокольня, и двухэтажное здание монастыря с белыми стенами и с деревянными ставнями на окнах, еще недавно скрытые, словно в тумане, уже четко вырисовывались на золотистом фоне. На той стороне закричал петух, и сразу же разнеслась по деревне петушиная разноголосица... Наступило утро.

Деревья в монастырском саду – старые липы, клены, березы стояли еще по-весеннему робкие. Веткам с набухшими почками и кое-где вырвавшейся светло-зеленой листвой еще не хватало вдоволь солнца и времени. Но кусты черемухи, смородины, крыжовника, облепившие монастырскую стену, уже покрылись зеленью. С монастырской кух-

ни доносился запах печеного хлеба. Вдруг зазвучал колокол. И тут же в саду все запело, защебетало, затрезвонило, словно ждало сигнала с колокольни. И среди этого гомона выделялся чистый и звонкий, переливающийся разными оттенками птичий голос.

– Неужто... жаворонок? – спросила Виктория Ивановна. – Я уже давно не слышала, как поют птицы...

«Как жаль, что Тёма спит и ничего этого не видит», – подумала она. И колокольный звон, и птичий гомон, и петушиные крики из деревни, и запахи весенней поросли и горячего хлеба, и неожиданные отдаленные раскаты грома – все слилось воедино в удивительно радостную живую и светлую музыку. И эта музыка наполняла сердце Виктории Ивановны давно позабытым чувством восторга...

В обратный путь собирались долго. Отец Арсений подарил несколько книг, маленькую старую иконку, да банку грибов собственного посола.

– Приезжайте ещё,– сказал он на прощанье.

– Спасибо вам за все... Спасибо за... вашу веру, что ... можно встать и пойти..., – сказала Виктория Ивановна.

– Можно встать и пойти, – подтвердил, улыбнувшись, отец Арсений, – только нужно захотеть... прикоснуться к Господу.

ЗОЛОТОШВЕЙКА

Бабушка Зина всю жизнь вышивала, и бабушкина мама Ксения тоже всю жизнь вышивала, и мама бабушкиной мамы Маргарита была вышивальщицей. И вышивали они не салфетки и подушечки, а иконы. Вышивали не крестиком и не гладью, а золотыми нитками. Золотые нитки – тоненькие проволочки из золота или серебра, иначе волоченое золото, еще в древние времена привозили на Русь из восточных стран и Византии. Потом при дворе Ивана Грозного открыли мастерскую и сами стали такие проволочки делать. А еще позже, в 18 веке, появилась мануфактура золотого шитья.

Конечно, вышивать только золотыми или серебряными нитями было дорого. И тогда стали на крепкую льняную нитку накручивать тоненькую золотую проволочку. Называлось это пряденое золото. А если золотую и шелковую нитки скручивали вместе, как веревочку, то получалась скань. А еще была канитель – это золотая пружинка, пустая внутри, и через неё просовывали нитку. Прапрабабушка Маргарита вышивала канителью, а прабабушка Ксения – сканью.

Золотошвейкой была и бабушка Зина. По наследству перешли к ней куски драгоценных старинных тканей: парчи, тафты, камки. Она брала кусок толстой холстины, сверху укладывала камку – лег-

K.

кую шелковую узорчатую ткань, все это защемляла в квадратные пяльцы и прикрепляла к столу. Тамара, или как её все называли, Томика, любила наблюдать за бабушкиными руками, которые ловко укладывали золотые нити и прикрепляли их шелковыми ниточками. Эти шелковые маленькие стежочки превращались в узоры : «ягодки», «паучки», «черенки». Они вспыхивали неожиданными красками, переливались, и вместе с золотыми нитями рождали тонкие и нежные образы Богородицы, ангелов, святых...

У бабушки Зины был старый сундучок, где лежали отрезки драгоценных тканей, перламутровые жемчужинки, баночки с бисером, золотые пластиночки – дробницы, несколько драгоценных камешков – рубины, опалы. Все это когда-то принадлежало её бабушке Маргарите и сохранилось чудом. Когда у молоденькой Маргариты убили мужа, царского офицера, она отдала свою маленькую дочь Ксению родной сестре, а сама ушла в монастырь, стала монахиней по имени Мария. В монастыре она вышивала ризы, митры – облачения и головные уборы для священников, церковное убранство и иконы. И все называли её матушкой Марьей-искусницей.

Потом в Россию пришли страшные времена, монастырь закрыли, а монашек посадили в товарные вагоны и повезли в Сибирь. По дороге матушка Мария говорила конвоирам все, что она думает о новой власти в России. А остальные монашки молчали. И тогда на одной из остановок в лесу матуш-

ку Марию вывели из вагона и расстреляли прямо на глазах у монашек. И они опять молчали. Только одна, самая молоденькая, которая потом и спасет сундучок с золотым шитьем, спросила того, кто приказал это сделать: «За что?» И он охотно ответил: «Так нужно для победы мировой революции». А потом, решив, что темные невежественные монашки плохо его поняли, добавил: «Ленин учит: надо убивать реакционных священников и монахов».

Томика много раз слышала эту семейную историю, и когда была маленькой, никак не могла понять, что такое мировая революция и реакционные священники, и почему ради этих непонятных слов нужно было убивать Марью-искусницу.

Томика и её старший брат Володя жили с бабушкой Зиной и папой. Мама погибла в авиакатастрофе, когда Томике было пять лет. Она долго не могла успокоиться и плакала по ночам. И однажды ночью то ли во сне, то ли ей привиделось, к кровати подошла женщина в длинном темно-вишневом платье. Томика подумала, что это мама. Она радостно вскрикнула, но женщина не была похожа на маму. Мама никогда не носила платков. А у неё на голове был широкий шарф, который окутывал её всю и спускался прямо на пол. Это была чужая женщина, и Томика заплакала. Но женщина подошла к ней, наклонилась и ласково сказала: «Не плачь...». А потом исчезла, растворилась, растаяла, словно её и не было.

Томика не испугалась. Она лежала и думала о том, что сказала женщина. Ей все говорили: «Не плачь» – и бабушка Зина, и папа, и Володя. Они всегда её успокаивали: «Мамы нет, и уже ничего не поделаешь». И тогда она плакала ещё больше. Но эта женщина в темно-вишневом платье сказала не так. Она сказала: «Не плачь...» и больше ничего. И ушла. И после этого Томика перестала плакать, почти перестала.

Бабушке Зине она, конечно же, рассказала, что произошло ночью, а потом спросила:

– Может быть, это была... сама Богородица?

– Что ты, что ты, – замахала руками бабушка, – мы недостойны, чтобы она к нам являлась!

– Тогда, может быть, это был мой Ангел-хранитель? Но у него не было крылышек, а на голове... платок.

– Ах, не думай об этом... Тебе просто приснилась какая-то наша знакомая, которая тебя утешала, а ты не узнала её. Вот и всё...

Томика ничего не сказала, но с бабушкой Зиной не согласилась. По ночам она лежала с открытыми глазами и ждала: вдруг загадочная гостья появится вновь. Но женщина в темно-вишневом платье больше не приходила. Не приходила и всё же ... она была. Она существовала где-то рядом и знала всё, что происходит с Томикой. Потому что как только, зарывшись головой в подушку, она начинала представлять маму и в уголках глаз скапливались слезинки, ей тотчас вспоминался ласковый голос: «Не плачь». «Не плачь», – говорила она себе и засыпала.

Томика любила рисовать. Она рисовала все, что видела: кастрюли, одежду, скатерти, попугая Кешу в клетке, цветы. Когда подросла, стала рисовать женщину в темно-вишневом одеянии. Мысль о том, что это была сама Богородица, её не покидала. Она часами перелистывала альбомы и журналы по древнерусской живописи, надеясь найти ту, которая явилась к ней, совсем маленькой, однажды ночью. Изображений Богородицы было много, но той женщины среди них не было.

Всматриваясь в репродукции, Томика с удивлением стала замечать, что ей начинают нравиться древнерусские иконы. Еще не так давно она была уверена, что ничего красивого в этой живописи нет. Удлиненные лица, удлиненные носы, маленькие рты и головки... И среди этих вытянутых фигурок – скорлупки, которые кораблики, и блюдечки, которые озёра, и камешки, которые горы...

Все это казалось по-детски придуманным, однообразным и не таким, как принято быть. Это была странная живопись из другой неземной жизни. Но углубляться в этот золотисто-вишневый мир причудливых форм, знаков и линий становилось не просто интересно – радостно. В душе начинали происходить невероятные вещи, рождался какой-то внутренний восторг в отличие от восторга внешнего, который обычно вызывают любимые картины.

Особенно нравились художественные образы Божьей Матери. Может быть, потому, что, разыскивая темно-вишневую женщину, она погружалась

в них, всматриваясь в каждую деталь, в каждый штрих.

Вот Богородица Оранта. Она выложена из мозаики – мелких разноцветных кубиков смальты в верхнем апсиде храма святой Софии в Киеве. Томика была там вместе с мамой. И тогда мама сказала: «Посмотри на неё… Ведь она живая и протягивает руки каждому… Видишь, куда бы мы не отошли, она на нас смотрит». Оранта Томике не понравилась: некрасивая и нескладная. Но в памяти она все равно осталась. Сейчас, вглядываясь в репродукцию, она поняла, чем восхищалась мама. Расположенная под сводами храма, с золотым нимбом над головой, Богородица Оранта действительно устремлялась каждому навстречу, и её воздвигнутые к небу руки молили Бога о каждом, кто переступал порог храма. Потому она и Оранта – то есть, молящаяся.

Томика любила названия православных икон Божьей Матери. В них звучала музыка старорусских словосочетаний: «Нечаянная радость», «Утоли моя печали», «Цвете неувядаемый», «Всех скорбящих радости». Мама всегда говорила, что иконы эти – живые. Они всё понимают. Они умеют разговаривать, умеют слушать, они кроткие, радостные и печальные одновременно. В них – характер мамы Иисуса Христа.

Вот щека Богородицы прижата к щечке сына. Они любят друг друга, но…друг другу не принадлежат. Они для того и пришли в этот мир, чтобы не принадлежать друг другу. Мама отдаст Сына лю-

дям, а Сын отдаст им маму. Разве не об этом Владимирская икона Божьей Матери – самая любимая икона Томики? Ни на какой другой иконе нет таких глаз – печальных и жертвенных.

Может быть поэтому она не принимает многих современных изображений Богоматери, хорошеньких пухленьких девочек с хорошенькими и пухленькими младенцами на руках. На таких иконах нарисованы лица, а на старых иконах – лики, лики, перед которыми стоят на коленях.

А вот эту икону она обязательно вышьет, когда научится это делать. Богородица, пронзенная семью мечами. Семь мечей, как тысяча мечей, как две тысячи, как сотни тысяч, которые прошли через её сердце. Потому что она пережила всю полноту земных страданий.

Страдания начались сразу, как только у неё родился Сын. Через несколько дней после Его рождения ей было уже сказано, что Он погибнет. И она с этой мыслью жила, кормила Его, укачивала, ласкала... Но пока Он маленький, Он все-таки еще её, еще не пришло время, и они – одно целое. Может быть, поэтому она так редко изображена одна. Они почти всегда вместе – в красках, в кружеве, в дереве, в мраморе, в серебре...

Подростком её Сын потеряется в толпе людей, возвращавшихся из Иерусалима в Назарет. И она будет искать Его три дня, и может быть, с ужасом станет задавать себе вопрос: «Неужели э т о время уже наступило?» Потом придет следующая скорбь: её Сына арестуют. И вот вершина всех её мук: Сын,

распятый на кресте. И опять, кто знает? – может быть, она не теряла надежду, что Он, её Особенный Сын, не умрет. Но Он умер, и она будет рыдать над его гробом.

И любая другая мать не смогла бы простить убийцам своего сына. Но она – не любая другая. Она – Богородица, и любила и любит всех людей и даже тех, кто причинил ей столько страданий. Вот это понять всегда тяжело. Потому что люди на такое почти не способны. Потому что обиды, ненависть, желание отомстить затмевают разум. Вот почему перед иконой Богородицы, пронзенной семью мечами, молятся, чтобы умягчить свое жестокое сердце, чтобы она помогла простить тех, кто причинил тебе зло...

Вышивать Томика начала с незатейливых орнаментов. То ли по наследству ей это перешло, то ли бабушка Зина оказалась хорошим педагогом, только золотошвейка из неё получилась.

– Как только примешься за настоящую икону, – говорила бабушка, – открою золотой сундучок.

А это означало, что из заветного сундучка Марьи -искусницы бабушка Зина достанет для неё либо кусочки парчи, либо жемчужины, либо моточки золотых ниток.

Первой большой работой, вышитой шелковыми нитками, стала икона Богоматери Феофана Грека, написанная в самом начале пятнадцатого столетия. Томика взялась за неё потому, что отдаленно она напоминала женщину в темно-вишне-

вом платье. Матерь Божия стоит во весь рост. На голове белый чепец, а сверху – широкая вишневая ткань – мафорий, покрывающая и голову, и плечи, и тунику. Лицо у неё теплое и ласковое. Обе руки протянуты вперёд, словно Богоматерь к кому-то обращается.

Бабушка Зина работу похвалила. А Томика стала постепенно создавать свой рисунок, искать «свою» Богородицу. Ко дню рождения бабушки она вышила Матерь Божию, стоящую у окна с розой в руке. Одежду и розу украсила мелкими жемчужинами и бисером. Икону поставила в деревянную рамку под стекло.

Ранним утром, когда бабушка Зина ещё спала, она отнесла икону к ней в комнату. Но бабушка поблагодарила за подарок и сказала:

– А роза не годится... Где ты видела на православных иконах Богородицу с розой! У розы шипы, а это символ греха... Надо все распороть и вышить лилию, белую, с тремя лепестками.

До поздней ночи, с трудом сдерживая слезы, Томика осторожно снимала жемчужины и бисер и по крупицам раскладывала их по баночкам. На лилию из белых шелковых ниток и мелкого жемчуга ушло еще три недели. Наступил праздник Благовещения, и икона была почти готова.

Однажды, опаздывая в школу, Томика не убрала, как обычно, пяльцы в стол, а оставила на диване. В этот день она из школы вернулась позже, чем всегда, и первым делом решила взяться за вышива-

ние. Но вышивки на диване не было. Вытащенная из пяльцев, она лежала на столе, свернутая в трубочку. Дрожащими руками Томика развернула её.

Перламутрово-жемчужная лилия исчезла... Вместо неё в ткани зияли дыры. На полу поблескивали рассыпанные крупицы бисера.

– Бабушка! Кто заходил ко мне в комнату? – рыдая, кричала Томика.

– Володя заходил со своей Валечкой. Они хотели твой плеер взять. Что случилось?!

Случилось то, что Валечке, невесте Володи, так понравились жемчужины, что она упросила его спороть их для свадебной фаты. Володя сначала упирался, а потом они оба принялись срезать их ножницами...

На свадьбу Володи и Валечки Томика идти отказалась. Тогда бабушка Зина спросила:

– А какую икону ты сейчас вышиваешь?

– Богородицу с семью мечами...

– Вот и подумай, что это за икона, – сказала бабушка Зина.

Оглавление

Тираж 10 000 экз. Заказ № 3976.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

53 00/=

Ирина Бродская родилась во Владивостоке в семье морского офицера. Детство прошло в Москве и Севастополе. Уже в школьные годы писала пьесы и рассказы. Закончила Московский государственный университет им М. Ломоносова, факультет журналистики. Работала в редакциях газет на Украине. Одновременно занималась научной работой.

После окончания аспирантуры Киевского государственного университета и защиты диссертации, став кандидатом исторических наук, преподавала в институте культуры.

С 1993 года И. Бродская живет в Германии. Занимается вопросами философии, религии, искусства. За эти годы публиковалась в Париже, в Москве, на Украине. Читает лекции по истории мировой духовной культуры для российских эмигрантов. Тематика разнообразная - Пушкин и Моцарт, средневековая Германия и почему Ленин не любил Достоевского, истоки религиозной и национальной нетерпимости и мир библейских сюжетов. Открыла школу для детей российских эмигрантов, где преподаёт русский язык и литературу, историю России и русского искусства. Создала молодежный и детский театры.